

Областное государственное бюджетное учреждение культуры
«Областной Дом народного творчества»
департамента культуры Костромской области

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
научно-практической конференции
в рамках фестиваля
исследования традиционной народной культуры
«Дорогами народных традиций»
2009-2010 гг.

**«ИСТОРИЯ
И ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ РОДНОГО КРАЯ»**

«МОЙ РОД, МОЯ СЕМЬЯ»

г. Кострома
2013 г.

Глава I

«ИСТОРИЯ И ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ РОДНОГО КРАЯ»

ПРЕДИСЛОВИЕ

В сборник материалов научно – практической конференции вошли рефераты работников культуры Костромской области.

1. «История и достопримечательности родного края» - рецензия Гусевой Светланы Михайловны, заведующей отделом по научно-исследовательской работе Костромского архитектурно - этнографического и ландшафтного музея - заповедника «Костромская слобода».

2. «Мой род, моя семья» - рецензия Гусевой Светланы Михайловны, заведующей отделом по научно – исследовательской работе Костромского архитектурно – этнографического и ландшафтного музея – заповедника «Костромская слобода».

Благодарим работников культуры Костромской области за уникальные материалы, предоставленные ОДНТ в ходе работы научно – практической конференции областного фестиваля исследования традиционной народной культуры «Дорогами народных традиций»

«НА КРУТОМ КОСОГОРЕ, НА ВОЛГЕ РЕКЕ...»

Красносельская ЦБС
Подольская сельская библиотека

Село Подольское Красносельского района

Село Подольское расположено на левом высоком берегу Волги. Подольское являлось дворцовым селом, земли его принадлежали царю и членам царской фамилии. Основной обязанностью дворцовых крестьян было снабжение царского двора продовольствием, дровами. В конце 15 – начале 18 веков дворцовые крестьяне платили натуральный или денежный оброк. Главной достопримечательностью села является церковь Успения, построенная в 1817 г. с приделами Святителя Николая и Федора Освященного. Территория храма была обнесена кирпичной оградой.

Существующая историческая застройка села сложилась в конце 19 начале 20 веков. В центре села, на площади, стоит церковь Успения. Сохранились старые жилые дома, например, дом купца – прасола В.Гоголкина.

дом Гоголкина, 1999г.

Дом Басова. Фото 1999 г.

Дом жилой. Фото 1999 г.

Издавна в селе жили ювелиры-кустари. Делали изделия из меди и серебра. Скупал изделия прасол Василий Михайлович Гоголкин, который вёл торговлю в Москве и Петербурге.

В здешних местах известны такие мастера, как Агеевы, Метлины, Рубцовы, Басовы и др. Они изготавливали главным образом брелоки, различные металлические пояса, гравировали металлические пасхальные яйца. Подольские ювелиры были изобретательны. Между ними существовало молчаливое соревнование на выдумки и оригинальность изделий. Любопытна история, связанная с созданием брелка «Золотая рыбка» Терентием Агеевым. Как-то раз его ученик, племянник Василий Агеев принес чудесную книжку. Она называлась «Сказка о рыбаке и рыбке». Васька читал вслух, а Терентий слушал и был поражен ненасытной жадностью старухи. Эта сказка глубоко запала ему в душу. Во что бы то ни стало, он хотел сделать свой, неповторимый брелок. Закрывшись в избе, он несколько дней не выходил из дому. Соседи думали «уж не тронулся ли он умом». Осенью, когда перед зимними ярмарками в село приехали скупщики из Москвы и С.-Петербурга, Терентий Агеев предложил им новый брелок. Скупщики ахнули, отказывались от изделий других мастеров. По селу прошел слух, что Терентий изобрел «живую рыбку». Она шевелится, сама движет хвостом и плавниками. Продавал он свою «рыбку» по 12 копеек за штуку. Сделана она была из меди и серебра. Туловище ее изгибалось, хвост и плавники двигались. Штифты, искусно прикрытые тонкой металлической чешуей, были незаметны. А еще «рыбка» была намного легче других брелков. Это был брелок, показавший новую технику и большой талант мастера.

Уважаемым в селе и округе человеком был Метлин Леонид Александрович. За верстак он сел в 12 лет, окончив 3-х классную церковно-приходскую школу. С первых же дней он показал чудеса в ювелирном производстве: на сделанном отцом брелке он выгравировал такой цветок, какого еще никто в округе не делал. Свое мастерство он передал и своим детям.

Метлин Л.А.

В 1913 г. Леонид Александрович был в составе делегации Костромской губернии, которая встречала Николая II и его семью. Учителем Леонида Александровича Метлина был его отец.

В 1937 году Л.А. Метлин создал уникальный миниатюрный чайный сервиз из 31 предмета, который весил всего 25 граммов. В него вошли: самовар, чайник, поднос, молочница, сахарница, чашки и блюдца, чайные ложки и другие предметы. Дети, внуки и правнуки Леонида Александровича Метлина тоже посвятили себя ювелирному делу.

В селе проживает много людей с фамилиями: Князьковы, Шестернины, Рубцовы, Комаровы, Волковы, Окуневы, Агеевы.

Многие семьи породнились, перемешались, находятся в родстве или свойстве. Большинство из них занимались ювелирным делом. Наиболее известны: Волков М. К., Комаров И.А., Окунев А.С., Шестернин Е.П.

Окунев А.С.

Комаров И.А.

Шестернин Е.П.

Судьба села неразрывно связана с судьбой страны. Много всего пришлось пережить подольчанам. Не прошла стороной империалистическая война 1914 г. Всего было мобилизовано из села 15 человек, из них 8 молодых и здоровых парней погибли. Это Басов Александр Михайлович, Комаров Николай Павлович, Басов Василий Ананьевич, Рубцов Михаил Александрович, Комаров Василий Евстратьевич, Чебулин Иван Федорович, Шестернин Александр Анатольевич, Басов Петр Михайлович.

надпись на фотографии: Костя – дядя д. Васи

Оставшиеся в живых подольчане вернулись домой, и приступили к мирному труду. После окончания Гражданской войны, вернувшиеся солдаты, включились в перестройку быта села. Был организован сельский совет, председателем которого до 1923 г. был Князьков Иван Иванович. Затем Красильников Павел Федорович. В середине 30-х годов председателем Подольского с/совета единодушно была избрана Исина Елизавета Александровна.

Заседание в с/совете, ведёт Исина Е.А.

Много сил, труда отдала эта хрупкая женщина селу, своим односельчанам. Никому не давала спуску, была суровой, но справедливой, сама работала не покладая рук. И люди уважали ее, доверяли ей.

В селе для просвещения крестьян и кустарей организовали избу-читальню в бывшем церковном доме. В школе силами учителей и активистов ставили спектакли. При Подольском промколхозе был создан политкружок.

В конце 1929 г. в селе Подольское был организован колхоз «По заветам Ильича». В него вступили более 30 хозяйств. Председателем сначала избрали Шестернина Василия Хрисанфовича, сына бедняка, только что вступившего в партию. Однако вскоре в село был прислан из Костромы рабочий завода «Рабочий металлист» Фадеев Кузьма Николаевич, он и возглавил колхоз. К этому времени в Подольском было уже достаточно коммунистов для создания партийной ячейки. Первым секретарём партийной ячейки был Яблоков Павел, посланец от рабочих из города Иваново.

Первые производственные цеха – промартели

«в цехах промартели «По заветам Ильича»

Ювелирное производство набирало силы. К 1929 году промартель настолько окрепла и разбогатела, что смогла за одно лето к 12-ой годовщине Октября выстроить серию производственных зданий за рекой. Там разместились производственные мастерские. Кроме того, на месте бывшего магазина был выстроен клуб. Председателем промартели в то время был Степенин Леонид Михайлович, а заведующий производством Рубцов Евгений Васильевич.

В 1930 году Подольская промартель была объединена с колхозом, и объединение стало называться промколхоз «По заветам Ильича». Председателем его стал Блохин Константин Иванович. В промколхозе существовало 2 секции производственная металлосекция и сельскохозяйственная. Зарботки были отрегулированы на основе технических норм, а члены с/х секции работали по Уставу колхоза за трудодни. Жить стали намного лучше, не голодали. В селе работала лавка, где можно было купить, все необходимое.

молодёжь села Подольское, фото 1940 г.

(подольчане, фото 1941)

Когда началась Великая Отечественная война, многие мужчины, и молодые парни ушли добровольцами записываться в военкомат.

*(перед отправкой на фронт, сентябрь 1941 г.)
на фото в 1-м ряду – Рубцов Г. Е., Рубцов П. Г., Рубцова А. В., Луночкин Е. П.*

Михаил Антонов 1940 год

195 человек наших односельчан не вернулись с этой страшной войны. Односельчане чтят память о погибших односельчанах. Каждый год собираются у памятника погибшим 22 июня в «День памяти и скорби».

Совет ветеранов села Подольское

Своим погибшим прадедам посвящают подольчане соревнования по футболу. Почему так, спросите вы? В футбол в селе играли всегда, это была, пожалуй, самая любимая игра. Играли каждое воскресенье. Было несколько команд, начиная от малышей и заканчивая взрослыми, как только позволяло время. Детишки всегда крутились на футбольном поле, благо и речка была недалеко, можно было искупаться. Футбольное поле находилось у Борка (не большой сосновый лесок), в стороне от села, стояли ворота, поле было очерчено. Оно и сейчас находится на прежнем месте.

Футбольная команда подольчан, предвоенное фото

Всегда играли в годовой праздник села Успение Божией Матери – 28 августа. 22 июня 1941 года, в воскресенье, как обычно состоялся футбольный матч. После того как жители села узнали о начале войны, вся команда, в полном составе, прямо с игры отправились в военкомат, почти все они погибли. Поэтому, в память о них, каждый год 22 июня в селе, после торжественного митинга, проводится футбольный матч.

футбольная команда села Пolesкое 2009

Во время войны костромская земля приняла детей блокадного Ленинграда. На территории Красносельского района находились четыре Ленинградских детских дома в селе Красное, Сидоровское, деревне Гущино и селе Подольское. В Подольском д/д открылся в осенью 1942 году. «Везли их на лошадиных повозках, многие из детей не могли даже сидеть, лежали. Дети были разного возраста маленькие и постарше. Многие настолько были истощены, что на них страшно было смотреть. Поместили их в старую школу, кантору, в детский сад» - из воспоминаний Адарчук Ирины Леонидовны. После снятия блокады дети были вывезены обратно в Ленинград, а сам детский дом просуществовал до 1961 года, (в 2008 году вышла книга «Дети войны: судьбы детей блокадного Ленинграда», которая рассказывает об этих событиях).

воспитанники Подольского д/д январь 1945г.

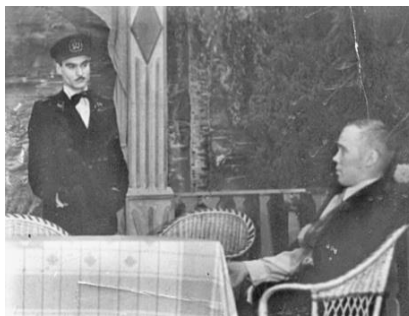
персонал Подольского д/д январь 1945 г.

После окончания войны жизнь понемногу налаживалась. Ювелирный промысел расширялся, и дела промартели улучшились. Ручного труда становилось всё меньше, появились новые станки, и механизмы Старых производственных помещений стало не хватать. Поэтому было принято решение о ремонте здания церкви и переводе туда производственных цехов.

Подольчане всегда славились своим весёлым нравом и артистизмом. В 50–60 гг. много внимания уделялось развитию самодеятельности. По вечерам все спешили в клуб, где ставились спектакли и концерты, устраивались спортивные соревнования, которые собирали много зрителей.

*на спортивном помосте
Исин Ю.В. (слева)*

*«Голос Америки» в гл. ролях:
Шестернин А.А. и Метлин Л.Л.*

*«Без виноватые»
гл. роли Исин Ю.В.*

Народный сельский театр сотрудничал с театром им. А.Островского. Костромской театр предоставлял подольчанам костюмы и декорации для спектаклей. Самодеятельный театр подольчан гастролировал не только по соседним деревням и району, но и выступал в Костроме. Художественными руководителями театра в то время были Луночкина Анастасия Ивановна и Шестернина Раиса Николаевна.

В библиотеке села хранятся большой краеведческий материал об истории Подольского, о буднях и праздниках наших предков. Все эти сведения собраны у старожилов, которые сохранили память о жизни своего села.

Из воспоминаний старожилов: Годовым праздником в Подольском был Успеньев день.

В этот день в село съезжались и сходились гости, просто гуляющие парни и девушки из ближнего и дальнего селений. Было правилом в этот день созывать всех родственников в гости. С утра в селе начиналось оживление. На площадках у домов Шестернина Финогена Ювенальевича и Комарова Федора Сергеевича раскидывались шатры торговых палаток с конфетами, пряниками, орехами, семечками, яблоками, арбузами, виноградом, рожками и иногда помидорами, вкус которых еще мало понимали.

После утреннего чая, водку в то время выпивали очень скромно, маленькими рюмочками, да с большими перерывами в разговорах на разные темы, гости и хозяева выходили из-за стола, шли на улицу. Чинно, не спеша шествовали по селу, шли в гумно, где на лугу, около сенных сараев девицы и парни заводили хоровод. Девицы, одетые в светлые утренние платья, запевали хороводную песню:

Как по морю, морю синему
Плыла лебедь с лебедятами
С малыми со детками
Плывет лебедь, да воскунется
Воскунется, да встрехнется.
Под ней вода всколхнется
Нигде взялся млад ясен сокол
Убил, ушиб лебедь белую
Он пух пустил по поднебесью летать

Гуляла тут красна девица – душа
Брала перья лебединые
Клала в шапку соболиную
Клавши в шапку приговаривала
Я, батюшке во подушечку
Я, матушке во головнице
А милому дружку во перинушку.

А стар и млад, стоят поодаль или сидят на бревнах, на задворках Перелетова Ивана Андреевича, любят на взрослых дочерей и сыновей – невест, женихов, разбирают по «косточкам» каждого, ведут потихоньку разговоры, кто во что одет, как себя ведет – эта больно бойка, а эта смирна.

Повеселится молодежь часов до 2-х дня, разойдутся по домам, вместе с гостями пообедают. Затем девицы переоденутся в другие платья (показать свои наряды). Платья длинные, подол по земле тащится, грудь и талия в корсет затянуты, щеки чуть-чуть поддурмянены, идут, как павы выступают, песни поют, а сами косят глазами по сторонам – не напился бы мил любезный друг, а то кто тогда проводит до отцовских ворот.

Песни поют:

Выйду ль я на реченьку, посмотрю на быструю
Не увижу ль я милого, сердечного, прежнего,
Сердечного, прежнего, своего любезного.
Как вечер-то мой милый, вдоль по улице прошел
Вдоль по улице прошел, шибко громко просвистел

Шибко громко просвистел, на окошко все взирал
На моем красном окошке лежала приметочка
Лежала приметочка, винограда веточка
Виноград зеленый, спелый, без ума девицу сделал.

А старый да малый на завалинке сидят у своих домов. Бабы и мужики теперь наблюдают, как молодежь гуляет и развлекается. Особо разглядывают приезжих и пришедших гостей из других домов и просто гуляющих по селу парней и девушек из других сел и деревень. Вечером девицы опять переодеваются в вечерние платья и снова приходят на лужайку в гумно водить хороводы. Становятся в круг и поют хороводные песни:

Вейся, хмель, перевейся
Перевейся, хмель, на нашу сторонушку
Как на нашей на сторонке
Женихи богаты
Женихи богаты, каменны палаты
Каменны палаты, а верхи - то златы
А верхи – то златы, маковки литые
Маковки литые, а золовки злые...

Поводят девицы хоровод, парни к ним явятся, игры затеют в погорелки, а потом разойдутся по домам. Часам к 10 вечера на улице ни одной девицы не увидишь. Остаются колобродить одни ребята, ходят по улицам села, орут частушки под гармонь. К 12 ч. ночи гомон утихает. Гостей укладывают спать кого, куда кого на полаты, кого на печь, а помоложе мужики и парни идут спать в сарай, на сено.

Праздник закончился. Завтра снова трудовой день.

В Подольском и окрестных деревнях избы строились в основном, в три окна по лицу, с промостьем, задней горницей, в которой по летам принимались гости, спали молодожены.

Передняя изба представляла из себя прямоугольное помещение. В заднем, правом углу обычно стояла русская печь с голбцем, под ним лаз в подполье. Переднее пространство перед челом печи огорожено перегородкой, называлось «у печи» и служило для приготовления пищи. Хлеб тогда выпекался каждой семьей и имел свой особый запах и привкус.

В левой, большей части избы от задней стенки по всему периметру буквой «Г» стояли лавки. В переднем углу к лавкам приставляли стол, у некоторых, после приема пищи, стол убирался на полавошник, (под потолком вдоль стен крепились полки, достаточно широкие, чтобы удерживать стол. На них кроме стола хранились другие домашние вещи: башлыки, тужурки, платки и др.).

В углу, крепилась божница, где стояли иконы, и горела лампадка. На одной из широких скамеек у окна стоял верстак на три, четыре и шесть мест. Около верстака на стене, «под руками» у мастера располагались инструменты со специальными приспособлениями. Кроватьей в доме не было, спали в основном на полотах, расположенных при входе под потолком, рядом с печью. Мебели в домах почти не было, около перегородки обычно еще стоял комод плотничьей работы, куда ставилась чайная посуда, сахар, чай. Тарелок в домах не было. Вся семья хлебала из общей миски или блюда деревянными ложками. Этими же ложками били по лбу за шалости непослушных детей. В холодные зимы в избе ставилась дополнительно маленькая печка. Была она железная или кирпичная с патрубками вокруг стен. Ее топили в морозные дни утром и вечером.

В небольшой избе проживала семья из 7-11 человек, а бывало, еще корова отелилась, так как двор холодный, теленка вносят в избу, он стоит на привязи к лавке в заднем углу, до масляной недели. После Рождества обычно начинают ягниться овцы. Ягнят также вносят в дом. Их расселяют под широкой лавкой, за решеткой в виде частой лестницы. Ягнят было по 9-12 штук. Их надо 3 раза в день покормить, для этого в дом пускают овцу со двора или несколько овец.

И так всю зиму семья глотает дым от маленькой печки, от керосинового паяльника, который почти весь день в работе, сырость и запах от скотины. Форточек в окнах не было, тепло берегли, даже из дому старались выходить в один «хлоп».

Убранства в домах почти не было, но на передней стене у большинства висели часы – ходики, у более зажиточных – часы с боем. На боковой стене – зеркало, иногда лубочные картины.

Зато самовар был в каждом доме. Чай пили 3-4 раза в день – утром, в обед и вечером, но не особенно сладкий. В «накладку» чай пили только три дома – В.М. Гоголкин, священник, Рубцов Яков Кузьмич – главный купец – прасол, который давал сырья и работу более чем 20 кустарям.

Он имел кузницу для плавки, ковки и прокатки серебра, золотильню и оборудование. Бедные кустари покупали сахара не больше фунта на всю многочисленную семью. Сахар расщеплялся на небольшие доли и раздавался всем поровну, ну а кипяток из самовара с добавлением заварки брали, кому сколько надо было – на него ограничений не было.

Рабочая неделя кустаря длилась с понедельника до субботы. В субботу работу обычно оканчивали в 2 часа дня. Верстак убирался в сторону. Женщины после завтрака топили бани, которые были расположены на берегу р. Суйки. В 2 часа обедали, после чего мужчины отправлялись в баню, после них мылись женщины, там же стирали белье, полоскали его в речке и, придя домой, около 6-7 часов вечера пили чай и отдыхали до понедельника.

Воскресный отдых проводили по-разному, в зависимости от времени года. Весной, как только появлялись проталины, на горе около школы собирались мужчины и играли в домино, расставляя кости прямо на земле. Мужчины, ребяташки играли в «городки», «чижа». Победенные катали победителей на закорках по несколько раз, от круга до круга. Девицы и девочки на другой поляне играли в мяч - лапту. Причем мяч был самодельный, тряпичный. Кого «ожгут», т.е. заденут мячом, тот водит – бьет по мячу лаптой. Забавной для мужчин была

игра в «бабки». Ею увлекались все подростки. Но были и семейные мужчины. (Особенно завзятыми игроками были Метлин Леонид Александрович, Окунев Анфим Степанович и др). Интересное было зрелище, когда Метлин Л.А. левой сбивал намеченный ряд бабок заднего конца без остатка. Сбитые «бабки» становились его добычей. Если бы на заднем конце осталось не сбитыми хотя бы одно гнездо (2 бабки), то он обязан выставить на кон такое же количество гнезд, оказавшихся сбитыми. У хороших игроков «бабок» накапливалось много, иногда до 500 штук. Стоимость «бабок» в деньгах определялась от 1 до 2 копеек штука. После того, как Волга очистится ото льда и воды ее зальют Черную речку (приток Волги), подольчане устремлялись на прогулки, на «мысок». Там просто прогуливались, иногда катались на лодках.

Примерно в 1908 г. в селе появились граммофоны, это было новое развлечение для богатых. Послушать, как поет «нечистая сила» сельчане приходили под окна владельцев чудо-техники. А те выставляли диковинки на балкон или в открытое окно. В этом же году в селе появились велосипеды. Их было только 2: у Рубцова В.А. и Шестернина Е.П. Стоил велосипед в тот период 120 – 140 рублей – это 10 -12 фунтов серебра.

Зимой работали до 10 часов вечера. Только после окончания рабочего дня молодые имели право отдыхать. Любили молодые кататься на санках с гор, на соломе. А иногда возьмут чьи-нибудь дровни, подвяжут оглобли, чтобы не мешали и всей гурьбой съезжают с горы. Перевалиются все в снегу, но всем весело, смешно. А то пойдут гурьбой по селу и, подойдя под окна домов, где еще свет не погашен, послушают, о чем говорят в доме. Чаще всего ничего не услышат, постучат в окно, а сами врассыпную. Сойдутся потом озорники и снова смех, хохот.

Но вот наступает Рождество, зимний мясоед, который длится до масленицы, начинаются Святки. Девицы и парни по возрастам «группировались» в так называемые «беседы». Эта группа, «беседа» нанимала подходящее по размеру помещение, дом. В селе обычно создавались три «беседы»: старшая, средняя и младшая. Эти помещения девицы украшали, бумажными цветами, лубочными картинками, зеркалами. Ребята обеспечивали освещение – лампами-молниями и керосином. В оплате за помещение участвовали все участники «беседы».

Начиная с 27 декабря и по 5 января в «беседах» часов с 8 до 12 ночи шли вечеринки. Сюда собирались девушки и парни в лучших одеждах, девицы со всеми украшениями броши, серьги, ожерелья, часы (тогда их носили на цепочке через шею, сами часики лежали в кармане блузки), черепаховые гребенки в волосах. Все рассаживались по лавкам и начинали «вьюниться». Парень или девушка ходили по комнате перед рядами сидящих под общую песню:

Со вьюнком я пошла (пошел)
С золотым я пошла
Положу я вьюн на правое плечо
А с правого, на лево положу
Поцелую своего милого (милую)
Да и прочь пойду.

Избранная девица или парень должны поцеловаться. Так продолжалось несколько раз. Святочных песен было много. Например:

Щипала, ломала я зелен виноградом
Веточки бросала к милому в кровать
Спишь ли ты мой милый или так лежишь?
Не сплю, не гадаю, в печали лежу
В печали лежу, жениться хочу.
Женись, женись мой милый, сватайся ко мне
Свататься не бойся, отказу не жди
Возьмешь на сторонке не лучше меня
Толстую, простую, совсем без ума
А я молоденька, тонка и модна
Тонка и модна, поцелуй меня.

Зрителей в «беседы» набивалось до отказа. Особенно оживленно было на вечеринке, когда приходили ряженные. Ряженные появлялись на посиделках неожиданно. Они критиковали нерадивых хозяев, высмеивали пороки своих односельчан.

Крещением (6 января по старому стилю) кончались святки, а значит и праздничные посиделки.

После святок начинались свадьбы. Перед свадьбой были сватанье, богомолье, рукобитье, смотрины, «сговор», «девичник»... До свадьбы оговаривались все условия бракосочетания: какое имущество будет у жениха, какое придание принесет в дом жениха невеста, какие пиры будут справлены с той и другой стороны. На девичнике главными лицами были жених и невеста. Молодые ходят по горнице, а девушки поют:

У голубя, у сизого золотая голова
У голубки, у сизой позолоченная
Черным шелком, черным шелком изубраная
Розовой лентой, розовой лентой изукрашенная
Этот голубь, этот сизый, свет Василий господин,
Его сизая голубка светик Лидушка душа
Хорошая, пригожая, взял бы я замуж за себя
Снарядил бы для себя.
Я бы летом в платье этом
На просятке стал катать

Я бы зимнею порою да на лаковых санях
Я б на лаковых санях, да на вороных конях
Я бы золотом украсил, жемчугом бы одарил
После золота, украс, я целую, Лида, вас!

В этот день до венчания приданое невесты перевозилось на разукрашенных лошадях, специально выделенных женихом, «дружками», с перевязанными через плечо полотенцами, с цветами в шапках. Со стороны невесты сопровождали приданое молодые женщины, в красивых платках, полушубках. С шутками, с выпивкой, с оплатой за пропуск имения невесты приданое привозилось в дом жениха. Там все раскладывалось для общего обозрения, рассмотрения. Каждому желающему предоставлялось право пройти в дом и осмотреть все до мелочей из приданого невесты.

Обряд венчания обычно совершался по вечерам при переполненной односельчанами церкви. Жених являлся в церковь раньше невесты и ждал ее появления. При появлении невесты в дверях церкви хор певчих пел: «Гряди, гряди, невеста моя». Священник брал за руку жениха и вел к двери встречать невесту. Там они, взявшись за руки, шли к аналою, на место, где совершался обряд венчания. Священник проговаривал: «Господи, боже мой, славой и честью венчаю я». Хор исполнял песнопения.

Из церкви молодых привозили в дом отца жениха, там их встречали родители, вводили в дом, усаживали за свадебный стол в красный угол, давали им краюшку черного хлеба, которую молодые должны были съесть (до венчания они должны были говеть). Затем, рассаживались гости за столы и начиналось торжество. Свадебное пиршество обычно длилось 3 дня.

После брачной ночи молодых отвозили на санях в специально приготовленную баню, а в это время родня жениха осматривала постель молодых, и если не обнаруживалось признаков девственности невесты, то из бани молодых везли на бороне, как символ позора для молодой и ее родни.

На свадебный пир также допускались зрители. Они набивались до отказа у порога дома и наблюдали за всем происходящим на пиру.

У подольчан был еще обычай – жених должен был угощать водкой в день свадьбы всех зрителей – мужиков, пришедших на свадьбу. А молодая жена его после свадьбы всех замужних женщин села угощала орехами, разными сладостями, - это так называемые «умывашки».

Закончить рассказ о селе Подольском хочется стихотворением Виноградовой Раисы Михайловны уроженки и жительницы нашего села:

На крутом косогоре, на Волге реке.
От шумных дорог, от столиц вдалеке,
Раскинулось наше родное село
И название Подольское носит оно.
Свои годы ведёт от старинных времён
Ювелиры трудились в селе испокон
И купцы украшеньями баржи грузили,
Да на ярмарку в город Макарьев возили.
Рядом с нашим селом есть Батыга-гора.
Орды хана Батые, видно помнит она.
Семья Годуновых владела селом
И с тех давних времён нам известно о том.

Наша матушка-Волга плавно течёт,
Свои воды она горделиво несёт.
По спокойным волнам пароходы плывут
Пассажиров, товары, туристов везут.

Тёплой летней порой на её берегах
Столько солнца и света в сосновых лесах,
А в берёзовых рощах простор и покой
Пахнет мёдом, малиной и мятой-травой.

Необычной красой наш край знаменит.
Каждый новый приезжий о том говорит.
Приглашаем друзей. Приезжайте в село,
И запомнится вам красотой оно.

Литература:

1. Князьков И.И. Село Подольское от барщины 40-х гг. XIX в. до наших дней. - Рукописная книга 1966-68 гг.
2. Дюбюк Ев. Подольское вотчина Кандалинцева в 40-х гг. XIX в. – Кострома, 1844-45 гг.
3. Морин В. Подольская земля: из истории родного края // Кр. приволжье.- 1979. - август.
4. Белопахов В. Подвиг Ив.Сусанина и судьба его потомков // Кр. приволжье. - 1992. - февраль.
5. Празднование трёхсотлетия царствования Дома Романовых в Костромской губернии 19-20 мая 1913 г. / Сост. Н.Н.Виноградов.

«ПОСЕЛОК АЛЕКСАНДРОВСКОЕ ОСТРОВСКОГО РАЙОНА»

*Выполнила работу Уланова Светлана Витальевна
Костромская обл., Островский муниципальный район, п. Александровское.*

п. Александровское, 2011

Если взглянуть на карту Костромской области, то можно увидеть в Островском районе маленькую точку поселок Александровское. Это мой родной поселок, где я родилась, выросла и живу. Пусть он находится вдали от шумных городов, больших дорог, но он мне дорог своей природой, своими речками, лесами и лугами, людьми, которые здесь живут.

Наши краеведы никак не сойдутся в едином мнении, почему же поселок был назван Александровское. Я и мои земляки считаем, что название поселка все-таки связано с родом Александра Александровича Григорова (историка, писателя, краеведа), имя которого связано с нашим краем.

Вот как сам А.А. Григоров пишет об истории своей усадьбы: «Имея хорошие средства, дед с бабушкой вскоре после переезда в деревню решили построить себе усадьбу. Бабушка, очень умная и образованная женщина, сама составила проект дома, выбрала для него причудливый мавританский стиль, подыскала живописное место для постройки – и дело пошло. Выбранное для усадьбы красивое место вне пределов собственных земель деда и бабушки (известное в то время под названием «Осиное гнездо» и принадлежащее помещице Савельевой, никогда сроду на своих землях не бывавшей и не выдавшей их) было куплено не задорого. И вот на самом краю вновь образованной Троицкой волости, в 6 верстах от приходской церкви Спас-Заборье, на крутом берегу реки Медозы возникла новая усадьба под именем «Александровское», названная так в честь прадеда, на чьи деньги была сделана эта постройка».

Главной достопримечательностью поселка является Александровская бумажная фабрика.

Местечко, где построена фабрика, называлось Пеньки, потом Распопинка, вокруг фабрики строился поселок, впоследствии названный «Александровское».

В 1848 году открыл бумажное производство в сельце Александровское бывший крестьянин князя Голицына Владимирской губернии Иван Распопин. Пришел он из Москвы, где в течение семи лет бегал с лотками и продавал всякую «снедь». В Москве, в одном из шумных кабаков Иван Распопин купил у помещика Григорова избу, баню, амбар и получил от него в оброк одиннадцать человек крепостных крестьян. Это явилось основой бумажного производства Распопина, будущей Александровской бумажной фабрики. Невыносимо тяжелый ручной труд подневольных рабочих по 18 часов в сутки, при помощи примитивных орудий производства: деревянных лопат, крестьянских кос - ежегодно приносил Распопину большую прибыль, позволившую выкупить из крепостной зависимости себя и свою семью, а также существенно расширить производство.

С 1852 года фабрика стала выпускать гербовую бумагу и цветной картон. В 1859 году Распопин купил в собственность землю и лес, построил деревянные корпуса с 7 цехами и 8-ю амбарами. Постройка фабрики продолжалась всего один год. Все цеха, за исключением кочегарки, и оборудование были деревянными. Даже плотина, и та не имела в себе фунта железа или цемента. Все делалось вручную. Первичная обработка тряпья, составлявшего сырье, производилось следующим образом: на скамейку садилась женщина и на обыкновенной крестьянской косе резала тряпку. Капитала употреблено на устройство фабрики 19200 рублей серебром. Хитрый Распопин понимал, что только нищенская зарплата рабочих и продолжительный труд могут обогатить его. Поэтому рабочих он принимал по найму и число их увеличивал до 130 человек. Основные рабочие (черпальщики, свальщики, рольщики), получали в день по 27 копеек, чернорабочие - по 19 копеек, а женщины - всего лишь по 10

копеек в день. Рабочий день начинался и заканчивался при керосиновых коптилках и ежедневно составлял 16-18 часов. Прибыль росла, росло производство. В 1908 году была введена в эксплуатацию первая бумагоделательная машина французской фирмы «Парклуруф».

После смерти Ивана Распопина в 1912 году фабрика перешла в ведение молодого, талантливого инженера Михаила Дмитриевича Галашина. Не обновляя фабрики, свои доходы хозяин увеличивал за счет нажима на жизненные интересы рабочих.

Вокруг фабрики стояло несколько убогих домов с множеством каморок. В них ютились рабочие с семьями. Среди этих «жилищ» возвышалось красивое двухэтажное здание с верандами. Здесь жил хозяин Михаил Дмитриевич Галашин. Огромные прибыли фабриканта были основаны на бесчеловечной эксплуатации рабочих. Большинство из них, работая в вопиющих антисанитарных условиях, при чрезмерном физическом перенапряжении через 10-15 лет превращалось в инвалидов, безжалостно выбрасывалось за фабричные ворота, пополняя ряды нищих.

Вот как о том времени вспоминала работница колхоза А.А. Козырева, «*Наш тряпичный цех помещался в небольшом сарае. Работало в нем 16 человек. Всю работу, которую теперь выполняют машины, делали вручную. Тряпку резали косой на горсточки. Норма на смену 25-30 пудов. А потом сами же таскали эту тряпку к котлам. Правда, еще ребятенки нам подсобляли. Пылища в этом сарае – не продохнешь. И в нос то проклятая лезет, и в рот, и в уши, в глаза. И было этой тряпицы целые горы навалено: ни шагу шагнуть, ни места выбрать постороннему человеку. Да и мало кто заходил к нам. Тут и болезни, и всякая зараза. Работали по 12 часов, можно сказать - до потери сознания. Кровью харкали. Даже рожали в сараях на тряпках. Помню: Марья Лебедева (она вместе со мной работала) обрезала палец косой, взяла тряпку да и завязала его. Так что бы вы думали? Столбняк с ней случился. Вот что...»*

А Агафья да Ульяна Козыревы от такой работы захворали чахоткой и умерли. Кстати об Ульяне Козыревой. Приспело ей рожать. У нее на работе начались схватки. Прилегла она на тряпки, да тут и родила. Завернула своего младенца в фартук и пошла домой. А навстречу ей управляющий, матершинник он был, грубиян. Сверкнул на нее эдак глазами, на фартук носом показывает: чего наворовала, такая мать? А ребяенок-то как заплачет. Управляющий махнул рукой, выругался еще раз и пошел в сторону. Родила, стало быть, а через неделю - здорова ли нет ли - снова ступай на работу».

Не раз рабочие выступали против тяжелых условий работы и нищенского существования, бастовали, бросали работу. Вот как описывает одну из забастовок Румянцев А.С.: «*Дошел до нас слух, что рабочие в Кинешме забастовали, добились восьмичасового рабочего дня, увеличения зарплаты. Решили и мы объявить забастовку. 4 ноября 1905 года фабрику остановили. Руководили забастовкой машинист-слесарь Иван Иванович Майоров и Чивиков. Некоторые рабочие сначала не давали останавливать фабрику, дрались веслами и вилами. Но все, же большинство переборол. Майоров выступил с речью. Хозяин фабрики не выходил из дома.*

Вызвали мы инспектора труда. Составили требование: сократить рабочий день до 8 часов, повысить заработную плату, улучшить жилищные условия, построить баню. Баня у нас хотя и была, но очень грязная и неудобная. Топилась она раз в неделю. Мылись все вместе: и мужчины, и женщины, и девушки, и дети.

Когда приехал инспектор, Галашин подслал своих двух сыновей, чтобы они подслушали, что будут говорить рабочие, и кто именно недоволен хозяином. Но инспектор сам заметил их и попросил удалиться. А может, это было сделано, чтобы вызвать у нас больше доверия.

Бастовали четыре дня. Добились временного введения восьмичасового рабочего дня, прибавки зарплаты по 7 копеек, баня тоже была построена новая, с мужским и женским отделениями».

Но, в основном, борьба рабочих до 1917 года оставалась почти безрезультатной. В 1913 году на фабрике работало 117 рабочих, которые вырабатывали 33 тонны бумаги и 705 тонн картона.

В 1914 году М.Д. Галашин организовал впервые в России производство «вулканизированной фибры». Способ производства фибры ему передал бельгиец Гафар, узнавший о таком производстве

от своего брата, работавшего в США, где впервые было организовано производство фибры в 1873 году.

Сведений о производстве фибры было мало, технология неизвестна, и все же опытным путем были найдены и отработаны технологические режимы по производству «вулканизированной фибры». Уже в 1915 году было выработано около 70 тонн.

Для производства фибры использовалась бумага, полученная из хлопчатобумажного старого тряпья. Изготавливалась бумага и сама фибра кустарным способом на примитивном оборудовании. Вырабатывалась только листовая фибра, в основном для изготовления чемоданов и козырьков.

В годы первой мировой войны, когда корпуса пришли в ветхость, Галашин дорого застраховал фабрику, а потом сжег ее (сгорело варочное и рольное отделения). Получив, таким образом, большие деньги по страховке он построил новые кирпичные корпуса фабрики и установил новое оборудование: локомотив «Ланц», паровой котел «Шуховка», два варочных котла, три ролла и два цеха для фибровой бумаги.

Этот период очень важен в истории фабрики, так как Александровская бумажная мануфактура явилась родоначальником производства фибры в России, нового промышленного материала, который сейчас используется во всех отраслях народного хозяйства.

Когда свершилась Октябрьская революция, фабрика была национализирована.

В 1918-1919 годы было проведено окончательное восстановление фабрики. Однако выпуск фибры по-прежнему ограничивался несколькими десятками тонн. По решению Иваново-Вознесенского губернского СНХ фабрика с 1922 по 1925 годы реконструировалась.

В 1922 году была заложена основа постройки мощной железобетонной плотины. В результате вода реки Медозы была направлена по новому руслу, уровень воды поднялся на 3,5 метра. На реке были установлены две турбины, давшие электрическую энергию.

Вот как вспоминает строительство плотины В.В. Генце, работавший в то время счетоводом: *«Встал вопрос о постройке плотины. Было общее собрание, на котором стоял вопрос быть или не быть фабрике. Решили плотину строить и на постройке работать всем. Приехали 2 инженера-строителя, приехал инженер Григорьев А.В., Галашин М.Д. стал техническим директором.*

На стройке работали все и кадровые строители и рабочие, и служащие фабрики ходили по вечерам на забойку свай. Местные крестьяне на своих лошадях заваливали камнем и землей второе русло реки, где построили желоб для подачи воды к турбинам. Летом 1923 года постройка железобетонной плотины была закончена. За работу мы получили по пуду муки, метров 3-5 мануфактуры и по лопате конфет (ландрину)».

29 апреля 1925 года Иваново-Вознесенским губернским исполкомом утверждено постановление о расширении и дооборудовании Александровской фабрики. Однако, на существующей площадке расширение не представлялось возможным, и было принято решение о передаче Александровской фибровой фабрики Кинешемскому кожевенному заводу им. Кордюкова.

С августа 1925 года в помещении бывшего кожевенного завода организовано производство изделий из фибры: текстильных тазов, чемоданов и углов для них, футляров для чертежей, козырьков, фибровых ящиков.

На базе Александровской фибровой фабрики и Кинешемской фабрики изделий из фибры образуется бумажно-фибровый комбинат, с расположением управления комбинатом на Кинешемской фабрике.

23 сентября 1927 года президиум Иваново-Вознесенского губ.исполкома принимает постановление с сосредоточением всего фибрового производства на Кинешемской фабрике изделий из фибры.

В 1927-1928 годах на фабрике устанавливается оборудование производства листовой трубчатой фибры. Фибровый цех Александровской фабрики был ликвидирован. В эти годы на фабрике проводилась реконструкция, после которой производство бумаги - основы для фибры увеличилось и достигло к началу 1 пятилетки 330 тонн в год.

В годы первых пятилеток коллектив фабрики направил свои усилия на увеличение объема производства основы для фибры за счет модернизации действующего и установки дополнительного оборудования.

К концу второй пятилетки (1937 год) был достигнут выпуск 875 тонн основы для фибры в год.

По генеральному плану бумажной промышленности в 1935 году на Александровской фабрике развернулось новое строительство, на которое правительством было отпущено 5 млн. рублей. Были воздвигнуты каменные корпуса фабрики, построены здания механической мастерской, гаража, поставлена новая силовая станция, сооружен сортировочный цех, вновь оборудован рольный цех. На живописном берегу речки Медозы полукругом раскинулись новые здания бумажной фабрики, и вырос рабочий поселок. Построены школа-интернат, детский сад, просторный клуб, столовая, магазин, пожарная часть. Поселок полностью электрифицирован.

Первым руководителем фабрики был с 1917 по 1922 годы инженер Григорьев. С 1922 по 1927 годы по решению Иваново-Вознесенского губернского СНХ первым красным директором назначен член РКПб, рабочий-мастер - Грузов Павел Александрович.

В руководство вошли: Золим Василий Дмитриевич - организатор и руководитель партийной ячейки - бывший красногвардеец, участник штурма Кремля в 1917 году и Торопов Николай Васильевич - организатор и руководитель профсоюза рабочих, впоследствии, председатель профсоюза бумажников Ивановской области.

В предвоенные годы на фабрике была разработана и освоена технология производства основы марок А и Г, из которых для нужд оборонной промышленности выпускалась фибра листовая авиационная: конструкционной марки «ФЛАК» и касторово-глицериновой марки «КГФ».

В годы Великой Отечественной войны александровцы пошли на фронт защищать Родину. Оставшиеся рабочие на фабрике не снижали производительности труда и продолжали увеличивать выпуск продукции. Рабочие трудились без выходных по 12 часов в сутки, так как рабочих не хватало. Женщины заменили ушедших на фронт мужчин. Вот как об этом времени вспоминает В.П. Боброва: *«В начале Великой Отечественной войны, когда многие мужчины ушли на фронт, я попросилась на работу в топливный отдел. И только здесь, у раскаленной топки локомотива, я нашла работу по душе и способностям. Некоторые старички поглядывали на меня с усмешкой, с недоверием. «Не справишься, Прокофьева», - говорили они. «Не бабьего это ума дело...» И убедились: кочегар получился неплохой».*

Воробьева Валентина Григорьевна в 1941 году пришла на фабрику 15-летней девчонкой. Стала работать в тряпичном цехе, затем выучилась на электромонтера и проработала 46 лет. Она вспоминает: *«Что встало на производстве, то и ремонтируешь по 12 часов, без выходных, да еще дрова складывали тяжеленные. За это получали хлебный паек -600 граммов».*

Начало Великой Отечественной войны резко изменило потребности промышленности в фибре. С первых ее месяцев, в соответствии с заданиями Государственного Комитета обороны, на фабрике была проделана большая работа по организации производства для выполнения, заказов предприятий авиационной промышленности, вооружения, боеприпасов, среднего машиностроения и других.

В 1941 году удельный вес бумаги основы для изготовления фибры оборонного назначения возрос с 40% в 1 квартале до 91,55 в 4 квартале.

Для выполнения военных заказов увеличивается выпуск основы для изготовления касторово-глицериновой фибры. Фибра, изготовленная из александровской основы, использовалась, как электроизоляционный прокладочный материал, заменитель цветного металла в машиностроении, в оборонной промышленности.

Из фибры Марк «ФЛАК» авиационная промышленность изготавливала бензиновые и масляные баки для прославленных штурмовиков «ИЛ - 2». Генеральный конструктор «ИЛ-2» Ильюшин писал в газете «Советская Россия», что применение фибры «ФЛАК» для бензиновых и масляных баков на штурмовиках «ИЛ - 2» вместо металла позволило повысить их боеспособность и резко сократить потери в бою боевой техники.

В годы войны фабрика имела огромные трудности с сырьем, химикатами, топливом, транспортом. Но, несмотря на все трудности, коллектив успешно справлялся со своими планами, и к концу войны объем производства достиг до 1178 тонн в год.

В послевоенные годы коллектив фабрики продолжал наращивать темпы по выпуску готовой продукции, проводил работу по совершенствованию технологии и освоению новых видов продукции.

В 1952-1960 годах осваивается выпуск новых марок «ПК» для изготовления прокладочной кислородостойкой фибры.

В 60-е были построены и введены в эксплуатацию очистные сооружения, построены здание фабрики, смонтирована бумагоделательная машина № 2 и пущена в эксплуатацию. В 1967 году ассортимент продукции фабрики и расширен.

До 1971 года фабрика считалась самостоятельным предприятием, а в 1971 году она объединилась с двумя картонными фабриками - Адищевской и Краснополянской.

В 1993 году по просьбе работающих всех фабрик, фабрики вновь разъединились и стали самостоятельными, но этот период работники фабрики пережили очень тяжело из-за отсутствия средств на покупку сырья, топлива, электроэнергии и др. Фабрика постоянно стояла, рабочие не получали зарплату годами.

В 2000 году фабрику обанкротили. Ее купили частники. Хозяином стало ОАО «Фламинго». С 2001 года ООО «Александровская бумажная фабрика» освоило производство бумаги для гофрирования. Эта бумага, предназначена, для внутренних слоев при выпуске гофрированного картона, поэтому она отправлялась на комбинаты, изготавливающие гофрокартон.

В настоящее время фабрика остановлена на реконструкцию.

Хочется верить, что знаменитая александровская фабрика будет работать, так как судьба практически всех жителей поселка неразрывно связана с бумажной фабрикой.

В заключение приведу строки из песни В.Г. Генце на слова учителя александровской школы Палагина, которая является своеобразным гимном нашего поселка:

Каждый день прохожу я по улице
И люблюсь поселком своим,
Мое сердце поет и волнуется,
Все здесь стало мне близким, родным.
Александровский, Александровский
Край бумажников, наших отцов.
Александровский, Александровский
Я люблю тебя, молча, без слов!

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Белоруков Д. Далекое прошлое / знамя Октября, 1990г. 24 апреля.
2. Бочков В.Н., Григоров А.А. Вокруг Щелькова: Путеводитель по историко-мемориальным местам. – Ярославль: Верх.-Волж.кн.изд, 1972.
3. Григоров А.А. Родная земля. – Кострома, 1990.
4. Григоров А.А. Из истории Костромского дворянства /Сост. Н.А.Зонтиков/. – Кострома, 1993.
5. Губернский дом: Историко-краеведческий культурно-просветительский научно-популярный журнал. № 3, 1999. – Кострома, 1995.
6. Губернский дом: Историко-краеведческий культурно-просветительский научно-популярный журнал. № 1-2, 2004. – Кострома, 2004.
7. Куликов В.И. Там, где жил Островский. – Кострома: Костромское книжное издательство, 1958.
8. Румянцев В. А. История фабрики / Знамя Октября, 1989 г. № 83 – 89.

9. Столетие Александровской бумажной фабрики (1848 – 1948). – Кострома: ОГИЗ, 1848.
10. Почетные граждане города Костромы: Сборник биографических очерков/ Сост. Б.Н. Годунов – Кострома, 2002.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Воспоминания Генце Владимира Германовича

Использованы подлинные записи, Генце В.Г. 1887 г.р.

Проживал в п. Александровское.

Работал счетоводом на
Александровской бумажной фабрике.

Запись передана в 1982 году,
хранится у библиотекаря

Александровской библиотеки
Улановой Светланы Витальевны.

ИСТОРИЯ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ БУМАЖНОЙ ФАБРИКИ.

Я пишу здесь о том, что мне известно и что происходило при моей жизни на фабрике. Основатель фабрики Тима Распопин (как его ранее звали) происходил из села Пестяки, Гороховецкого уезда, Владимирской губернии. Был он торговец красным товаром, т.е. «коробейник», ходил по деревням с коробом за плечами. Каким путем он нажил капитал, и смог построить картонную фабрику на берегу р. Медозы против дер. Данильцево, на земле принадлежащей помещикам Григоровым? Когда и по какой причине она была переведена на ныне существующее место мне неизвестно.

После смерти Тимофея осталась его хозяйка Мария Павловна Распопина, которая и передала ф-ку своему родственнику (брату) Дмитрию Павловичу Галашину, а последний своим сыновьям Ивану и Михаилу. Последний Михаил и был последним хозяином фабрики. Все они уроженцы из того же села Пестяки.

Оборудование фабрики было очень примитивное. Листы картона отливались вручную черпаком на сито. Бумажная машина была установлена при последнем хозяине Михаиле. До установления Советской власти фабрика называлась «Распопинская». Александровской стала называться только при Советской власти. Я пришел на фабрику после демобилизации из Красной Армии 2 февраля 1922 года. Фабрика вырабатывала картон, а иногда и бумагу. Производительность была 20 пудов в сутки. В то время Галашин Михаил, ушедший с фабрики с первых дней революции, на фабрику возвратился по просьбе рабочих, где-то достал механическую мельницу, установил ее, и стали молоть зерно местных крестьян. Мельница работала быстро. Крестьяне охотно везли свое зерно, за что платили мукой и рабочие получали ежемесячно по пуду муки на работающего. Энергию фабрика получала от 2-х водяных турбин, одна 20 л.с. другая 60 лошадиных сил, кроме того стояла небольшая паровая машина за бассейном бумажной машины. От этой паровой, работала бумажная, а рольная и варочный котел от водотурбин. Тряпковарочный котел был всего один. Паровое хозяйство состояло из одного котла системы Шухова. Второй такой же котел был установлен в 21-22 годах.

Возвращаюсь немного назад к 1918 году. Река Медоза около фабрики имела два русла. Одно напрямую, другое шло по направлению к клубу. Прямое русло было в половину уже, чем теперь. Были две деревянные плотины. Вторая плотина и подавала воду к водотурбинам.

Весна 1918 года. Была очень большая вода. Я только в январе 18 года возвратился из старой армии и решил жениться. Пришел на фабрику ку к сестре просить денег на свадьбу и вот я, Галашин и еще кто-то третий взошли на плотину, а река в то время обошла плотину стороной. Береговой карась левого берега оказался посреди реки, а мы стояли на нем. Мгновение и карась рухнул, мы в реке вместе с мостовым настилом. Галашин ухватился за какие-то сваи, я и третий подобрали под себя доски и плавали на них. На фабрике звонок тревога. Бежит народ, а меня уже несет вниз по реке. Под Песочной горой меня вытащил багром С.Е. Лебедев.

Все трое были спасены. Я все-таки женился, но с женой пожил 2 месяца и ушел в Красную Армию. Больше ее уже не видел.

22-й год. Фабрика стояла до тех пор, пока не установили второй паровой котел и локомотив «Ланц». Но вода была нужна, плотину унесло. Встал вопрос о постройке плотины. Было общее собрание, на котором стоял вопрос быть или не быть фабрике. Решили плотину строить и на постройке работать всем.

Приехали два инженера строителя, один по фамилии Пальшау (Тальшау), другой Михаил Михайлович (фамилию забыл). Приехал первый красный директор Григорьев Анатолий Васильевич. Галашин стал техническим. На постройке работали все и кадровые строители, и мы ходили по вечерам на забойку свай.

Местные крестьяне на своих лошадях заваливали камнем и землей второе русло реки, где построили желоб для подачи воды к турбинам.

Летом 1923 года постройка железобетонной плотины была закончена. За работу мы получили по пуду муки, метров по 3-5 мануфактуры и по лопате конфет (ландрин).

По просьбе директора Григорьева я написал ему картину «Вид на плотину с нижнего омута», которую он увез с собой. В тоже время на фабрике были установлены две фибровые машины. Фабрика стала вырабатывать бумагу и фибру и имела вывеску Александровская фибровая фабрика.

Что представлял из себя фабричный поселок? Территория фабрики и поселок была ограничена огородом, который проходил от угла здания нашей столовой через медпункт и далее по прямой до реки Маклаковки. Сразу за огородом Данильцевское поле. Дорога в Данильцево проходила тут же что и в настоящее время, но по обе стороны дороги тянулся огород, при въезде на фабрику стояли воротца.

Какие были постройки? Двухэтажное здание конторы построено в 1898 году, о чем говорила железная решетка, стоявшая по карнизу дома. Тополя посажены в том же году моим тестем А.С. Козыревым.

Через дорогу, напротив стояли, 3 дома обыкновенные избы в 3 окна. В первом помещалась контора (впоследствии медпункт), второй занимал Лебедев С.Е., третий Делягин В.К. Далее за ними казарма, где жили 4-5 семей в ужасных условиях. По другую сторону дороги стояла ещё такая же изба где жили Сухановы и дом в 4 окна, где жил приказчик Храмушин С.В. Конный двор стоял, где сейчас пристройка к складу, а где стоит сейчас склад, стояли две небольшие кладовые и погреб. Где сейчас автогараж и обелиск погибшим в войну был ставеж дров. Дрова закупались у местных крестьян.

В 1922 году началась постройка 2-х четырех квартирных жилых домов. Один где сейчас медпункт, второй через дорогу и сейчас стоит.

В 1923 году началась постройка клуба. Здание клуба было привезено из Заборья, конный двор с ветеринарного пункта. За период моей жизни он дважды пристраивался. Место, где строился клуб, было сплошь покрыто молодым ельником, а река Маклаковка по обе стороны заросла ольхой и ивой. Все это было вырублено нашими руками. Открытие клуба было пышно отпраздновано. Гуляли все вместе рабочие и служащие во главе с директором. Молодежь очень активно принялась за самодеятельность. В драмкружке нехватки артистов не было. Желających играть полно. Был организован шумовой оркестр. Мелодию вели балалайки и гитары, остальные кто, во что горазд, в дудки, свистушки, в ложки, на губах в гребенки через бумагу, в барабан и пр. С оркестром мы несколько раз ездили в Островское, где имели большой успех.

Кино. Своей аппаратуры не было. Раза - два в неделю приезжала кинопередвижка. Кино было немое, демонстрировалось под аккомпанемент рояля, что было моей обязанностью. Рояль была привезена из Угольского.

На месте где сейчас КБО были построены детские ясли. Зав. яслями ранее была артисткой. Активно взялась за работу в драмкружке. С нами играл даже сам директор фабрики Балабанов Леонид Иванович.

В 1928 году производство фибры было переброшено в Кинешму. Уехал туда и Галашин и многие рабочие, которые работали фибру.

За период времени 1935-36 годы сменилось много директоров: Григорьев, Трубехин, Царьков, Грузов П.А., Макаров, Балабанов, Румянцев Н.С., Попов, который задержался, и при нем в 1935 году началась реконструкция и расширение фабрики.

Место, где сейчас котельная и механическая мастерская, представляло из себя болото, где водилось много карасей. Болото в центре было очень глубокое в нем даже, катаясь на плоту, утонул мальчик Миша Квашенкин. Из болота в реку прокопали глубокую канаву. Воду спустили и начали постройку здания котельной. Копали очень глубокие траншеи под фундамент, еще глубже забивали в несколько рядов сваи. Все здание стоит на свайном основании. Здесь были установлены два локомотива СН на собственных котлах. Далее по берегу была построена деревянная механическая мастерская с каменной пристройкой для кузницы.

Строился корпус тряпичного отдела и расширялся главный корпус фабрики. Заново перестроены рольный и варочный отделы. Началось и жилищное строительство. В Данильцевском поле были построены 3 четырех квартирные двухэтажные жилые дома: в 35, 36 и 37 годах и 2-х этажное общежитие для рабочих строителей. Я в то время работал бухгалтером ОКСа и мы все ОКСовское начальство поселилось в первом доме. Начальник Путырский П.А., прораб Филиппов В.Д., десятник Малахов В.И., я, и с нами еще семья Сухановых, т.к. их дом был снесен.

В 1936 году на фабрике появилась первая грузовая автомашина, которую вел шофер Тюрин. Все жители поселка ходили встречать ее на гору к кирпичному заводу, все удивлялись и ахали. Первое время машина ходила только до д. Левково, т.к. на мере начали строить новый мост.

История Александровской бум. фаб.
 Я пишу здесь о том, что мне
 известно и что происходит при моей
 работе на фабрике.

Основатель фабрики Тита Распота
 (как его ранее звали) происходит из села
 Тестяки, Зорьховского уезда, Владимир-
 ской губернии. Был он торговец красным
 товаром, т. е. «коробейник», ходил по
 деревням с коробом за плечами. Каким
 путем он начал капитал и смог
 построить картонную фабрику на
 берегу р. Медозы против дер. Данильцева,
 на земле принадлежащей помещику
 Григорьеву. Когда и по какой причине
 она была переведена на ныне существу-
 ющее место мне неизвестно.
 После смерти Григорьева осталась
 его хозяйка Мария Павловна Распо-
 тина, которая и передала фабрику
 своему родственнику ^{брату} Дмитрию,
 Павловичу Запашину, а последним

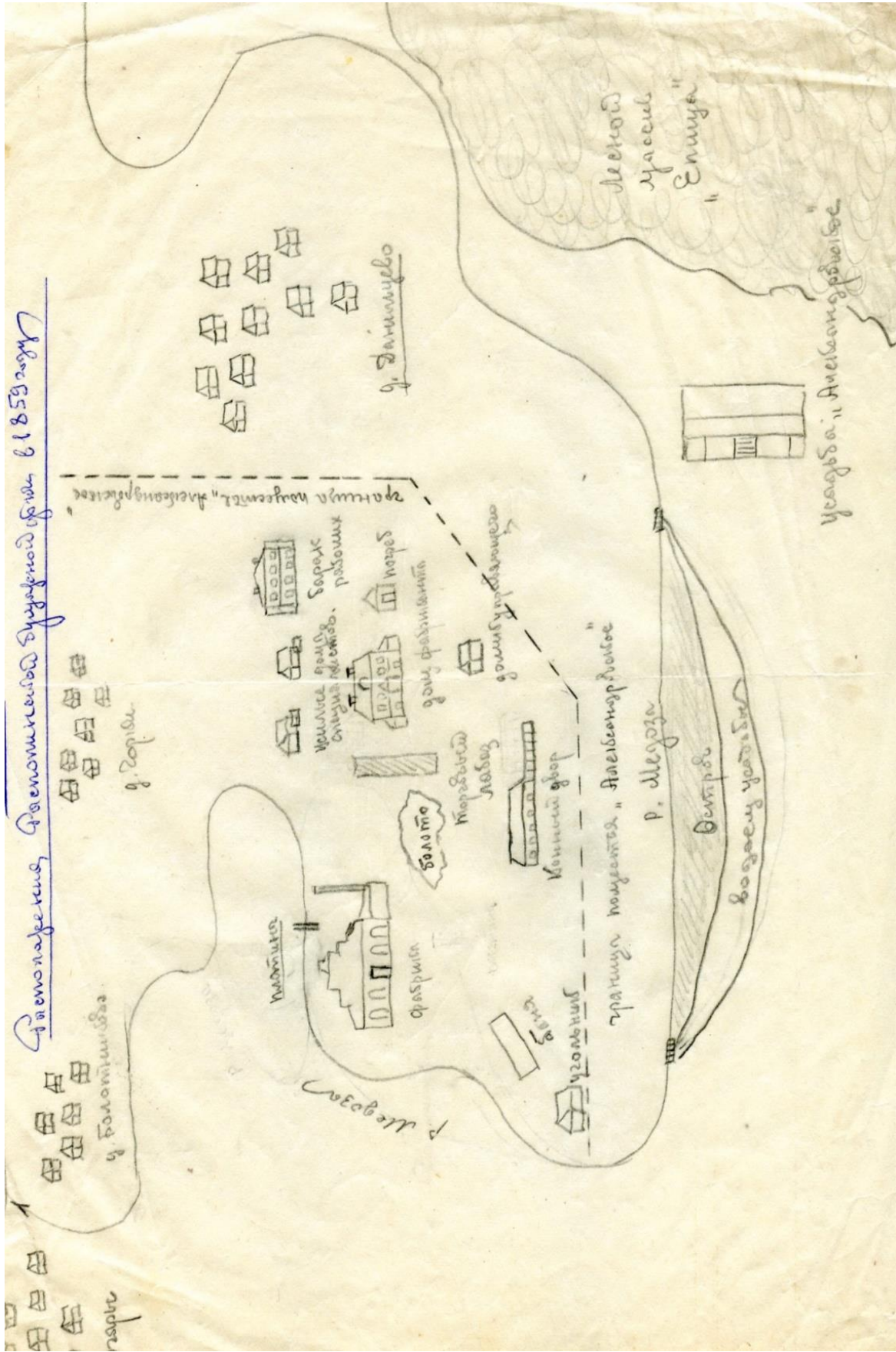
Из подлинных записей Генце В.Г.

своим сыновьям Ивану и Михаилу.
Последний Михаил и был последним
хозяином ф-ки. Все они уроженцы
из того же села Кестьяжи.

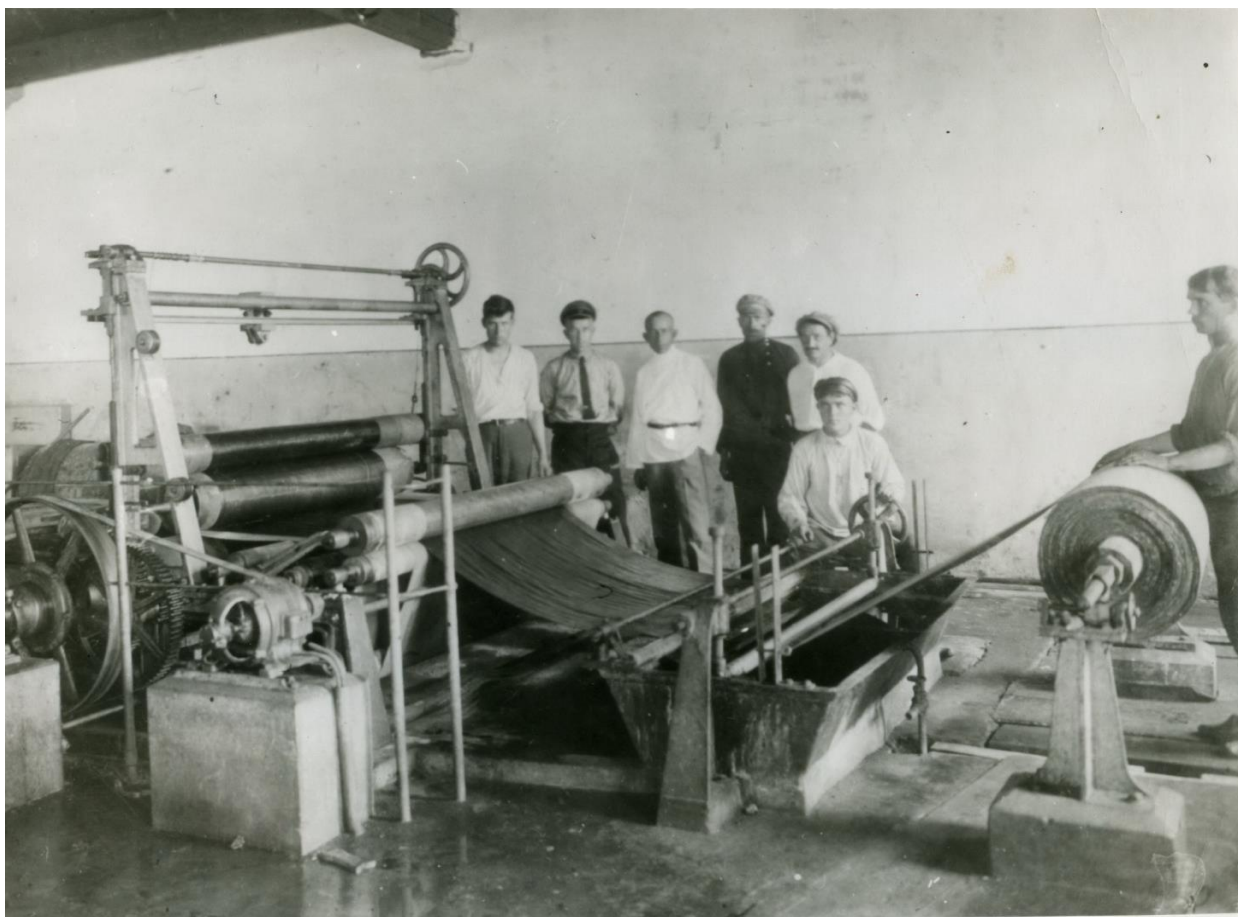
Оборудованная ~~на~~ ф-ка была очень
примитивное. Моты, картон
отливался в ручную черпаком
на сетку. Бум. машина была
установлена при последнем хозяине
Михаиле. До установления Совет-
ской власти ф-ка называлась
и Работинской". Двухмеровской
стала называться только при
Советской власти. Я пришел на
работу после детанизации на
Кремль Армии 2^й февраля 1922 года
ф-ка вырабатывала картон, а
иногда и бумагу. Производительность
была 20 пудов в сутки. В то время
Землин Михаил ушедший с ф-ки
с первых дней революции на ф-ку
возвратился по просьбе рабочих
где-то достал механическую мель-
ницу, установил ее, и стали

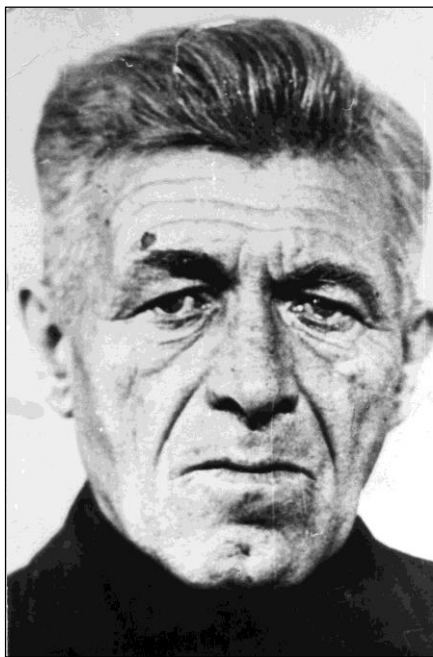
В.Г. Генце. Александровская фабрика. 1958г.

Расположение Распутинской бумажной фабрики в 1859г.
 (Из архива бывшего директора музея Румянцева В.А.)

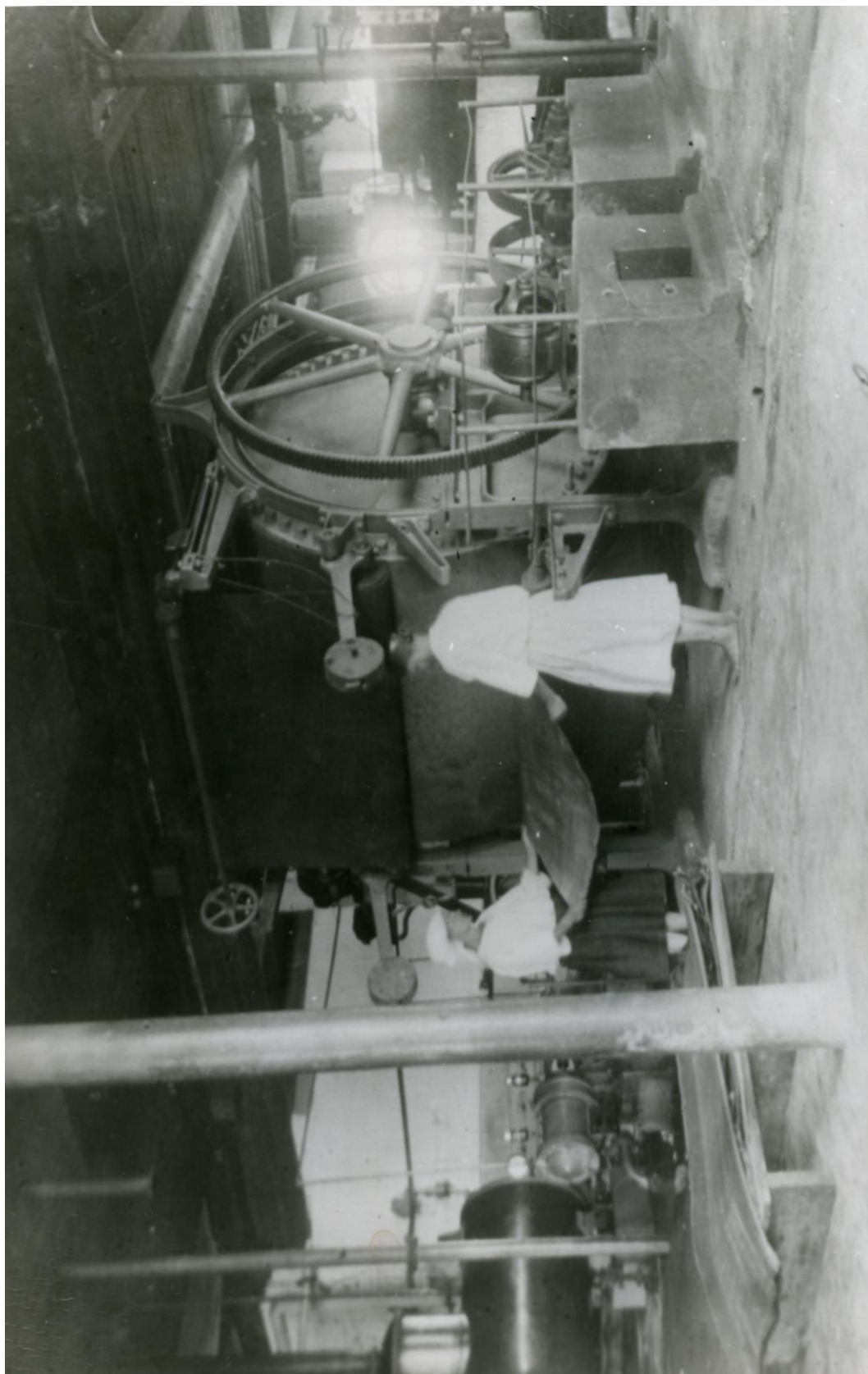
*В цехах фабрики 20-е годы
(Слева второй Галашин М.Д., третий Григорьев А.В.)*

*Грузов Павел Александрович
(первый Красный директор фабрики)*

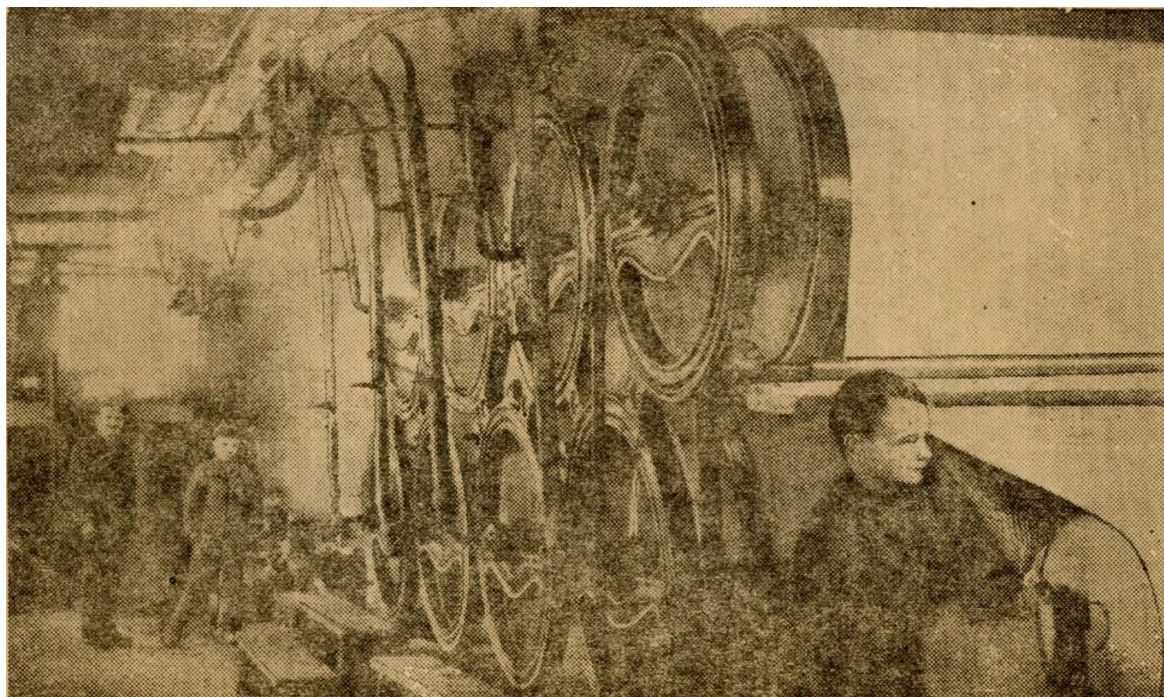
Коллектив ремонтной мастерской 1920 г.

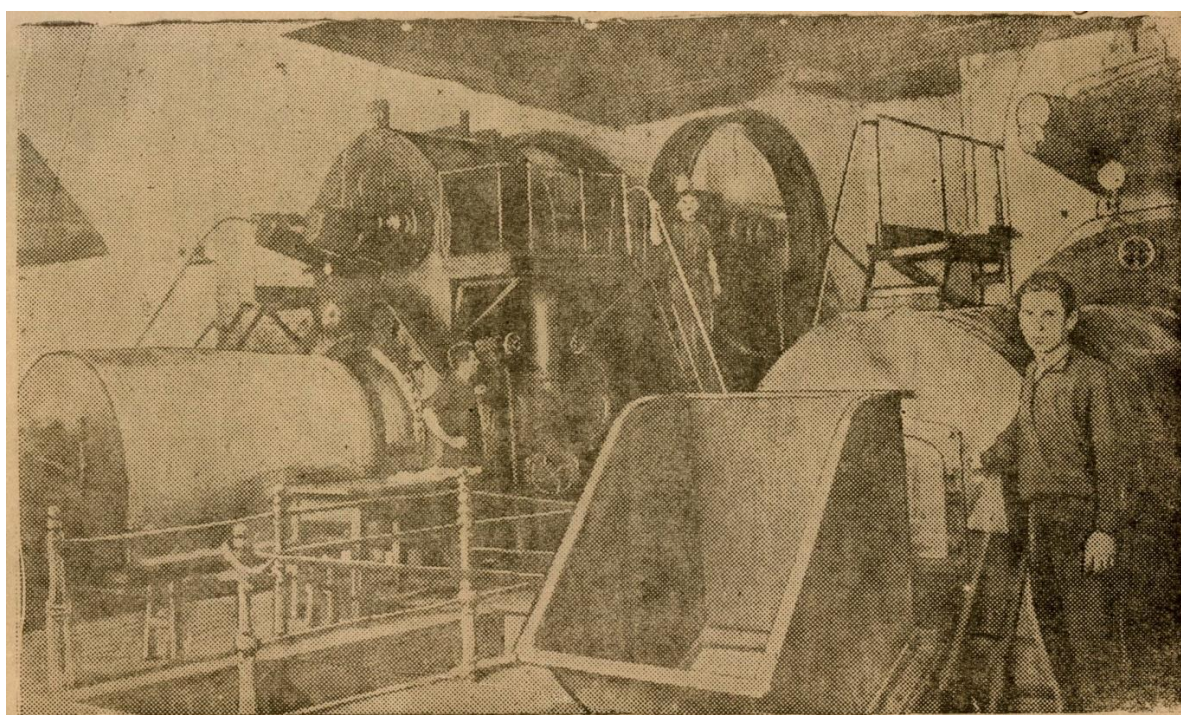
В цехе 20-е годы

Коллектив рабочих фабрики 30-е годы

Бумажная машина. 1947г.

Локомотивы СК – 4. 1947

«ДЕРЕВНЯ ПОЦЕПКИНО МАНТУРОВСКОГО РАЙОНА»

*Выполнила работу: научный сотрудник
МУ «Мантуровский краеведческий музей»
Малышева Любовь Александровна*

2010 год

Деревня Поцепкино Гаврилковской сельской администрации Мантуровского района Костромской области расположена на левом берегу реки Унжи и имеет географические координаты: 58°31' северной широты и 44° 55' восточной долготы.

Попасть в деревню можно двумя путями. Первый – по трассе Мантурово-Кологрив. (Сразу за мостом через реку Унжу необходимо свернуть направо, проехать деревни Елизарово, Кривцово, Попово, Дубшино, Гаврилково, речку Касуг. За ней начинается Поцепкино. Расстояние до административного центра в деревне Попово – 7 километров, до города Мантурово – 34 километра).

Второй путь ведет по федеральной трассе Мантурово - Шарья. (По указателю «Медведица» свернуть налево, проехать до деревни Фалино, еще раз налево, пересечь реку Ёрла и следовать прямо до Поцепкино. Длина этой дороги на два километра больше).

«Поцепкино» – название редкое и, возможно, связано с глаголом «цеплять», «прицеплять» (например, к ближайшему населенному пункту). Однако в толковом словаре Даля можно найти другое объяснение: «поцепка» – цепочка, цепное украшение на шею женщине; шнур, ремень, цепочка для подвески к поясу оружия, кинжала; шест или веревка, за которую подвешена колодезная бадья. Не идет ли здесь речь о каком-нибудь одноименном изделии кузнеца? Ведь, скорее всего, первое название деревни – «починок Кузнецов» – не было случайным.

«Кузнецово» - довольно распространенное название населенных пунктов в Костромской области и связано с широким применением кузнечного ремесла. Слово «починок» означает почин, начало, выселок, новоселок. Чтоб строить селение, надо было расчистить место от леса, потом уже расчищать место под пашню, сенокос и другие цели. Чтоб как-то отличить одно от другого, рождались названия с дополнением. Так появился починок Кузнецов.

Исходя из первого названия, с большой долей уверенности можно назвать самое древнее занятие в нашей деревне – это кузнечное ремесло.

Ухтубужская волость Кологривского округа Костромского наместничества (позднее – Кологривского уезда Костромской губернии) как территориально-административная единица возникла в 1778 году. В ее состав входили деревни Асеева, Барановица, Бровина, Высокая, Горка, Дубшина, Елизарова, Костромиха, Кривцева, Митяева, Некрасова, Петушиха, Слудка, Стрелица, Холуйница, Шалекша, починки Кузнецов, Плосков и два погоста (Рождественский и Спасский).

Починок Кузнецов – под таким названием наша деревня была впервые записана в документах Генерального межевания земель 1778 года. Тогда она имела 6 крестьянских дворов (14 душ мужского пола и 10 душ женского пола) и числилась за «Якимом Григорьевым, сыном Хлебникова».

По данным «Ведомости о переменах владельцев после Генерального межевания случающихся» 1835 года починок Кузнецов принадлежал коллежскому асессору и кавалеру Андрею Степановичу Налетову: «...по деревням Вшивкой, Усолью, Попову, Кривцову, Митяеву, починку Кузнецову земля, состоящая во владении коллежской асессорши Таисьи Налетовой и от нее досталась коллежскому асессору Андрею Степановичу Налетову по данной владенной 3 дня 1835 г. Всего в его владении находилось 100 ревизских душ.

В 1847 году по указу Казенной Палаты от 26 апреля №3693 Починок был перечислен на действительного статского советника, крупного лесопромышленника Прутченко Б.Е., служившего председателем Нижегородской казенной палаты.

В 1846 году Борис Ефимович приобрел в Кологривском уезде бывшее имение Налетовых с центром в сельце Карьково. Там он выстроил новый господский дом и нанял управляющим Г.С. Скворцова. Уже находясь в преклонном возрасте, Борис Ефимович немало средств тратил на благотворительные нужды. Самым заметным «деянием» его на этом поприще стало строительство нового храма около усадьбы Карьково, освящение которого состоялось в 1861 году.

Сам Прутченко и его наследники. Редко бывали в Поцепкине, чаще здесь появлялся их приказчик. Жители деревни рассказывали, например, как мужики, когда захотят выпить, поджигали лес, в котором работали, и тушили его только после того, как приедет приказчик и поставит им ведро водки.

Огромное значение для развития деревень Ухтубужского прихода имели, прежде всего, почтовые тракты. В начале XIX века через Поцепкино проходили «большие» дороги Старо-Вятский почтовый тракт, имевший перевоз через реку Унжу около деревни Попово (участок Попово-Поцепкино-Барановица) и полностью совпадавший с ним на этом отрезке Ново-Вятский тракт. Именно по нему в октябре 1824 года из Вятки в Вологду проезжал император Александр I и «был весьма доволен устройством дорог и селений».

В 1827 году по Старо-Вятскому тракту в закрытых санях провозили ссыльных декабристов – Пущина, Басаргина, Фонвизина. Последнему дорога по Кологривскому уезду была, наверное, вдвойне тяжела, ибо здесь он имел огромные имения в Кужбальской и Турлиевской волостях. На станции Малые Угоры он встречался со своим тестем Д.Я. Апухтиным.

Через десять лет поцепкинцы получили возможность встретиться и с Александром Николаевичем Романовым, будущим императором Александром II. 16 мая 1837 года он прибыл на переправу через реку Унжу. По воспоминаниям современников, государь-наследник «изволили переехать на левый берег, на приготовленном к приезду Его Высочества катере капитаном I ранга П.М. Барановым, который сам правил рулем. С раннего утра народ стал собираться на правом берегу Унжи. Окрестные дворяне с целыми семействами прибыли навстречу драгоценному гостю. Дамы своими шляпами драпировали катер. Его высочество никого не оставил без милостивого своего внимания. Бедную из дворян девицу Салькову наградил 100 рублями, гребцов 125 рублями, многих отставных воинов осчастливил ласковым приветствием и деньгами. До приготовленной квартиры (где именно – неизвестно) наследник дошел пешком в сопровождении генерал-адъютанта Кавелина. Здесь он встретился с предводителем Кологривского дворянства Т.И. Сальковым и подарил ему золотую табакерку. После традиционного чая экипаж цесаревича покинул гостеприимных ухтубужцев и выехал на станцию Дюково (через Барановицу).

По данным переписи 1870-1872 гг. в деревне Кузнецово (такое название встречается впервые) было 9 дворов и 75 жителей.

В документах 1897-1908 гг. деревня вновь упоминается как починок Кузнецов, иногда с двойным названием «Поцепкино тож».

В девяностые годы XIX века, когда крестьяне стали свободными, население многих деревень стало стремительно расти. По Всероссийской переписи 1897 года в Поцепкине проживало уже 148 человек. К 1903-му году население увеличилось до 173 человек, а к 1907-му – до 186. Тогда по числу жителей в Ухтубужской волости починок Кузнецов уступал лишь трем деревням: Кривцово (278 человек), Елизарово (256 человек) и Дубшино (214 человек). И это несмотря на то, что условия проживания в деревне были не самыми лучшими. Земский врач Виноградов Ф.Т. писал, что в Кузнецовом починок «почва глинистая, подпочва – ил, после небольшого дождя уже много грязи. Сток плохой. Глубокая канава проходит по деревне и выстлана деревом в наиболее низких местах. Колодцы мелкие, зимой промерзают...». Зато деревня имела выгодное географическое положение в центре лесного массива, наличие рек и полей, что определило основные занятия местных крестьян: хлебопашество, зимой – лесные работы. Скорее всего, поэтому не получили развития отхожие и кустарные промыслы.

С 1917 года за деревней окончательно закрепилось название Поцепкино. Мало того, в 20-е годы деревень стало сразу две: Поцепкино Новое (домов – 21, жителей – 115) и Поцепкино Старое (домов – 18, жителей – 93).

В 1923 году в границах Ухтубужской волости были организованы 3 сельских совета: Красно-Октябрьский – 6 деревень и хуторов, 144 двора, 666 жителей; Елизаровский – 8 деревень и хуторов, 182 двора, 1020 жителей и Дубшинский – 31 населенный пункт, 208 дворов, 923 жителя. Поцепкино вошло в состав последнего.

В марте-августе 1931 года в деревне были зарегистрированы первые колхозы с названиями: «Заря» (Новое Поцепкино) и «Трудовик» (Старое Поцепкино). В 1935-1936 гг. колхозы объединили в один – колхоз имени Кирова. Который стал участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, и получил диплом от выставочного комитета и в подарок – мотоцикл. За прошедших два года колхоз под председательством Иванова А.А. получил небывалый урожай зерновых – в среднем 12,73 центнера с гектара, и сена клевера – 36,4 центнера с гектара. С честью представила свой колхоз в Москве уроженка деревни Поцепкино Калиста Курочкина, лучшая звеньевая колхоза.

В 1939 году население деревни составило 229 человек и более не увеличивалось. Одной из причин тому стала Великая Отечественная война 1941-1945 гг.

Как свидетельствует Книга Памяти Мантуровского района, в войну погибли 9 поцепкинцев и 20 человек пропали без вести. Первыми на защиту Родины ушли В.И. Чесноков, В.А. Курочкин, А.Н Макаров, Н.Т. Тимофеев, А.С. Зайцев, А.В. Вьюнков и некоторые другие.

С 1942 года военным корреспондентом газеты «Красная Звезда» служил уроженец деревни Поцепкино Тихомиров Михаил Иванович. Звание спецкора этой известной в годы войны газеты звучало как почетное и обязывало ко многому.

В октябре 1943 года по ранению вернулся со Сталинградского фронта Зайцев Василий Михайлович. Все последующие годы он проработал в кузнице колхоза им. Кирова. Занимаясь кузнечным делом, он ремонтировал бороны, плуги, сельскохозяйственные машины, подковывал колхозных лошадей и пр. Некоторые предметы быта и изделия кузнеца сегодня хранятся в Мантуровском краеведческом музее.

В трудные годы войны поцепкинцы поддерживали своим ударным трудом Красную армию. В тяжелейших условиях военного времени местный колхоз оставался на хорошем счету. В 1942 году, поддержав призыв руководства района, кировцы засеяли в фонд помощи осажденным районам 1 га яровой пшеницы, 1 га гороха и 1 га овса. Ответственность за выполнение госпоставок оставалась на плечах председателя колхоза – Сусанновой Анны Федоровны.

В 1947 году Решением Костромского областного Совета все колхозы были разделены на группы, в зависимости от природных условий, качества и состава почв, условия для развития животноводства и др. Колхоз им. Кирова был отнесен ко второй (средней) группе колхозов со следующими нормами поставок зерна государству: пшеница – 9 кг с гектара пашни, рожь – 30 кг, бобовые – 3 кг. Однако, несмотря на эту дифференциацию, колхоз стал сдавать свои позиции по всем показателям, включая хлебопоставки. Выполнив план только на 78 %, колхоз им. Кирова (председатель – Тимофеев Александр Тимофеевич) занял лишь 35 место среди 93 хозяйств Мантуровского района.

Правда, уже через два года название колхоза им. Кирова красовалось на районной Доске Почета. С успехом завершив весенние полевые работы и досрочно выполнив план хлебопоставок, колхоз был вновь назван в числе передовых артелей района. Лучшие показатели в дни уборки урожая дали поцепкинские жницы – М.Тимофеева, К.Соловьева, М.Чеснокова, В.Чеснокова, А.Иванова, которые при норме 0,15 гектара серпом выжинали по 0,24-0,25 гектара ржи ежедневно.

В 1954 году Указом президиума Верховного Совета РСФСР от 18 июня было проведено укрупнение сельских советов. Краснооктябрьский и Дубшинский сельские советы были объединены в один Гаврилковский.

В 1955 году население деревни Поцепкино составляло 182 человека. Это жители по фамилии Чесноковы, Зайцевы, Курочкины, Ивановы, Чистяковы, Вьюнковы, Тимофеевы, Соловьевы, Закалякины и др.

Последующие изменения в колхозе им. Кирова в эти годы связаны с фамилией нового председателя Зарубина Василия Арсентьевича. Под его грамотным руководством был построен новый свинарник, введена в эксплуатацию пилорама, повысилась урожайность зерновых, в четыре раза выросли доходы колхоза. В 1957 году колхоз вошел в состав 11 колхозов-миллионеров Мантуровского района.

Через два года укрупненный колхоз имени Кирова остался единственным хозяйством на территории Гаврилковского сельсовета. Артель объединила двенадцать полеводческих бригад и 2575 гектаров земли. Площадь в более 1000 га была отведена под посевы яровых культур, 260 га – льна-долгунца, 75 га – картофеля, около 100 га под кормовые культуры, а так же 21 га под семена кукурузы. поголовье крупного рогатого скота в колхозе составило 450 голов, свиней – 300 голов, овец – 360 голов. Самые большие животноводческие помещения располагались в деревне Поцепкино. Здесь было размещено 57 коров, 200 поросят и 14 лошадей.

Первое место по поставкам льна государству в колхозе занимала Поцепкинская полеводческая бригада №3, возглавляемая бригадиром Вьюнковым Александром Васильевичем. Лучшие льнотрепальщицы его бригады Соловьева Калиста Ивановна, Закалякина Зинаида Васильевна, сестры Галина и Лидия Тимофеевы обрабатывали за смену до 400 килограммов льна каждая при норме 350 кг.

В число выдающихся животноводов Костромской области входила свинарка Поцепкинской фермы Шубарева Евдокия Алексеевна. Добившись замечательных результатов в работе, она с достоинством оправдала высокое звание депутата областного Совета. Ее имя трижды заносилось в Книгу Почета областной сельскохозяйственной области, дважды она становилась «Лучшей свинаркой области». В 1959 году Евдокия Алексеевна выступила инициатором районного соревнования по производству свинины и сумев получить за год 10 тонн свиного мяса, стала его победителем. Каждый из выращенных ею поросят имел вес 95-105 кг, а среднесуточный привес достигал 700 граммов в сутки. Позднее, за долголетнюю и безупречную работу в сельском хозяйстве решением общего собрания колхозников от 25 февраля 1984 года Шубаревой Е.А. было присвоено звание «Заслуженный колхозник колхоза имени Кирова».

Поцепкинская полеводческая бригада 60-е годы XX века.

И все же, несмотря на явные достижения, самый отдаленный колхоз Мантуровского района продолжал отставать от передовых по большинству своих показателей.

К этому времени в деревне проживало около 150 человек. В ней была своя восьмилетняя школа, библиотека, клуб, медицинский пункт, магазин. Однако, все заметнее становится постепенный отток местных жителей.

В январе-феврале 1993 года колхоз имени Кирова был переименован в ТОО (товарищество с ограниченной ответственностью) «Заречье». Поцепкинское молочное стадо по-прежнему оставалось самым многочисленным в хозяйстве – 170 коров.

С начала XX века важную роль в жизни деревни играла Поцепкинская школа. Причиной ее строительства стали постоянный рост численности деревенского населения и борьба с неграмотностью среди крестьян. К сожалению, точная дата открытия Поцепкинской школы является неизвестной. По проекту 1912 года в ней должны были обучаться 47 детей из Поцепкина и соседних деревень: Гаврилково, Стрелицы, Митяево и Дубшино.

Кузнецовское народное начальное училище (первоначальное название школы) стало третьим учебным заведением в Ухтубужье. Ранее учащиеся практически из всех деревень волости постигали азы грамотности в Ухтубужском земском училище в деревне Дубшино. Второе учебное заведение было открыто в Елизарове в 1904 году вместо Кривцовской школы грамоты. Попечителем его был почетный гражданин, богатый лесопромышленник Сергей Александрович Калинин. С 1913 года это училище получило статус двухклассного и перешло в ведомство Министерства народного просвещения.

После Октябрьской революции 1917 года преобразования в социально-экономической сфере особенно отразились на школах. В декабре 1917 - мае 1918 года все школы были переданы в ведение народного комиссариата по просвещению. В 30-40-х гг. Поцепкинская школа являлась одной из лучших начальных школ Мантуровского района. В 1938-1939 гг. абсолютная успеваемость учащихся в ней достигала 100%. Успех школы был во многом связан с именем учителя и заведующей Шелутинской Анастасии Павловны, дочери настоятеля Богородицкого храма Павла Григорьевича Шелутинского. В 1936 году ей было присвоено звание учителя начальной школы, а годом позже Анастасия Павловна Шелутинская была названа в числе лучших педагогов Костромской области.

В послевоенные годы учителями Поцепкинской школы работали: Сорокина Клавдия Ивановны, Виноградова Евгения Ильинична, Лебедева Мария Васильевна, Кудрявцева Нина Николаевна, В 1947 году чемпионом Мантуровского района в лыжной гонке на 10 км стал 32-летний учитель физкультуры Поцепкинской школы Анатолий Васильевич Чесноков. Его супруга Чеснокова Ольга Петровна в начале пятидесятых годов стала новым директором школы.

В 1950 году, когда вступил в силу закон об обязательном семилетнем обучении, Костромской обл. исполком принял решение о реорганизации Поцепкинской начальной школы в семилетнюю. Претворение в жизнь этого решения легло на плечи заведующей школой Румянцевой А.А.

В пример всем школам района учащиеся и учителя Поцепкинской семилетней школы своим посильным трудом оказывали помощь колхозу в уборке урожая.

В 1961 году в школе обучалось 90 человек. К новому учебному 1962-1963 году к школе было пристроено здание для восьмого класса, и Поцепкинская школа приобрела статус восьмилетней.

Однако, последующие два десятилетия серьезно осложнили работу школы. Дело в том, что построенное еще до революции здание Поцепкинской школы сильно обветшало и требовало срочного капитального ремонта, но, к сожалению, средств на строительство так и не было выделено. Одной из главных причин этому можно с уверенностью назвать малую наполняемость классов, связанную с начавшимся оттоком молодежи из деревень. Поцепкинская школа вновь стала начальной. В 1973 году в ней обучалось 16 детей, в 1975 – семь, в 1980 году – всего три ученика.

Летом 1981 года Поцепкинская начальная школа была закрыта.

В деревнях бывшего Ухтубужского прихода прочно хранились традиции проведения церковных праздников.

Самыми «гулливыми» были три церковных праздника: Иванов день, 7 июля; Макарьев день, его отмечали в Поцепкине 7 августа в память преподобного Макария Унженского; 21 сентября собирались на самый богатый праздник в приходе – Госпожинскую, его праздновали в

честь Пресвятой Богородицы. Традиция отмечать эти праздники сохранилась в деревне до сих пор.

Престольным праздником был Иванов день. Его праздновали во всех деревнях даже после войны. В этот день крестьяне не выходили на работу. С утра все шли молиться в церковь, а после службы в храме отправлялись на ярмарку в ближайшую деревню Попово. К этому времени по обеим сторонам дороги уже располагались торговцы со своим товаром: лаптями, посудой, картофелем, молоком, мясом. Особенно пользовались спросом грабли и вилы, так как стояла сенокосная пора. Съезжались не только свои, ухтубужские, а также гости из Спаса, Межи – со всех концов. Ездили на лошадях, катались на каруселях. Для детей в праздник ставили качели. Песни и пляски продолжались до темноты. А вечером молодежь собиралась на гулянье. Водили хороводы:

Со вьюном я хожу,
С земляным я хож
Ходили по деревне цепями с балалайками, позднее – с гармошками, пели «Сормака»:
Поиграй повеселее сормака,
да сормака,
У меня была залетка –
половина дурака.

Праздника ждали и задолго готовились. В каждом доме варили пиво. Для этого заранее прорастивали рожь и делали солод: «...свеклы засушишь, в печку ставишь, мучки туда и оно там упрет. Корчагу в печку поставишь, покипит тамоди. Потом вынимаешь, откроешь тута у корчаги то гвоздик, и пиво - то бежит. Подставишь там чево», (Соловьева К.И.). Из картошки и хлеба варили самогон. Те, кто побогаче, ездили за вином в Ветлугу. На мельнице в Елизарове мололи муку, из нее пекли пироги, делали лапшу. В избах и около домов наводили порядок. В первую очередь мыли иконы, делали это с иисусовой молитвой: «Господи, Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй нас! Во имя отца и сына и святого духа, аминь, аминь». Воду после мытья икон выливали в передний угол. Перед вечерней службой или с утра пораньше зажигали лампадку.

К празднику обязательно шили или покупали обнову. Бабы надевали на голову праздничные шали. После праздника их сворачивали и прятали до следующего года.

В советское время в колхозе к такому празднику забивали какую-нибудь животину, назначали стряпуху, чтобы она готовила основное блюдо. Все собирались в одном большом доме, с хозяевами которого заранее договаривались. Накрывали столы тем, что сами приносили. Плясали, пели песни, частушки:

Мой залетка любит двух,
А я не ревнивая
Пусть он любит четырех,
Я его любимая.

Только серенькие глазки
Серо-сероватые.
Ты завлек, а я влюбилась –
Оба виноватые.

У моего миленочка
Худая кобыленочка.
Как уехал по дрова –
Отвалилась голова.

Старинные традиции связаны с празднованием крестьянской свадьбы.

Перед застольем устраивали просватки, на них договаривались о предстоящем торжестве. Будущая теща обычно к этому дню пекла каравай. Его заворачивали в полотенце и отдавали свекрови, (Соловьева К. И.).

В деревне существовал свадебный обряд продажи елочка, символизирующей «дивью красоту», невинность.

Елочку наряжали вечером в канун свадьбы. Делали это девки – подруги невесты. Вешали на нее игрушки, конфеты, ленточки, папиросы. Потом «с тюфяком ездили к жениху подушки, свесы вышитые, одеяла – все это накануне свадьбы возили жениху девки, невеста не ездила. Там постелю, устилали. Их там угощали...» (Мальшева А.С.).

В первый день свадьбы, до приезда жениха, девки собирали сговоренку (невесту) – водили в баню, наряжали, сопровождая действия песнями, причитаниями. Часто для этого приглашали профессиональных плакальщиц, их называли «ворковойками». Молодых усаживали на почетное место – в передний угол, под иконы. Затем выносили елочку, обходили гостей, ставили на стол около молодых, приговаривая:

Раздайся, народ,
росшатися, народ,
дивья красота идет!

Не сама она идет –
ее девица несет
по полу по тесовому
ко столу ко дубовому,
ко друженьке ко веселому.

Здравствуй, друженька молодой!
Здравствуй, тысячка полковой!
Здравствуй, князь молодой
со княгинею своей!

Пригоношки (приговорки), с которыми продавали елочку на свадьбе:

Раздайся, народ,
росшатися, народ,
дивья красота идет!

Не сама она идет –
ее девица несет
по полу по тесовому
ко столу ко дубовому,
ко друженьке ко веселому.

Здравствуй, друженька молодой!
Здравствуй, тысячка полковой!
Здравствуй, князь молодой
со княгинею своей!

Где вы были-побывали?
Мы вас долго дожидали:
у подружки ночевали,
бело подружку промывали,
гладко голову чесали
да нарядно наряжали.

Мы нарядно нарядили
да по елочку ходили.
Долго елочку искали,

по платочку потеряли.
Долго елочку ломали,
по перчаткам изорвали.

Видишь, друженька сам,
что стою перед вам,
стою – не качаюсь,
говорю – не ошибаюсь.

А вы что, народ,
розинули рот?
Разве меня не видали,
моих речей не слышали?

С ваших глаз
споткнется язык нараз,
подвихнется каблучок –
не упасть бы на бочок,
не уронить бы алых ленточёк,
не пристыдить бы красну девочку,
красну девочку Марию Ивановну.

Ты, Мария Ивановна,
дай знать,
как будешь своего нареченного муженька звать.
Она скажет, например: «Николай Иванович»)

Ты, Николай Иванович,
расскажи, как будешь свою жонку называть.
(«Мария Ивановна»)

Ты, Николай Иванович,
свою жонку почитай,
в лапотки не обувай,
топора в руки не давай,
пенья-коренья рубить не заставляй,
хлебом серым не корми,
побольше белого купи!

У нас Мария Ивановна
жила-красовалась,
красоте ее люди любовались.

У окошечка сидела,
вышивочки вышивала,
пташечек прикликала.
Пташечки прилетали,
Марию Ивановну утешали.

А ты, друженька молодой,
на столике елочку постанови!

У нас елочка сторублевочка,
на елочке иголочки,

кладите червонцы да пятерочки!
А меди не кладите,
у блюдечка дно не прошибите:
как меди брось,
так и блюдец врозь!
Кладите не на елочку,
а на мою приговорочку:

«елочку на место, денежки невесте!»

Елочку продавали. Снимали с елки подарок – кому что понравится, а деньги клали на блюдечко. После того как елочку распродадут, ее уносили в сени или сарай, а девки начинали себе деньги зарабатывать, пели песни невесте («Девница», «Липа»), жениху («Кудрявчик»), дружке, свахоньке, свату. «Потом девок угостят и они уходят. Они не гуляют на свадьбе» (Малышева А.С.). Раздевали елочку (снимали оставшиеся украшения и выбрасывали деревце) на следующий день после свадьбы.

На второй день собирались у жениха – Красный стол, так же только для родни. Примечательно то, что «Горько!» кричали только на второй день.

Третий день в Поцепкине назывался «тозьмино» (домосмотрение). Опять все собирались. В этот день невеста пекла лепешки и угощала своих гостей.

Молодежь веселилась не только по праздникам, но и в будние дни. Для этого в Поцепкине и других деревнях Ухтубужья проходили так называемые «сбитни» – своеобразные праздничные посиделки. Выбирали для них самую большую избу или снимали дом. Расклеивали объявления с приглашением сверстников из других деревень (Соловьева К.И.). С хозяйкой дома потом расплачивались хлебом, дровами и т.д. – по договоренности. В отличие от беседок, куда обычно приходили с прялкой или какой-нибудь другой работой, на сбитни являлись с гармошкой, чтобы попеть, поплясать, повеселиться. «Шанского» плясали шшестером, двигались по кругу, и одна из участниц запевала:

«Нам не шанского играют,
А мы шанского пойдем!»

Тут все останавливались. Двое из противостоящих в круге пар выходили в центр и допевали фразу:

«Знаютя наши дролечки,
И мы не подойдем!»

После этого начиналась пляска. Пары частушечников и плясунов поочередно менялись:

Мы не Шанские
Да не Ветлужские,
Мы девчонки боевые
Ухтубужские.

Мы не здешние, приезжие
Из Астрахани.
Мы сегодня не обедали,
Не завтракали.

Пляски сменялись играми. Популярной была игра в фанты. У всех участников собирали фантики, которые потом непременно надо было выкупить. Для этого требовалось исполнить желание присутствующих. Например: прокричать в трубу имя невесты, спеть песню, сплясать и т.д. играли «в похлопушки». Делали это так. Выбирали водящего. Он утыкался головой в платок, а руки закладывал за спину. Кто-нибудь подходил к нему и хлопал по рукам, а потом быстро становился в общий круг. Водящий должен был угадать, кто его ударил. Не получалось – все повторялось снова.

Много хохота было при игре «в косога». Двое садились верхом на скамью спиной друг другу. По команде они поворачивали голову в сторону. Если получалось, что в разные, пара расходилась, а если в одну сторону, то водящие должны были поцеловаться.

Обязательно на сбитнях ходили «в барабу», то есть обычно в «загородку» на лавочке посидеть и, конечно, поцеловаться. Парень, к примеру, уходил туда и просил кого-то позвать девушку, которая ему понравилась. Если та отказывалась, ее могли наказывать, например, отхлестать ремнем.

Ни одни посиделки не обходились, конечно, без красивых, душевных песен. Многие из них сейчас уже совсем забыты.

Во время Святков местные жители любили рядиться, особенно «в лошадь». Почему-то чучело лошади (его надевали два человека) наводило по деревням ужас, который, правда, перемешивался с диким восторгом поселян. Шуму и визгу от лошади было много, но еще более ужасным считался ее поводырь, «конюх». Если некоторые смельчаки еще решались вскочить на лошадиную спину, то прикасаться к «конюху» боялись даже дюжие мужики, и толстенный кнут был здесь непричем: что-то жуткое скрывалось в самой его сути, хотя «конюха» играл самый заурядный деревенский мужик.

Другое ряженье называли «срамным венчанием». Парень, из тех, что побойчее, наряжался попом. Надев «рясу» из простого холста, украсив голову берестяным лукошком, взяв толстенную книгу вместо Библии, он со страшным ревом врывается в помещение, где проходили «сбитни». Надо сказать, дозволяется подобное богохульство только в Святки, когда, согласно народным поверьям, нечистой силе не зазорно почудить на белом свете. Все, конечно, разбегаются, куда могут, и, если «поп» ловит юношу и девушку, он соединяет их руки, надевает им на голову по лукошку («венцу»), водит вокруг табуретки и что-то непотребное поет.

Любопытным может показаться ряженье «в смерть». Парень, одетый в «смерть», влетает в избу во всем белом, на голове у него личина (маска) из картона, а в руке – шило. Он бежит по избе и всех, кого достанет, колет своим шилом – и визжат те, кого «смерть настигает». В крещенскую ночь парня, посмеявшегося взять на себя «смертельную» роль, обязательно опускали в прорубь – чтобы грех смыть. Иногда вместе со «смертью» появлялся и «покойник». Его задача простая: лежать и не двигаться. Каждый должен подойти к «покойнику» и поцеловать его в лоб, и после каждого поцелуя «покойник» хрюкает.

Иногда переодевались в «благую бабу». Женщина наряжалась во все красное: красный сарафан, красную кофту и даже красный платок, надевала личину и в таком виде разгуливала по деревне. Те, кто успел, запирались в домах, или просто бежали, куда глаза глядят. Бросали корову или другую животину прямо на дороге с криком: «Ешь его, только меня не трогай!». Встретиться с «дикой бабой» никто не хотел.

Своеобразным обрядом сопровождалась проводы в армию. Парня-призывника вели по деревне, а его отец нес украшенную елочку. После шествия будущий солдат приколачивал эту елочку к углу, отчего дома, и, что замечательно, елочка эта не вяла и не осыпалась за все время его отсутствия. Если что-то с ней случалось – родные знали: «что-то стряслось с нашим солдатиком». Как ни странно, но примета, как правило, не подводила.

Я, как житель города Мантурово, являюсь свидетелем и очевидцем социально-политических и экономических изменений последних двух десятилетий и в Мантуровском районе. Сегодня я с трудом могу себе представить второе возрождение умирающей деревни Поцепкино. Однако опыт наших предков показывает, что даже в самые трудные годы есть возможности для возрождения традиции.

УКАЗАТЕЛЬ ИНФОРМАНТОВ И МЕСТ ЗАПИСИ

1. **Готовицкая Галина Владимировна**, 1955 г.р., глава Гаврилковской сельской администрации, Гаврилково, 2009- 2010 г.
2. **Малышев Алексей Николаевич**, 1956 г.р., директор Мантуровского лесхоза, Мантурово, 2009 - 2010 год.
3. **Малышева Анна Семеновна**, 1930 г.р., пенсионерка, д. Вочурово, Мантуровского района, 6 ноября 2009 года, 2010 г.

4. **Молчанова Екатерина Дмитриевна**, 1923 г.р. пенсионерка, город Мантурово, 15 ноября, 2009 года
5. **Соловьева Калиста Ивановна**, 1920 г.р., пенсионер, д. Елизарово, Мантуровского района 12 ноября 2009 года
6. **Стрючкова Нина Николаевна**, 1955 г.р., бывший руководитель фольклорного коллектива «Ухтубужье», Мантурово, 2010 год.
7. **Тимофеев Александр Александрович**, 1946 г.р., пенсионер. Мантурово, 2010 год.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники:

1. ГАКО (Государственный архив Костромской области) ф.161 оп.1 д.196.
2. ГАКО Ф.130. Оп.9. Д.1822. Л.51 об.
3. ГАНИКО (Государственный архив новейшей истории Костромской обл.) Ф.595 оп. 1 д. 14 л. 2.
4. МУ «Мантуровский краеведческий музей» - МСМ №4, п. XI.
5. МУ «Мантуровский краеведческий музей» - МСМ №13, п. III.
6. ОДААММР (Отдел по делам архивов администрации Мантуровского муниципального района) Ф.30 оп.1 Д.108 Л.13.
7. ОДААММР. 30. Оп.1. Д.129. Л.1-48.
8. ОДААММР.Ф.76. Оп.1. Д.102 Л.6об-7.
9. РГАДА (Российский государственный архив Древних актов). Ф. 1355 Д.517. Кн. 27. №620. (Копии МУ «Мантуровский краеведческий музей»).
10. РГАДА. 1356. Оп.2. Д.1348 части 6-7. (Копии МУ «Мантуровский краеведческий музей»).
11. РГАДА Ф.1355. Д. 517. Кн. 27. №620 (Копии МУ «Мантуровский краеведческий музей»).
12. РГАДА Ф.1355 Оп.2. Д.54. Л.78.(Копии МУ «Мантуровский краеведческий музей»).

Источники:

1. Даль В.И. Толковый словарь. Т.III – М., 1994.
2. Декреты Советской власти. т.1- М.,1957.
3. Декреты Советской власти. т.2 - М.,1957.
4. Декреты Советской власти. - М.,1957.
5. Костромская область: административно-территориальное деление на 1 янв. 1981 года. – Ярославль, 1983.
6. Описание деревень Спасского медицинского участка. 1897 год. – Кологрив, 1903.
7. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Т.1. Костромской и Тверской губернии. – Спб., 2004.
8. Списки населенных мест Костромской губернии. – Кострома, 1908.
9. Списки населенных мест по районам Костромской губернии – Кострома, 1929.
10. Списки населенных мест Российской империи./Костромская губерния. – Спб.,1877.

Список использованной литературы:

1. Белоруков Д.Ф. Деревни, села и города Костромского края. – М., 2000.
2. Васильев. Результат работы Е.А. Шубаревой//Ленинский путь. – 1960. - №43. – 8 апреля.
3. Временник Зубовского института. Выпуск 1. Лапинские мотивы – Санкт-Петербург, 2008.
4. Вознесенский Е.П. Воспоминания о путешествиях высочайших особ императорского дома Романовых в пределах Костромской губернии. – Кострома, 1993.
5. Выше роль и авторитет председателя колхоза//Производственная смычка. – 1940. - №147. – 16 июля.
6. В фонд обороны, в помощь освобожденным районам//Производственная смычка. – 1942. – №70 – 10 июня.
7. Газетова Н. Патриоты колхозной деревни// Производственная смычка – 1948 - №61 – 5 августа.
8. Громыко М.М. Мир русской деревни. – М.,1991.

9. Доска Почета//Производственная смычка. – 1948. - № 43. – 3 июня.
10. Дубов Л. Где какой урожай// Авангард. – 1970. - №6. – 15 января.
11. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России 19 века. - М., 1967.
12. Костромская земля. Краеведческий альманах Костромского филиала Российского фонда культуры. – Вып. 4. – Кострома, 1999.
13. Крутикова М. Школьники теребят лен//Сталинский путь – 1950 - №73 – 10 сентября.
14. Кузнецова В. У поцепкинских животноводов// Авангард – 1993 - №87 – 20 июля.
15. Кучин В.И. Костромской край: города и веси. – Кострома, 2000.
16. Лучшие учителя района//Производственная смычка- 1937 - №63.
17. Лыжная спартакиада.//Производственная смычка. -1947 - 16 января.
18. Масляев А.,Токунов В. Как готовятся кировцы к весеннему севу// Ленинский путь. – 1959. - №31. – 13 марта.
19. Михеев Г. Чудная страна Ухтубужье//Семья. – 2002. - №20.
20. Никешина Н. В колхозе «Заречье»// Авангард. – 2008. - №118. – 11 октября.
21. Никешина Н. В лидерах – «Заречье»// Авангард. – 2001. - №100. – 30 августа.
22. Никешина Н. «Лес не делает богатым, а делает горбатым»// Авангард. – 2002. - №24. – 28 февраля.
23. Норкин М. Народные учителя// Производственная смычка – 1937 - №16.
24. О дифференцированных нормах обязательных поставок зерна государству колхозами//Производственная смычка. – 1947. - №25. – 22 мая.
25. Они сражались за Родину. Справочное издание. – Мантурово, 2010.
26. Памятники архитектуры Костромской области. Вып. V. – Кострома – 2003.
27. Петров П.Н. История родов русского дворянства. - Т1 - СПб., 1886
28. Проект школьной сети Кологривского уезда на 1912 г.- Кологрив, 1913.
29. Серов Ю. Колхоз имени Кирова будет миллионером//Ленинский путь. – 1957. - №119. – 6 октября.
30. Сводка о выполнении плана хлебозаготовок по району на 1 октября//Производственная Смычка. – 1947. - №44. – 2 октября.
31. Совет участковых избирательных комиссий по выборам в Верховный Совет СССР по Мантуровскому району//Производственная смычка. – 1945. - №51.
32. Сулова В. Жизни прекрасна и удивительна! //Эгоистка. Журнал для женщин. – 2009 - №18(1944) – С. 2-3.
33. Тихомиров М.И. Генерал Лукач. – Изд. «Художественная литература» - М., 1967.
34. Торопов С.Н. Богородицко-Рождественский храм в Ухтубужье.// Костромские епархиальные ведомости. – 2009. - №4.
35. Туранов Н. В Дубшине о школе не думают//Сталинский путь. – 1950. - №51. – 25 июня.
36. Успешно закончить учебный год// Производственная смычка. – 1939 - №113. - 18 мая.
37. Участковые избирательные комиссии//Производственная смычка. – 1946. - №59.
38. Чистяков Г. Успехи кировских льноводов//Ленинский путь. – 1959. - №137. – 20 ноября.
39. Хроника. //Сталинский путь. – 1954.- №75. – 25 июня.

«НИКОЛА-ГРАФ - СТАРИННОЕ РУССКОЕ СЕЛО»

*Исследовательская работа выполнена учителем истории,
руководителем школьного комплексно-краеведческого музея МОУ Никольская средняя
общеобразовательная школа Межевского муниципального района Костромской области
Голубевой Галиной Алексеевной.*

НИКОЛА 2010 г.

Имеющиеся сведения о селе Никола Межевского района Костромской области разрознены и противоречивы. Опираясь на архивные документы, опубликованные материалы и рассказы сторожилов, я попыталась систематизировать и обобщить эти источники при написании данной работы. Считаю, что самые ценные сведения об истории села имеются в книге Дмитрия Федоровича Белорукова «Деревни, села и города Костромского края» Кострома 2000 г., основанной на документальных архивных данных. Статьи и работы Дмитрия Федоровича имеют некоторые неточные данные, тем не менее, его работа уникальна и очень полезна в изучении истории как Межевского района, так и всей Костромской области.

Сведения об истории села, записанные со слов местных старожилов: Александра Ильича Соколова (1902 г. р.) и Павла Владимировича Шумова (1908 г. р.), а также записи, сделанные под диктовку Александра Ильича Соколова дали много интересного и важного для изучения истории села Никола-Граф. Статьи межевского краеведа Бориса Ивановича Хлупина и статистические данные, опубликованные в районной газете «Новая жизнь» позволяют представить село в 20 веке. Они доступны для любого краеведа и являются путеводителем для серьёзных исследований нашего края. Большой вклад в сохранение истории села сделан работником Никольской библиотеки Турановой Ниной Степановной. В течение длительного времени она собирала газетные и журнальные статьи, опубликованные в районной газете «Новая жизнь» и областной газете «Северная правда», дополняла и уточняла приведённые сведения. В 2004 году жителями села, Никола под руководством главы администрации Никольского сельского совета – Ремовой Лидии Александровны были подготовлены материалы книги «Судьба села в судьбе России», которые использованы в данной работе.

Никола-Граф – старинное русское село, расположено на севере Межевского района Костромской области на реке Меже. С образованием Кологривского уезда оно входило в его состав до 1928 года. С 8 октября 1928 года село Никола вошло в состав вновь образованного Межевского района. Село неоднократно меняло свое название: «Верхнее-Межевское», «сельцо «Никольское», село Никола - Граф, село Никольское и, наконец, ныне существующее название «Никола». Проследить точные временные рамки смены названия села можно по документам, дошедшим до нас. Людская память сохранила народное название села - «Никола-Граф», отметив проживание в селе графской семьи Толстых.

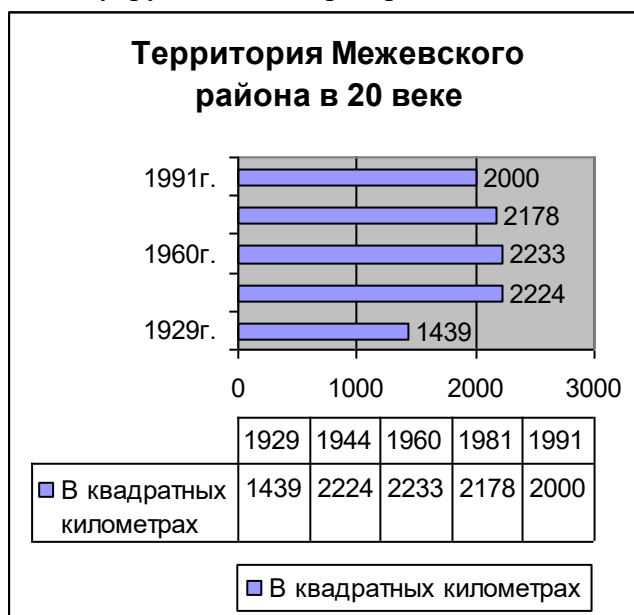
Никольское сельское поселение Межевского муниципального района Костромской области в настоящее время (на 1 января 2008 года) насчитывает 12 населенных пунктов, где проживает 827 человек. Некогда это было многонаселенное территориальное образование. В советские годы после реорганизации и укрупнения населённых пунктов оно включило в себя 7 бывших сельских советов: Никольский, Барановицкий, Абросимовский, Тихоновский, Родинский, Тюковский и Борисовский. В 1926 году в них входили 114 деревень, хуторов и починков, где проживало 7870 человек. Сегодняшние цифры о населении Межевского района говорят о резком уменьшении его численности.

Значительные изменения касаются и численности населенных пунктов. За 30 лет с 1959 по 1989 год число их сократилось почти в 3 раза.

За последние годы число жителей Межевского района резко сократилось. Причин этому много, в том числе отъезд молодых в города, где можно получить хорошее образование и

престижную, хорошо оплачиваемую работу; разнообразие досуга городской жизни и т.д. Сельские семьи, в отличие от прежних лет, стали малочисленны. Редкая семья имеет 2-3 детей. В 90-е годы 20 века было разрушено и без того слабое сельское хозяйство, уничтожены колхозы. Вместе с колхозами были уничтожены и рабочие места, надежда на достойное жилье в сельской местности. Очередная волна людей покинула деревню. Уехали работоспособные специалисты. Оставшаяся без поддержки социальная сфера самоуничтожилась: закрылись школы, клубы, библиотеки. К сожалению, этот процесс продолжается и по сей день. В селе Никола закрылся детский приют, едва отметив свое десятилетие. Та же история произошла и с приютом для немощных и престарелых жителей Межевского района. В деревне остались доживать свой век старики, да и те тянутся в более крупные населенные пункты, где есть хоть какая-то медицинская помощь, аптечные пункты. Одичали поля, затянулись кустарником, ивами, ольхой; лес, который кормил и радовал сельских жителей, беспощадно истребляется; исчезают сосновые - «корабельные» рощи, под пилой и топором стонет вековой заповедный лес; мелеют реки и речки; исчезают родники и роднички, количество которых всегда было в нашем краю несчитанным; нещадно вылавливается рыба. Проселочные дороги, некогда чистые накатанные колесом телеги, превращаются тяжелыми лесовозами в непролазные хляби. Страшная картина предстает перед глазами там, где вывозят лес наспех забросанные горбылем и отходами с пилорам дороги и реки перегорожены и перекорезены. Русская деревня умирает тихо и незаметно.

Территория Межевского района в разные периоды 20 века менялась в зависимости от политики административного укрупнения или раздробления,

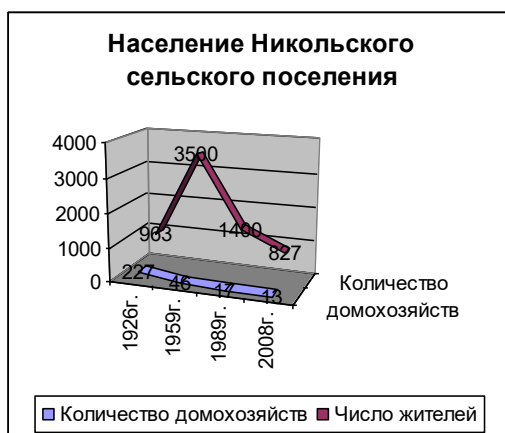
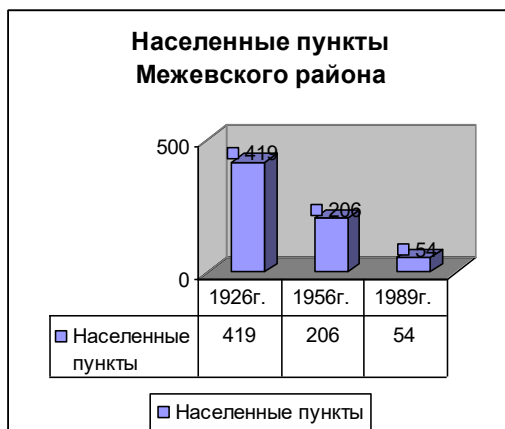
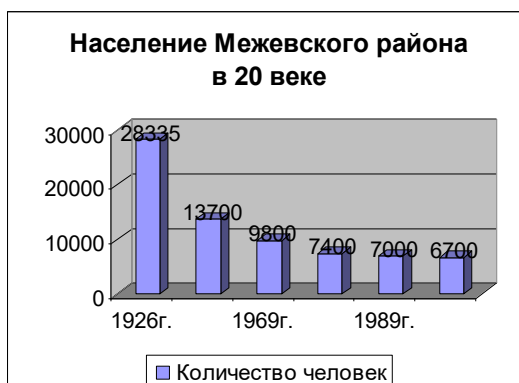

менялась численность населения района. Имеющиеся статистические данные позволяют сделать вывод о резком уменьшении населения района в целом в течение всего 20 века. Пик роста населения падает на начало 20 века. Многие крепкие хозяева уходят на хутора. Положительно отреагировала деревня на новую экономическую политику, провозглашенную в марте 1922 года на 10 съезде Всероссийской Коммунистической партии большевиков. Подъем, переживаемый деревней, вызвал рост населения и населенных пунктов. Сплошная коллективизация повернула этот процесс в обратном направлении, многие хуторские хозяйства были признаны кулацкими, а люди насильно согнаны с хуторов.

В советские годы в период коллективизации каждая деревня стала колхозом. Укрупнения и реорганизации уменьшили не только количество хозяйств, но и привели к очередному вытеснению из деревни людей. Если деревня лишалась фермы, конюшни, овчарни – исчезали рабочие места, а, значит, люди уезжали в поисках работы и лучшей жизни.

Наибольшее число жителей насчитывалось в 70-х годах 20 века. Рост населения Николы в это время объясняется просто. Во-первых, в связи с переселением крестьян в центральные

усадыбы; во-вторых, совхоз «Никольский» предоставлял специалистам и рабочим квартиры, был проведён водопровод, началось строительство благоустроенного жилья; в-третьих, в селе были клуб, школа, детский сад.

Никольское сельское поселение сегодня располагается на территории 7 сельских советов, которые были ликвидированы в результате укрупнения в один Никольский сельский совет. Статистические данные показывают резкую убыль населения и сокращение числа деревень. На территории современного Никольского поселения в 1926 году располагались:

- Барановицкий сельский совет - 19 населенных пунктов, 226 домохозяйств с числом жителей 1264.
 - Абросимовский сельский совет – 29 населенных пунктов, 278 домохозяйств, 1324 жителя.
 - Тихоновский сельский совет – 15 населенных пунктов, 248 домохозяйств, 1127 жителей.
 - Родинский сельский совет – 8 населенных пунктов, 215 домохозяйств, 929 жителей.
 - Тюковский сельский совет – 15 населенных пунктов, 295 домохозяйств, 1353 жителя.
 - Борисовский сельский совет – 20 населенных пунктов, 183 домохозяйства, 910 жителей.
- Никольский сельский совет – 8 населенных пунктов, 227 домохозяйств, 963 жителя.

На 1 января 2008 года в селе проживало 556 жителей в 223 домохозяйствах.

Свое название село получило от церкви Николая Чудотворца, так в народе звали Святого Николая. Дозорная книга 1616 года – самое раннее общеизвестное упоминание о церкви. В переписи того же года говорится, что «в Кропачёвой слободке погост на речке Никольской, а церковь Николая Чудотворца деревянна клецки. В церкви служит поп Агафон». В приходе церкви деревня Никольская, Кузьминская, Колодезная, Зиновка. В переписи 1648 года говорится, что в «Кропачёвой слободе погост Никольский». На погосте двор Никольского попа Канона Афанасьева. В приход входят деревни: Никольское, Кропачева слободка, Зиновка, Самылово. Как видно из этих данных, в начале 17 века была деревня Никольская, где находилась церковь Николая Угодника.

Точной даты основания села, Никола пока не существует. Свою историю село ведёт от 1616 года, поскольку именно в этом году в Дозорной книге найдена первая запись о существовании деревни Никольской, относящейся к Кропачёвой слободе. «В деревне Никольской 4 двора крестьян». Д.Ф.Белоруков указывает на Таможенную книгу 1676 года Великого Устюга, где *записано, что на Меже были старцы Никольского монастыря* с товаром на 5 рублей. Местонахождение монастыря до сих пор не установлено. По мнению краеведа Татьяны Алексеевны Овчинниковой монастырь мог быть в селе Георгиевском на вершине холма, который украшает село. Это место называется «Монастырка». В 1820 году Владимир Самуилович Фигнер, партизан, участник Отечественной войны 1812 года, поставил здесь церковь Святого Георгия. Но документы архивов не дают сведений о существовании Никольского монастыря в селе Георгиевском. Ревизские сказки 1816 года №338 называют сельцо Никольское и пять дворов, принадлежащих графине Анне Фёдоровне Майковой. Ревизские сказки от 14 октября 1850 года относят село к владениям графа Януария Ивановича Толстого.

Считается, что Толстые появились на Меже в 18 веке. Не исключено, что земли в дворянское пользование Толстые получили в Костромской губернии и в более ранний период времени.

Граф Иван Андреевич Толстой (1747-1818) служил в лейб-гвардии Семеновском полку с 1761 по 1783 год и вышел в отставку в чине бригадира. Его поместье в Костромской губернии измерялось небольшой деревней Зиновка, расположенной на правом берегу речки Никольской. Женившись на Анне Фёдоровне Майковой, и получив в приданое сельцо Никольское, И.А.Толстой переезжает в него создает в нем усадьбу с парком из лип, берез и лиственниц, сохранившихся, по сей день. (По мнению Владимира Шпанченко, автора книги «Чертополох в государевом саду», усадьбу в селе Никольском Родители Анны Фёдоровны Майковой оставили дочери как приданое.) В семье Толстых рождались дети: Мария (1779-1809), Вера (1783-1879), Екатерина (годы жизни не установлены), Анна (умерла в девицах до 1832г.), Федор (1782-1846), Петр (1785-1861), Януарий (1792-18??).

Самой известной личностью из семьи Толстых был Федор. Неугомонный характер заставлял его совершать странные поступки, легко вступать в конфликт с окружающими, стреляться на дуэлях. В 1803 году Федор Иванович Толстой стал участником кругосветного путешествия в составе экспедиции Крузенштерна. Однако с Дальнего Востока домой он возвращался в одиночку сухопутным путем, так как из-за неблагоприятных поступков капитан высадил его на Алеутских островах. Около года Федор Иванович жил с туземцами. По их обычаям он покрыл свое тело татуировками и в таком виде вернулся домой. За это получил прозвище «Американец». Служение Отечеству для графа Ф.И.Толстого тоже полно взлетов и падений. За отвагу и удаль он получает награды и звания, а за дуэли лишается их. В годы Отечественной войны 1812 года Федор Американец возвращает свои награды и звания и уходит в отставку в чине полковника. Неповторимая фигура Ф.И.Толстого делает его персонажем многих литературных произведений, в том числе таких как «Былое и думы» А.И.Герцена, «Война и мир» Л.Н.Толстого, «Горе от ума» А.С. Грибоедова.

В 18 веке для состоятельных дворян было модным брать на содержание и воспитание детей из обедневших дворянских семей. Так появилась в семье И.А.Толстого Ульяна

Дмитриевна Иванова из Кологрива, во владении которой было 3 души крепостных крестьян. (Возможно, она была дальней родственницей Толстых.) Известно, что ее детство прошло вместе с «Федором Американцем». Графский парк, сохранившийся в нашем селе, несомненно, был местом их детских игр. Дружба Федора и Ульяны не прервалась с годами. Ульяна Дмитриевна, в замужестве Чижова пригласила Федора Ивановича Толстого в Кострому на крестины сына, которому дала имя - Федор. В течение всей жизни Ф.Толстой опекал своего крестника – Федора Васильевича Чижова, ставшего известным в России предпринимателем и меценатом.

Интересна судьба графа Януария Ивановича Толстого. Он самый младший из сыновей Ивана Андреевича. Начав службу в первом кадетском корпусе города Санкт-Петербурга, Януарий прошел весь путь от прапорщика до майора, уволился со службы 28 октября 1820 года. В связи с серьезными ранениями, полученными в годы войны с французами, Януарий, оставив жену и двоих детей в столице, возвращается в свое родовое имение - село Никольское и навсегда остается в нем. Здесь у него появилась новая семья. Януарий заставляет местного священника обвенчать его с горничной Матреной Самойловной. В этом браке, не признанном кологривским дворянством, родились три дочери: Анастасия, Вера и Надежда.

Родословная ветвь Веры Федоровны (отчество дано по крестному отцу Федору) представлена в лице Соколова Александра Ильича (бывшего директора нашей Никольской школы) и его внука Дмитрия Соколова, проживающего в Санкт-Петербурге. Сергей Львович Толстой, написавший книгу «Федор Толстой Американец» указывает дату смерти Януария – 1835 год. На мой взгляд, это не соответствует действительности, так как Ревизские сказки 1850 года говорят о нем, как о владельце села Никольского. В статье Е. В. Сапрыгиной есть ссылка на документ 1858 года, что доказывает, что Януарий жил во второй половине 19 века. В усадьбу Толстых приезжал Павел Александрович Катенин.

Интересно, что первая дочь Ивана Андреевича Толстого – Мария Ивановна провела детство в родительской усадьбе, в селе Никола. Выйдя замуж за Степана Абрамовича Лопухина и прожив недолгую жизнь, она оставила о себе память в творчестве замечательного художника Владимира Лукича Боровиковского. Портрет Марии Лопухиной украшает экспозицию Третьяковской галереи. Поэт Я.П.Полонский посвятил ей следующие строки:

«Она давно прошла – и нет уже тех глаз
И той улыбки нет, что молча, выражали
Странанье – тень ее любви, и мысли – тень печали,
Но красоту ее Боровиковский спас».

История графского рода Толстых - тема изучения для историков и краеведов на долгие годы. Много еще предстоит сделать открытий, подтвердить или опровергнуть легенды и мифы, созданные вокруг графской семьи.

(29 апреля 2006 года село посетила Анна Евгеньевна Лукьянова, потомок графа Ф.И.Толстого Американца. С нею поддерживается постоянная связь. Благодаря этому школьный музей пополнился новыми материалами о графской семье).

Визитная карточка села Никола – храм Святого Николая. Для народа Святой Николай – один из самых почитаемых. Даже имя народ дал своему святому особенное - Никола Угодник. Каждому верующему он помогает в путешествии и в торговле.

Первое упоминание о церкви относятся к 1616 году: «В Кропачихской Слободке погост на речке Никольской, а на погосте церковь Николая – Чудотворца деревянная клецки, а в церкви образа и свечи, и книги, и колокола приходных людей, да двор попа Агафона...» (Дозорная книга г. Кологрива 1615-1616 г.г.).

В это время на 1616 год в Никольском приходе были деревни Кузьминская (Кузьминка), Крапивино, Зиновьево (Зиновка), Кропачиха слободка (Кропачиха), Никольская, Лазарево, Плоская, Хвостово, Нехорошая (Хорошая) и починки Колодезный, Казаново и Плоский. С каждым годом число приходских деревень увеличивалось. В 1628 году Никольская церковь платила налоги в Митрополичий приказ. Долгое время церковь была деревянной и много раз ремонтировалась и перестраивалась. В 1813 году граф Иван Андреевич Толстой начал строить

каменную церковь, но закончить не успел. В 1818 году он скончался. Строительство продолжала его жена графиня Анна Федоровна, которая завершила возведение храма в 1827 году.

По другой версии в 1827 году по инициативе и на деньги графини Анны Федоровны Толстой (в девичестве Майковой) была построена каменная церковь в честь победы Российских войск над Наполеоном в 1812 году. Это не случайно: так как все трое сыновей (Федор, Петр, Януарий) графа Ивана Андреевича Толстого и его жены Анны Федоровны были участниками Отечественной войны, проявили мужество и героизм и отмечены наградами.

Каменная церковь была 4-го класса, пятипрестольная в честь четырех святых и в честь введения девицы Марии в храм Божий;

- Введение в храм Божий,
- Святого Николая,
- Стефана Сурожского,
- Святителя Митрофана Воронежского,
- Великомученика Януария.

На высокой колокольне Никольского храма были установлены прекрасные колокола, звук которых был далеко слышен. Красивый звучный перезвон колоколов люди объясняют тем, что по заказу графской семьи колокола были отлиты с большим количеством серебра. Сама церковь делилась на две половины: зимнюю и летнюю. Зимняя половина была более мрачной, расположена с северной стороны. Летняя светлая - с южной. Кирпич для храма брали у деревни Зиновка (владения графа Толстого). Закрыли храм в 1936 г.

Известно, что останки графа Ивана Андреевича Толстого перезахоронили в склеп под новой церковью. Со временем склеп был осквернен и разграблен. Чугунная плита в советские годы была вывезена в село Георгиевское, где длительное время лежала в гараже райкома

партии в ожидании применения. В 1991 году останки Ивана Андреевича Толстого вновь обрели постоянное место в фамильном склепе под церковью Святого Николая. Вернулась на место и надгробная чугунная плита.

Вокруг церкви был разбит липовый парк, который сегодня является украшением села. По преданиям и легендам под каждой липой церковного парка находится захоронение. Здесь было кладбище для священнослужителей, членов их семей и для членов графской семьи Толстых. Существует легенда, что якобы от храма до графской усадьбы был проложен подземный ход.

Вокруг храма была установлена железная узорчатая ограда, которая достаточно хорошо сохранилась по сей день. Ее изготовили местные мастера – кузнецы. Железная ограда крепится на каменные столбы, которые от времени местами разрушились.

Говорят, что церковь Николы была одновременно и архивом церкви, и архивом документов вотчины графа Толстого. После закрытия ее все документы, по словам Александра Ильича Соколова, были сданы в Костромской областной архив.

Здание церкви использовали под школу, клуб, а потом под склад магазина райпотребсоюза. С 1990 года церковь снова действует

Рядом с храмом находится дом приходского притча. Здание двухэтажное, деревянное. К

«сторожке» ведёт особый вход, оформленный кирпичными столбами. Само здание «сторожки» в период советской власти использовалось как школа, а затем как квартира для учителей и работников учреждений села. В настоящее время здание вновь передано в распоряжении церкви. При церкви работала церковно-приходская школа, которая тоже располагалась в здании сторожки. Позднее школа получила статус начального

училища.

В древности полноводная река Межа была частью водного пути из Белого моря в Каспийское. По ней ходили купцы с севера на юг и с юга на север, везли свой товар на легких стругах от Волги до Северной Двины и обратно, (река Северная Двина – река Юг – волок – реки Мичуг и Конюг – река Межа – река Унжа – река Волга).

Река Межа очень извилиста, её протяжённость 128 километров, берёт начало от слияния рек Мичуг и Конюг, протекающих по территории Вологодской области. Вода в реке холодная даже летом от множества родников, питающих её. В настоящее время Межа очень обмелела, на перекатах свободно пройдёт человек, вода едва доходит до колен, но есть и глубокие места, такие как омут, именуемый в народе «Графская мельница». Когда-то здесь действительно была мельница. После революции 1917 года она некоторое время была действующей. На обрывистом берегу находился дом, это место называют «Аксиньин дом». Здесь любит отдыхать местная молодёжь.

Примечательными можно назвать несколько мест, расположенных на берегах реки Межи. В нижнем течении у деревни Петушиха – находились бывшие вотчины владения первого царя из династии Романовых – Михаила Фёдоровича. У деревни Губино – произошло сражение межевских крестьян с поляками (1613 г.). У деревни Заречное - Хорошая – «Царские врата» - место, где ожидали приезда Екатерины Второй и посадили берёзовую аллею, (которая не сохранилась). В 1824 году по этим местам по пути из Вятки в Вологду проезжал Александр Первый. Из Георгиевского на Марьинское (Первомайский), Хорошую, Кузьминку, Абросиху, Барановицу, Ильинское. Недалеко располагалась «Красная мельница», от которой сегодня осталось только название места и небольшой омут.

Чуть выше по Меже - «Манькин омут», о котором народная молва сохранила легенду о несчастной любви девушки, нашедшей в омуте своё спасение. На высоком холме расположилась деревня Зиновка – вотчина владений графа бригадир-генерала Ивана Андреевича Толстого. Ещё выше по Меже - село Никола, уникальное по своей исторической судьбе. В месте, где в Межу впадает небольшая речка под названием Портюг, находится деревня Портюг, из которой в Костромской этнографический музей был перевезён замечательный памятник деревянного зодчества – дом Ершова. По преданию в деревне Портюг жил мастер-строитель Артём Калина, возглавлявший строительство церкви Никола Угодника в 1827 году в селе Никола. Название реки «Межа» трактуется по-разному. По одной версии, река – граница между поселениями марийцев (черемисов) и славян. По другой версии – река являлась межой, не пропустившей монголо-татарские войска на северо-востоке Руси. Река разделяет весь район на две части, проходя его с севера на юг.

Село Никола стоит на берегу речки Никольской, образованной от слияния множества родников и родничков, питающих её. Только в селе Никола, родников насчитывается около десятка, самые известные из них: «Колодка» и «Ширяевская колодка». «Колодка» - место, где у родника установлено корыто – колодка для полоскания белья. Колодки делали из целого дерева, выдалбливая древесину и придавая ему форму колоды. В нижней части колоды пробивается отверстие – через него уходит вода, которая набирается через отверстие в верхнем торце колоды или через трубу, идущую от родника к колоде. Во время полоскания белья нижнее отверстие закрывается специальным клином. Для смены воды клин вынимают. В местечке «Колодка» раньше было установлено несколько колод (в настоящее время действует только одна). «Ширяевская колодка» получила своё название от фамилии Ширяева Ильи Пантелеймоновича, уроженца деревни Сорвино, купившего недалеко от колодки дом и ухаживавшего за колодкой как за своим подворьем. Ухоженный вид, опрятность колодки и общедоступность сделали её самой посещаемой в селе. Так и осталось это название, хотя самого хозяина уже нет в живых. Протяжённость речки Никольской невелика – около 20 километров. Начало берёт в лесах от родников, а впадает чуть южнее села Никола в реку Межу. В речке до сих пор водится «царская рыба» - хариус. А в летнее время река мелеет, её ширина порой 1 – 1,5 метра, глубина 20 – 30 сантиметров. Весной в период таяния снега она становится бурливой и непроходимой, достигая 5-6 метров ширины и более.

В 3-х километрах севернее с. Николы на берегу речки Никольской находится урочище, которое называют «хутор Никольский». В 2-х километрах от Николы располагается деревня Сорвино, название которой объясняет легенда, говорящая о том, что местный барин женился на простой крестьянской девушке, за что её родственники получили (сорвали) большой выкуп - «куш».

У речки в старину располагались два кладбища. Говорят, что одно из них находилось на высоком берегу, на горе, где во время дождя очевидцы обнаруживали останки: черепа, кости. Место это называется «Кипченка», «Кишошный ряд». Есть сведения, что за селом в местечке Повалово тоже было кладбище. Очевидцы рассказывают, что при отсыпке песка для строительства дороги в 1988 году экскаваторщики обращали внимание на появление в песке костей. Их принимали за останки животных, которых закапывали (валили) в далёком прошлом в этих местах.

Второе кладбище находилось чуть ниже села по речке Никольская у деревни Зиновка. До сих пор верхушки деревьев (если смотреть от Николы) чётко очерчивают границы старого кладбища. Современное кладбище села, Никола называется, «Антонова десятина», так как в 1898 году мещанин села Никола, Антон Ушков, приобрёл в собственность земли вокруг села, и по просьбе жителей выделил этот участок земли под кладбище. Граф Иван Андреевич Толстой, построил усадьбу на берегу речки Никольской. Дом состоял из трёх этажей: два кирпичных и третий верхний этаж был деревянный. В конце 19 века этот дом приобрёл лесопромышленник Петр Петрович Дубровин из Кологрива. Дом стал его дачей, которую он очень любил. Но, видимо, дом был старый, Дубровин его реконструировал, снял верхний этаж и поставил здание конторы, где и жил сам. Это здание современной Никольской больницы. Оно стоит выше от бывшей усадьбы на 150 метров. Здание имело два балкона, два входа (парадный и чёрный), две лестницы внутри дома - парадная и вход в столовую. Сын Дубровина Константин Петрович с семьёй любил приезжать в этот дом как на дачу, на Николин день (22 мая).

На речке Никольской, там, где стоит сейчас современный железобетонный мост, находилась запруда. До сих пор старожилы так и называют его – «Запруда». Она перегораживала речку и от неё до «Леснической горки» разливалось озеро. От графской усадьбы к озеру были посажены берёзовые аллеи. Они обрамляли и левый берег разлившейся речки Никольской. Здесь водилась рыба. Катались на лодках, купались. В настоящее время нет запруды, речка Никольская очень мелкая, а на месте озера находится пастбище для коров. Ещё не все пни от берёз истлели. В 1976 году, когда Павел Владимирович Шумов проводил экскурсию по местам графской усадьбы, некоторые берёзы ещё были живы. Сам Павел

Владимирович – потомок Евпла Ивановича Шумова, который служил ординарцем у графа Фёдора Ивановича Толстого-Американца.

В советское время, чуть ниже запруды, на левом берегу речки находился маслосырзавод, где делали хорошего качества масло, сыр, казеин. К сожалению, здание старого сырзавода разрушилось, оборудование сдали на металлолом. На правом берегу речки Никольской находилась летняя свиноферма совхоза «Никольский». Завод стоял на холме, и по его трубам сыворотка текла прямо на свиноферму, обеспечивая животных жидким кормом.

Село Никола со всех сторон окружено лесом, поэтому лесной промысел имел большое значение в здешних местах. «Крестьяне, нанявшиеся на лесозаготовки, объединялись в артели, где были члены с тягловой силой – лошадьми и без них – ранщики. С наступлением холодов уходили в лес. Ставили там себе жильё на зиму – зимницу – это изба без полу, без печи и можно сказать, без окон. В середине зимницы - очаг, над которым в котелках готовилась пища, возле стен - нары деревянные вместо кровати, протесанные плохо вместо лавок, под потолком колосники (жервы) для сушки онуч, лаптей, одежды. Выезжали с зимницы только для пополнения продуктов, посещения бани и подвоза сена и овса для лошадей. Одновременно с постановкой зимницы проводились работы по заготовке (ранке) леса, прорубке просеки для дороги, по которой вывозили лес к реке. Дорога эта метра через 1,5 -2 укладывалась тройниками под **потоки**, которые в морозы поливали водой, чтобы лошади легче было вывозить лес из делянок. Такие дороги получили название **ледянки**. В нашем Межевском районе есть деревни с названием Ледянки. Техника вывоза деревьев требовала большого внимания и ловкости, а так же силы. Крестьянин очень берег лошадь, которая кормила его семью. Лес вывозили на берег реки. Весной, как только вода подойдет к **ставежам**, бревна сплавивали в **оплотины**. Из 5-7 оплотин, соединительных березовым канатом образовывался плот, на передней оплотине его находился гребок для управления плотом, а на заднем канате с колом – пахарь для останковки плота Лес сплавляли по Меже, затем по Унже, а дальше по Волге», (из записок А. И. Соколова). Крестьяне, не занятые на лесозаготовках, все свободное время посвящали ремеслу. Бондари изготавливали из деревянных дощечек ведра, шайки, кадки. Хорошие мастера бондарного дела жили в деревнях Соколово, Костино. Лапотники изготавливали лапти, ступни, пестера. Поскольку лапти были основным видом обуви населения, этим ремеслом занимались в каждой деревне. В деревне Тихоново плели лапти и ступни липовые и берестяные, делали кузовья, бураки и крошни. Славилась своим ремеслом печники из деревни Заречное. В Николе в 20-ом веке хорошим печником был Егерев Николай. Выделкой кож, овчин занимались кожевники из деревень Брякотино, Кропачиха, Нагорное. Хорошие столяры, сапожники, кузнецы жили в Николе, в деревне Брякотино. Женщины в каждой крестьянской семье умели шить одежду. Портным делом особенно славились умельцы из Сорвино, Тихоново, Тюково, Зяблухи.

В старые времена хлебопашество всегда играло главную роль в жизни жителей села. Выращивали озимую рожь, овёс, ячмень, пшеницу, горох. Из года в год большие площади отводились под картофель и лён. Эти культуры выращивали как на общинных полях, затем на колхозных, совхозных, так и на личных приусадебных участках (20-ый век). До революции в сельском хозяйстве преобладало трехполье (участок земли делился на 3 части): озимые, яровые и пар. Основная озимая культура – рожь. Яровые культуры – картофель, овес, ячмень, пшеница, горох, лен. Поле, отведенное под пар, отдыхало до конца июля и первых чисел августа (3-10 августа), когда его пахали и сеяли рожь. Уборку хлебов проводили только серпами. Сжатые колосья связывали в снопы и ставили в суслоны. Когда снопы подсыхали, их нагружали на андрец и перевозили к гумнам и складывали в кучи – скирды, закрывая сверху соломой. В таком виде снопы лежали до поздней осени, затем на гумне зерна выкрашивали из колосьев, веяли, лучшие отбирали на семена, остальные шли на питание.

Много времени и забот крестьяне уделяли выращиванию льна. Как только лен в поле начинал желтеть, его теребили. Эту работу всегда (до 70-80-х годов) выполняли вручную. Тереблением льна занимались все – от мала до велика. Вытеребленный лен связывали в снопы и ставили десятками в два ряда колокольцами вверх. Как только стебли подсыхали, снопы везли

к гумну, где их развешивали на вешала (жерди, положенные на колья, связанные по 3) до хорошего высыхания. Затем снопы льна садили в овин и сушили путем раскладывания огня в нижней части овина. Высушенные снопы сбрасывали с овина на гумно и околачивали колокольцы. Семена льна использовали в хозяйственных нуждах: для получения льняного масла, для посева, для лечения животных. **Куколь** (отходы от семян льна) шел на корм курицам. Стебли льна везли на поле – **стлище** (пожную луговину) и там снопы развязывали и расстилали для вылеживания. Вылежавшийся лен поднимали и ставили в бабки для просушки. Затем связывали лен в большие снопы - **вязаницы** и увозили в защищенные от дождя и снега места для дальнейшей обработки. Возвращались к обработке льна после всех полевых работ. Занимались этой работой женщины. Они сушили лен, трепали его, очищали от кострики (остатки стебля), расчесывая лен, получали волокно, из которого пряли нить. Процесс завершался производством ткани и изготовлением одежды. В «огородах» (огород возле дома) выращивали овощи: лук, чеснок, свеклу красную, сахарную и кормовую, морковь, капусту. В домашних хозяйствах жители держали коров, овец, поросят. Так было испокон веку.

На сегодняшний день в личных подсобных хозяйствах содержится менее двух десятков коров. Коров поменяли на коз. Опять-таки необходимость содержания крупного рогатого скота не продиктована нуждой. Мясо любого качества можно купить в магазине, в мясных лавках села Георгиевского, в Шарье и Мантурово. Можно сказать, идёт переориентация занятости населения. Если в 1979 году в совхозе «Никольский» работало более 250 человек, на момент образования совхоза (1 апреля 1965 года) трудилось 426 человек из села Никола и 19-ти существовавших тогда деревень: Зиновка, Кропачиха, Хорошая, Абросиха, Нагорное, Фадеиха, Елховка, Сидоровское, Самыловка, Сорвино, Тихоново, Слободское, Петровка, Портюг, Родино, Фёдоровское, Филино, Ивановское, Борисово. На 1 января 2009 года в числе «живых» деревень осталось только лишь пять. Большая численность работников объяснялась и количеством земель, принадлежащих совхозу – 20291 га., из них сельхозугодий – 5042 га, пашни 2921 га. На сегодняшний день (1 июля 2009 года) вспахано и засеяно было из всего этого количества земель 170 га. Остальная пахотная земля используется как сенокос, но большая её часть заросла кустарником.

После развала СССР в 1991 году сельское хозяйство приходит в полный упадок, падают цены на сельхозпродукцию, хозяйства сами должны искать рынок сбыта, что привело к банкротству и утечке кадров из сельского хозяйства. Все эти явления нашли яркое отражение и на занятиях людей нашего села. Мужчины вынуждены были искать работу у частных предпринимателей на заготовке леса или повторить опыт предков 19 века – уйти в «отходники» плотниками на строительство дач под Москвой.

Постепенно изжили себя образованные в годы Советской власти производственные структуры: Никольский мастерский участок Межевского леспромхоза, Никольское межколхозное лесничество, комбинат бытового обслуживания, сырзавод, ветеринарная служба. Видоизменились такие структуры как никольское лесничество, почта, дом культуры, никольская участковая больница. Самый первый признак такого изменения – сокращение рабочих мест, коммерческая направленность деятельности. Некоторые жители трудоспособного возраста покинули село, переехав в Георгиевское, Кострому, Ярославль. Молодёжь, окончив школу и получив профессиональное образование, остаётся работать в городах.

Районная газета «Новая жизнь» редкий раз не содержит объявления «Продается дом». Большинство таких объявлений продиктованы не тем, что жители нашли или построили новые благоустроенное жилье. Эти люди в подавляющем большинстве уезжают из района. Уезжают работоспособные семьи. Проблема обеспечения жителей района достойной работой и зарплатой актуальна как никогда. Но жизнь не стоит на месте. Все, что происходило в стране находило свое отражение в истории с. Никола, начиная с далекой древности и заканчивая сегодняшним днем. История старинного русского села продолжается.

УКАЗАТЕЛЬ ИНФОРМАТОРОВ И МЕСТО ЗАПИСИ

1. Акулов Павел Петрович, 1916 г.р., пенсионер, участник Великой Отечественной войны, бывший учитель Никольской средней школы.
Записано Голубевой Галиной Алексеевной, учителем истории Никольской средней школы 4 мая 1995 года и 22 августа 2006 года. Село Никола.
2. Басова Александра Ивановна, 1913 г.р., пенсионерка.
Записано Голубевой Галиной Алексеевной 8 сентября 1996 года. Село Никола.
3. Брантов Дмитрий Петрович, 1915 г.р., участник Великой Отечественной войны, пенсионер.
Записано Голубевой Галиной Алексеевной 20 апреля 1999 года. Село Никола.
4. Виноградова Августа Ивановна, 1922 г.р., участник Великой Отечественной войны, пенсионерка.
Записано Голубевой Галиной Алексеевной 23 января 2007 года. Село Никола.
5. Воскресенская Галина Александровна, 1935 г.р., учитель химии, бывший директор школы.
Записано Лакеевой Еленой, ученицей 11 класса Никольской средней школы 18 января 2006 года. Село Никола.
6. Комарова Евдокия Алексеевна 1938 г.р., пенсионерка, бывший медработник.
Записано Голубевой Галиной Алексеевной 14 января 2008 года.
7. Корчагин Михаил Степанович, 1931 г.р., пенсионер.
Записано Голубевой Галиной Алексеевной 11 октября 2004 года.
8. Красоткина Тамара Васильевна, 1927 г.р. пенсионерка, бывший работник Абросихской библиотеки. Собственноручные записи от 8 января 2002 года.
9. Крупинов Сергей Макарович, 1924 г.р., пенсионер, участник Великой Отечественной войны.
Записано Голубевой Галиной Алексеевной 14 января 2008 года. Село Никола.
10. Кудрявцев Николай Алексеевич, 1926 г.р., пенсионер, бывший работник Сельхозтехники.
Записано Голубевой Галиной Алексеевной 5 октября 2000 года. Посёлок Первомайский.
11. Лобышева Галина Сергеевна, 1948 г.р., бывший работник совхоза «Никольский». Собственноручно записанные воспоминания. 2006 год. Село Никола.
12. Любимцев Василий Евдокимович, 1920 г.р., пенсионер, проживает в городе Иваново.
Записано Голубевой Галиной Алексеевной 18 августа 2008 года, 9 сентября 2010г. Село Никола. Собственноручно записанные воспоминания 10 мая 2008 года, город Иваново.
13. Монахова Анна Николаевна, 1935 г.р., пенсионерка, бывший директор совхоза «Никольский». Записано Монаховым Антоном, учеником 9 класса Никольской средней школы 17 октября 2008 года. Село Никола.
14. Пахомов Леонид Ефимович, 1926 г.р., пенсионер, участник Великой Отечественной войны.
Записано Голубевой Галиной Алексеевной 9 мая 2009 года. Село Никола.
15. Смирнов Анатолий Александрович, 1938 г.р., пенсионер, бывший мастер Никольского сырзавода (стаж работы на сырзаводе – 21 год).
Записано Голубевой Г.В., студенткой КГУ. 5 ноября 2009 года.
16. Смирнова Валентина Михайловна, 1933 г.р., пенсионерка, бывший учитель литературы Никольской средней школы. Записано Голубевой Галиной Алексеевной 16 сентября 1991 года. Село Никола.
17. Соколов Александр Ильич, 1902 г.р., пенсионер, бывший учитель биологии, директор Никольской средней школы. Записано Голубевой Галиной Алексеевной 23 августа 1988 года. Село Никола.

18. Соколова Татьяна Георгиевна, 1946 г.р., учитель литературы и русского языка Никольской средней школы. Записано Голубевой Галиной Алексеевной 5 марта 2008 года. Село Никола.
19. Старикова Римма Дмитриевна, 1933 г.р., зубной врач Никольской участковой больницы. Записано Любимцевой Анастасией, ученицей 9 класса Никольской средней школы 18 декабря 2007 года. Село Никола.
20. Терехина Надежда Алексеевна, 1931 г.р., пенсионерка. Записано Голубевой Галиной Алексеевной 26 июля 2005 года.
21. Туранова Нина Степановна, 1940 г.р., работник библиотеки с 29-ти летним стажем работы в библиотеке. Записи сделаны собственноручно, хранятся в библиотеке села Никола. Записано Голубевой Галиной Алексеевной 6 февраля 2007 года. Село Никола.
22. Чистяков Николай Павлович, 1928 г.р., пенсионер, бывший секретарь парткома совхоза «Никольский». Записано Голубевой Галиной Алексеевной 2 мая 2000 года. Село Никола.
23. Шумов Павел Владимирович, 1908 г.р., учитель труда, военрук Никольской средней школы. Записано Голубевой Галиной Алексеевной 11 сентября 1975 года. Село Никола.
24. Шутова (Щербакова) Марина Александровна, 1963 г.р., врач-стоматолог. Записано Голубевой Галиной Алексеевной 15 августа 2005 года. село Никола.
25. Якимова Фаина Николаевна, 1956 г.р., зав. Никольской сельской библиотеки. Записано Майковой Ириной Александровной, библиотекарем Никольской сельской библиотеки 10 ноября 2009 года.

ЛИТЕРАТУРА, ИСПОЛЬЗОВАННАЯ В РАБОТЕ

1. Белоруков Д. Ф. Деревни, села и города костромского края: материалы для истории. – Кострома – Москва 2000 г.
2. Белоруков Д. Село Никольское.//Новая жизнь,3 декабря 1970г.
3. Белоруков Д. Река Межа – древний водный путь.//Новая жизнь. 24 декабря 1970г.
4. Белоруков Д. Кропачева слобода.//Новая жизнь. 17 октября 1970г.
5. Белоруков Д. В усадьбе Толстых на Меже.//Новая жизнь. 17 августа и 19 августа 1971г.
6. Губернский Дом №3 2006г.
7. Голубева Г. Добрый след.//Новая жизнь. 20 декабря 2003г.
8. Голубева Г.История Межевского края 18-19 вв.//Новая жизнь. 20 января 2004г.
9. Голубева Г. Никола – граф принимает гостей. Губернский дом.№3 – 2006.
10. Голубева Г. Наша Межа.//Северная правда. 31 мая 2006г.
11. История рода Толстых - история России. Министерство культуры РФ. Государственный мемориальный и природный заповедник «Музей-усадьба Л.Н.Толстого «Ясная Поляна». Государственный музей Кологрив 2008г.
12. Попова Н. Писатель и его «малая» родина.//Новая жизнь.
13. Ревизские сказки от 14 марта 1816г. Кологривский музей.
14. Ревизские сказки от 14 октября 1850г. Кологривский музей
15. .Соболева А. Мои школьные годы.//Новая жизнь 1 июля 1997г.
16. Судьба села в судьбе России. Самиздат. Г.Шарья. 2004г.
17. Пашин В. Шаевский затворник//Северная правда. 6 июня 2003г.
18. Чистяков Н. решетников П. Николе есть чем гордится.//Новая жизнь. 9 июля 1999г.
19. Хлупин Б. Из прошлого Межевского района.//Новая жизнь 10 декабря 1991г.

«ИСТОРИЯ ИСЧЕЗАЮЩЕГО СЕЛА»

о селе Михайловица Пыщугского района Костромской области

Выполнен Базарновой М.И., 2010 год

В один из летних дней далекого 1887 года крестьяне, строившие кордон в Воздвиженском лесничестве, получили большой мешок бумаги от управляющего Гурлевского с целью оклейки стен дома и приступили к работе. Известный собиратель старины Ветлужский краевед Дмитрий Петрович Дементьев, служивший в ту пору казенным лесным объездчиком, случайно забрел на этот кордон и обнаружил, что на стены наклеиваются документы Архангельского вотчинного правления. Он выменял часть этих документов на чистую бумагу, а часть просто выкупил за деньги.

«Сия рукопись с другими, более драгоценными письменами от времен воцарения Михаила Федоровича, царя из рода Романовых, при смерти ветлужского помещика Кандалинцева в Заводской волости, благодаря невежеству бургомистров и управляющих, сей обильный старый архив предназначен к истреблению. И мне, любителю старины, пришлось купить и довольствоваться немногим, но и это немногое как драгоценно. И более 500 документов свидетельствуют, какие были владельцы в Заводской волости и многое важное для описания ветлужского народа с 1629 по 1800 год. Это имение, перешедшее от Ирины Михайловны Мстиславской к Зубовым, Львовым, Ромодановским, Лопухиным, Баршам, Суворовым, Воронцовым, Кандалинцевым, а ныне Ефремовым». Такую запись сделал в конце 1880 гг. Д.П.Дементьев.

Дмитрий Петрович Дементьев очень интересная личность. Родом он из крестьянской семьи, всегда стремился к знаниям, дошел до всего «самоуком», как он позднее сам писал. Работал приказчиком, конторщиком, лесником и писал свой удивительный труд «Ветлужская старина». В 1892 году Костромская архивная комиссия издала две работы: «Краткие исторические сведения о Кажировской пустыни» и «Из прошлого Пыщугской и Заводской волостей Ветлужского уезда». Им было написано около 200 книг – бесценные документы по истории Поветлужья. К сожалению, в костромские хранилища попала только часть работ Дементьева. В 1926 году в Костромское научное общество поступила рукопись «Переделы поля в селе Петушихе» - это была последняя вещь от Дмитрия Петровича. В этом же 1926 году он умер. Уже в начале 20 века был издан целый ряд работ, в которых использовались материалы спасенные Дмитрием Петровичем. Сейчас часть собранных Д.П.Дементьевым материалов хранится в Государственном архиве Костромской области, часть в музее города Ветлуга Нижегородской области. Самые ранние из них относятся к середине 18 века. Здесь нет сведений о первых владельцах земель. Но известно, что около 1620 года эти земли были пожалованы Федору Ивановичу Мстиславскому – главе боярского правительства. Князь вскоре умер, и земли получили новых владельцев: князей Львовых, Одоевских, Репниных, Юсуповых, Сицких, Шереметьевых.

Название села Михайловица произошло от церкви во имя Архангела Михаила. Одновременно его называли «Архангельское», «Михайловка», «Михайловица». Позднее осталось название «Михайловица.»

Волость называлась первоначально Архангельской (18-19 вв.), затем – Заводская (конец 19 в – начало 20 в). Название волости «Заводская» происходит, в конце 19 века здесь было более десяти небольших заводов: стекольный, ткацкий, поташный, дегтярный, мукомольный, чугуноплавильный, пильный постав и другие.

В 1746 году селом Архангельским с прилегающими деревнями владел вице-адмирал Яков Савич Барш. Вотчина занимала обширную территорию. (В настоящее время южная ее часть располагается в Шарьинском районе, где находится с. Рождественское, а северная,

центром которой, как и всей вотчины в целом, было, когда-то село Архангельское, одновременно прозывавшееся Михайловкой или Михайловицей – в Пыщугском районе.)

В феврале 1766 году дворянская семья Барш продала свои ветлужские владения Василию Ивановичу Суворову, родственнику знаменитого генералиссимуса Александра Васильевича Суворова. Василий Иванович Суворов был начальником известных Нерчинских заводов (1761-1775 гг.). В Поветлужье бывал очень редко, но сохранилась (благодаря краеведу Дементьеву Д.П.) переписка с управляющим (бурмистром) ветлужского поместья и соседом Алексеем Дурново, имевшим владения неподалеку и по-соседски в отсутствие хозяина следившего за порядком у суворовских крестьян.

Подлинные письма В.И.Суворова и черновые отписки ему крестьян составляют увлекательное чтение, вырисовывают образ строгого, но не безжалостного хозяина – «отца» своих крестьян. Денежного оброка Суворов положил 1000 рублей, отменив вещевой. На 700 с лишним душ это была очень небольшая сумма.

Первое время в вотчине процветала полная крестьянская вольница. На мирском сходе выбирали старосту и бурмистра, десятских и сотских, которых требовалось ежегодно менять, чтобы не проворовывались.

Денежный оброк долгое время оставался на прежнем уровне, но постепенно к нему добавляется и натуральный: сушеная рыба, грибы, да ягоды, домотканое сукно и холст, рябчики и тетерева, разные соленые грибы.

В 1784 году денег уже посылается 1400 рублей, да на 100 рублей куниц, да на 20 рублей масла. Жизнь в столице дорожала, заставляя Суворова ужесточить требования к своим крестьянам.

Насколько строгим хозяином был В.И.Суворов по письмам судить сложно. Ни в одном письме нет требования, выслать виновного к нему на расправу, негодование у него вызывали ссоры и драки крестьян и непочтительное отношение в семьях. Одним из условий экономического благополучия Суворов считал отсутствие холостых крестьян, требовал, чтобы достигшие 20 лет крестьяне женились. Нередко указывал прямо – кого с кем повенчать. Порой миром выбирали несколько подходящих по возрасту невест и кидали жребий или предлагали не тех, кто был по сердцу. Упоминается случай, когда молодой крестьянин пошел ходоком к барину, чтобы тот разрешил не жениться на нелюбимой, но был изрядно бит батогами.

В.И.Суворов умер в 1790 году, его вдова Екатерина Александровна не обладала хозяйской хваткой, да и много было пожаров, дождей и непогоды. В результате в 1798 году Архангельская вотчина была заложена и просрочена, так как не было средств уплатить долги. В июне 1800 года вотчина была куплена Ириной Ивановной Воронцовой (в вотчине в это время числилось 790 душ).

Переписка Воронцовой с управляющим не сохранилась, но остались документы, рассказывающие о сплаве соснового и елового леса по Ветлуге. Дело это было непростое. В пути часть леса портилась, а при плохих сплавщиках терялась. Крестьяне терпели убыток, а помещики не получали оброка.

В начале 1820х годов вотчина перешла во владение к Кандалинцеву Николаю Федоровичу. Кандалинцев не желал вникать в трудности, описываемые ему приказчиком, ибо был твердо убежден, что его крепостные могут зарабатывать – было бы желание. Он приказывает выбрать надежных людей и послать их в Елабугу сидельцами в Кандалинцевские лавки. Николай Федорович Кандалинцев часто бывал в своей вотчине, лично осматривал свои земли и отдавал распоряжения со знанием дела. Кандалинцев устраивает в Михайловице поташный завод, пильный постав, строит суда для продажи в Саратове, устраивает образцовый скотный двор, думает о гонке крестьянами дегтя. Как следствие, крестьяне оказываются в состоянии платить оброк в несколько раз больше того, о котором ранее плакались, как о невозможном. В 1827 году Кандалинцев получил 8000 рублей оброка.

В 1843 году Н.Ф. Кандалинцев имел чин статского советника. Его вотчинами – ветлужской и подольской (близ села Красное-на-Волге Костромской области) управлял отставной поручик А.А.Белозеров.

Известно, что в 1861 году после отмены крепостного права крестьяне села Архангельское поставили памятник на церковной площади царю - Александру II; в 1867 году была открыта земская четырехгодичная школа, в которой обучалось около 30 мальчиков.

В 1878 году Кандалинцевы продали чугуноплавильный заводик купцу Пятову, а затем все свои поветлужские земли с деревнями продали чебоксарскому купцу Петру Ефимовичу Ефремову. Было в ту пору здесь более 40 селений с 704 дворами. Петр Ефимович Ефремов и его семья владели этими землями до 1917 года.

В 1844 году на средства прихожан и помещика Кандалинцева был построен каменный храм с каменной колокольней. Церковь была трехпрестольной, две чудотворные иконы: святителя Тихона Амафунского и Толгской Божьей Матери – прославляли храм в округе и привлекали богомольцев.

В «Материалах для истории Костромской епархии данных церквей 1628-1710 и 1722-1746 гг.» (Кострома, 1895 г) есть такие записи: «...год 147 (1639 г) церковь Архангела Михаила в вотчине князя Василия Петровича Львова на Ветлуге в Воздвиженском стане даны два алтына десятильничих и заезда восемь денег...». Запись интересна тем, что подтверждается – церковь Архангела Михаила была уже в 1639 году (каменная построена только в 1844 году), следовательно, первому письменному упоминанию исполнилось 370 лет, а селу самому гораздо больше лет, чем 370.

Священник церкви Архангела Михаила Степан Гаврилович Дементьев (родился в 1722 году), по просьбе А.В.Суворова принимал активное участие в работе земской избы Архангельской вотчины.

В конце 1830х гг. Михайловицкий приход объединял 151 двор и 449 прихожан мужского пола. К храму была приписана церковь Рождества Богородицы и 6 деревянных часовен в деревнях Осташеве, Огаркове, Высокой, Колпашнице, Петровке и при приходском кладбище. Богослужения в это время проводили священник Иван Алексеев, дьякон Иван Иванов, дьячок Петр Семенов и пономарь Парфен Маркелов.

Архангельскую церковь почтила своим вниманием и заботой странница Ксения. В селе Михайловица провела она последние 5 лет своей жизни, а 14 июля 1861 года под унылый звон приобретенного ее трудами 70 пудового колокола при большом стечении народа была погребена на приходском кладбище. В это время приход Архангельской церкви объединял 17 селений по обе стороны Ветлуги, где проживало более 1400 прихожан.

Благочестивая Ксения была незнатного рода – ее отец был крестьянином Костромской губернии Кологривского уезда. В семье долго не было детей и, наконец-то, Бог даровал двух дочерей-погодков – Анну и Ксению. С восьмилетнего возраста Ксения посещала все церковные службы и была очень благочестива. На 18 году жизни Ксения начала просить у матери позволения сходить на моления в Соловецкий монастырь. По прибытии на Соловки, Ксения предалась молитве, чем обратила на себя внимание многих благочестивых подвижников.

По прибытии в родительский дом, благочестивая и целомудренная Ксения, давшая обет девства, после неоднократных приказаний помещика принуждена была вступить в брак. Вскоре умерли ее родители, а ее свекор стал домогаться Ксении, и она пожаловалась на это своему помещику. Ксению с мужем помещик перевел в свою дворню. Муж простудился и вскоре скончался, к ней, оставшейся 22-летней вдовой, воспылил страстью ее владелец-помещик. После попыток обольстить ее, угроз и истязаний, видя ее строгую непреклонность, помещик продал ее своему соседу.

Сосед-помещик, человек средних лет, видя в Ксении цветущую молодость и прекрасную внешность, сначала принял ее очень ласково – надеялся найти в ней неофициальную хозяйку дома. Но Ксения отвергла все его ласки. Истязания и преследования вошли в ее жизнь.

Не придумав ничего лучше, Ксения решила на побег. Ей приснился сон, где Господь указал ей путь спасения – нужно было с весьма скромными пожитками уйти из обжитых мест и искать святое место. Ксения рассказала свой сон местному священнику, который благословил ее и посоветовал идти в город Устюг Вологодской губернии к мощам Прокопия Праведного.

На тридцатом году своей жизни благочестивая Ксения, надев тяжелые вериги, отправилась к святым мощам на поклон. Пройдя пешком по дремучим местам более 200 верст, Ксения стала собирать добровольные пожертвования в пользу Устюжского монастыря. Тяжело и трудно работала Ксения, а заработанные деньги отдавала в монастырь. Купив на свои деньги полное облачение священника и необходимые церковные сосуды, Ксения зимой в скудной одежде пошла, искать церковь в Ветлужском уезде, где была бы нужна ее помощь и где она почувствовала бы Божью благодать.

Однажды ночью, проходя через неизвестную деревню, Ксения остановилась помолиться у церкви, и ей навстречу вышел священник. Благочестивая Ксения была поражена снизошедшей благодатью. Священник благословил Ксению, и она отдала ему свой драгоценный груз, рассказала подробно о своей жизни и цели прибытия. Это была церковь Святого Михаила Архистратига и бесплотных сил в селе Архангельское.

Ксения осталась жить в селе, собирая для церкви подаяния. Жила Ксения очень долго и более 25 раз посещала Соловецкий монастырь. Под конец своей жизни (на 90 году) Ксения ослепла. Молва о ней и ее деяниях распространилась очень далеко. Сын прежнего помещика-владельца, узнав о примерно-благочестивой жизни Ксении, сам приехал к ней и со слезами просил прощения за отца, оставив богатые подношения для церкви. Очень многие вологодские, костромские богатые и зажиточные купцы звали ее дожить век многотрудной и праведной жизни в свои дома, но Ксения сама избрала место для своего обитания – близ церкви села Архангельское Ветлужского уезда Костромской губернии.

Изнуренная в течение многих лет носимыми ею тяжелыми полупудовыми веригами, подвижница Ксения умерла на 103 году и была погребена 12 июля 1861 года близ церкви в селе Архангельское.

К сожалению, могилы ее (как и самой церкви) не сохранилось, но до сих пор многие пожилые пыщужане в этот день идут в церковь святого Николая в селе Пыщуг помянуть благочестивую Ксению.

В наших местах сохранилась легенда о явлении иконы святого Тихона Амафунского. Вот о чем говорится в этой легенде. На Меже между деревнями Бурдово и Осташево на дереве явилась икона святителя Тихона Амафунского чудотворца. Крестьяне очень обрадовались и решили построить часовню в честь святителя. Но строить часовню в поле сочли неудобным и неприличным делом, да и спор вышел между деревнями Бурдово и Осташево – каждая деревня желала иметь часовенку поближе к себе. Чтобы решить этот спор крестьяне согласились (помолившись перед новоявленной иконой Угоднику Божию) кинуть жребий – чтобы сам святитель указал место для постройки часовни. Жребий кидали трижды, каждый раз жребий выпадал на деревню Осташево.

Где-то в середине 1850-х годов часовня в деревне Осташево сгорела, но икону успели вынести и сохранить. Затем икону перенесли в приходской Архангельский храм для хранения. На иконе надпись «святой Тихон Амафунский». Святитель изображен на иконе во весь рост, руки распростерты, правой рукой благословляет, а левой держит закрытое Евангелие. Вероятно, явление иконы святого Тихона Амафунского послужило началом празднования Тихонова дня 16 июня.

Существует предание о преподобном Тихоне Луховском чудотворце. Преподобный Тихон Луховской, ища уединения, проходил пределами прихода села Архангельское. И здесь преподобный остановился отдохнуть на берегу речки Мостовица. Вдруг он увидел змею, что ползла к нему. Он помолился Богу и сказал, что на 40 верст в окружности змей не будет. И действительно говорят, что змей в округе у речки Мостовица нет. 16 июня ежегодно рано утром служат молебен, верующие купаются в реке с целью оздоровления. На реке установлен деревянный высокий крест в честь святого Тихона Луховского.

В канун 1917 года в Заводской волости насчитывалось 58 различных населенных пунктов – от Николаевского с 481 жителем до хутора Добряны с 2 жителями. Было два села – Архангельское и Рождественское.

Разные события происходили в Михайловице - это коллективизация, устройство новой общественной жизни, всеобщая ликвидация безграмотности.

В 1919 году в селе Михайловица открылась библиотека (изба-читальня), в которой основная работа проводилась комсомольцами. А в 1926 году при Михайловицкой школе был создан пионерский отряд.

По переписи населения 1937 года можно судить о том, что населенных пунктов прибавилось, да и жителей в них стало больше. Например, в Михайловице проживало почти 800 человек.

В 1929 году был создан Пыщугский район, в который вошло 15 сельских советов. На территории Архангельской (Заводской) волости создано 5 сельских советов – Михайловицкий, Колпашницкий, 1-й Николаевский, Прудовский, Кокринский.

Волостное управление было ликвидировано, создан Михайловицкий сельсовет. В Михайловице жили Зинаида Александровна Волкова и ее муж Алексей Станкевич - члены коммунистической партии с дореволюционным стажем (в 1918 году они уехали в Москву). В 1918 году в Михайловицком сельском совете работали коммунисты: Серковы Василий Иванович и Федосья Ивановна, Чижиков Филипп Павлович, Виноградов Александр Иванович, Бобарыкин Яков Михайлович, Перегудин Тимофей Андреевич, Полугин Лазарь Трофимович. Общественно активные жители проживали в старинной деревне Брюховой (Озерной). Там уже в 1929 году существовала единственная в Пыщугском районе коммуна «Новый мир». И в этом же году в селе Михайловица было создано Товарищество по общей обработке земли (ТООЗ).

Из информационной справки за август 1929 года по Пыщугскому району известно, что кулацкая и зажиточная часть деревни всячески старается сорвать колхозное строительство и взять под свое влияние бедноту. Имеются случаи, когда кулаки запугивают бедноту коллективными хозяйствами. Например, в деревне Брюховой бывший лишенец Беляев Сергей Андреевич вел агитацию против организации у них в деревне колхоза и запугивал бедноту, которая изъявляла желание пойти в члены колхоза.

Перед Великой Отечественной войной в районе активно шли лесозаготовки, все село принимало в них участие. Основными инструментами были топор и поперечная пила – нужно было «гнать кубометры». При работе пели такую песню:

надоели нам бараки и железны кочки,
еще больше надоели лесозаготовочки...

А в районной газете «Юный лесоруб» появились стихи ученика старших классов Михайловицкой школы Лобова Степана:

В лаптях, полушубке дубленом,
По пояс, ступая в сугроб,
Идет, с лицом за лето закаленным,
В лес из деревни юный хлебороб.
На две недели школьную учебу,
Оставил в зимний перерыв,
Идет с отцом в одну бригаду
Ликвидировать прорыв...

Проводы первых защитников Родины превращались в многочисленные митинги. В селе Михайловица на проводах присутствовало более 200 человек. В годы Великой Отечественной войны погибло на фронтах более 2500 жителей района, в том числе и много жителей Михайловицы. А ушло на фронт 5180 пыщужан. Вернулись жить и работать в район демобилизованных 520 человек, да за годы войны по ранению – 1465 человек. Житель Михайловицкого сельсовета Петр Васильевич Шистеров стал (посмертно) Героем Советского Союза в марте 1945 года.

Общую картину послевоенных лет описал ветеран войны из колхоза у села Михайловица Постников И.Н.: «Когда я вернулся в родную Михайловицу, наш колхоз представлял плачевную картину. В хозяйстве была одна лошадь и пять рабочих быков, но самое страшное было то, что мужики, столкнувшись с трудностями, покидали родные места. Вот в такое время

я стал председателем колхоза, но народ был рад, что кончилась война, больше не будет приходить похоронок о гибели родных, близких».

Жизнь продолжалась... Колхозы развивались, строились новые дома, работала школа. В начале 1950-х гг. были награждены Подьякова Н.В. – орденом Ленина, Сухарев В.М. – орденом Трудового Красного Знамени-учителя Михайловицкой школы. В августе 1957 года доярка Валентина Мигунова ездила в Москву на шестой Всемирный фестиваль молодежи.

В 1959 году прошло укрупнение сельскохозяйственных предприятий и из нескольких небольших колхозов сформировали в Михайловице колхоз «Нива», возглавил который С.Б.Перлов.

В 1976 году механизаторы колхоза «Нива» были награждены орденами Трудовой Славы и Трудового Красного Знамени.

В этом же году на страницах районной газеты председатель Михайловицкого сельсовета Николай Ильич Миронов писал: «Пройдите по улицам одного из старинных сел – Михайловицы – везде увидите новостройки. Построен деткомбинат на 30 мест, новые промтоварный и продовольственный магазины, Дом культуры, баня, новые улицы...».

Летом 2009 года случился в Михайловице сильнейший и поражающий по своей огненной мощи пожар – сгорело почти 40 домов. Сгорело несколько жилых частных домов и сельский клуб с библиотекой. Деревня и до этого пожара выглядела не лучшим образом – вдоль единственной улицы когда-то большого и оживленного села стояли редкие жилые дома с жителями преклонного возраста. Сейчас в селе проживает чуть более 60 человек. Можно сказать, деревня доживает свой век. Молодежи нет. Школа закрыта, некого обучать знаниям.

В трёх километрах от села Михайловицы расположена д. Озёрная (Брюховая). В 2000 году она осталась единственной деревней в Михайловицком сельсовете с населением 12 человек. Известно, что в д. Брюховой в 1795 году было 6 дворов и 54 жителя, а в 1858 году уже 12 дворов и 70 жителей. Рядом был приход и прямая дорога на деревни Косиха, Зяблуха, Ильинское (прежнее название Ключи), Никольское (ныне село Пыщуг).

В трех-четырёх километрах от Архангельского (Михайловица) расположена старинная деревня Бурдово. Между селом Архангельским и деревней Бурдово протекает та самая речка Мостовица, у которой, по преданию, останавливался на отдых преподобный Тихон Луховской. С другой стороны Бурдово (к Ветлуге) протекает речка Уржумка, по берегам которой растёт ельник с огромным количеством рыжиков. Кто был первопоселенцем деревни, неизвестно, эту информацию найти не удалось. Известно только, что в начале 19 столетия там жили Волковы и Карповы. Все Волковы из деревни Бурдово имели прозвище «Бурченки» и сейчас в селе Пыщуг проживает семья с таким местным колоритным деревенским прозвищем – Бурченки.

В 1782 году проводилась перепись населения (составлялись ревизские сказки) и в таком документе сказано, что в деревне Волково в 1782 году было 43 двора и проживало 110 душ (56 мужского пола и 54 женского). До реки Ветлуги было далеко, деревня была поставлена при колодцах. Для сравнения хочется сказать, что в это же самое время в самом Архангельском было 16 дворов и 95 душ. И куда же подевалась деревня Волково...? Согласно «Списку населенных мест Костромской губернии 1807 года» значится «Сельцо Николаевское (Головино, Волково, Сельцо), в котором в 95 дворах проживает 504 души...». С этого момента самостоятельно деревня Волково не упоминается.

По переписи 1795 года упоминается починок Суворов, а в народе его называли Андронов починок. В 1834 году жителей было 18 человек. А сейчас там проживает 1 человек, который на зиму выезжает в соседний поселок к своим родным.

В 1787 году крестьянину из деревни Брюховая Петру Кондратьеву в земской избе было разрешено «селиться в починок». Согласно переписи 1834 года в починке было 2 дома и 16 душ. Починок разрастался, в 1907 году там было уже 5 домов и 44 человека. А стоял он на берегу озера Черное – видимо, по названию озера и получил свое имя.

Примерно на юго-запад от села Архангельского в конце 18 века стала застраиваться новая деревня – починок Загоскино. Переселялись туда из Архангельского и Брюховой семьи, для которых в своих деревнях земли не хватало. Впервые починок упоминается по переписи

1834 года. Там в 4 домах проживало 30 жителей, а в 1860 году стояло уже 6 домов и проживало 45 жителей. В 1849 году большая часть жителей этой деревушки работали на поташном заводе Н.Ф.Кандалинцева. После 1864 года в Загоскино жителей становится меньше – всего 21 человек.

Недалеко от деревни Казаковка на речке Ширшиха было в 18 веке обустроено новое поселение под названием усадьба Ширшиха. После смерти Суворова Василия Ивановича вотчиной правила его вдова Екатерина Александровна. «Матушкой» ее ласково называли крестьяне, потому и усадьба получила название Матушкино. Есть документальные сведения, что в 1870 году проживало там 41 человек. А по переписям населения 20 века такого населенного пункта уже не значится.

Список источников и литературы:

1. Архив муниципального учреждения Историко-культурный центр «Пыщуганье».
2. Белоруков Д. Деревни, села и города Костромского края. Кострома 2000 г.
3. Ветлужская сторона. Историко-краеведческий сборник. Кострома 1995г.
4. Ветлужская сторона. Пыщуганье. Пыщуг 2001 г.
5. Ветлужская сторона. Фольклорный сборник. Шарья 1996 г.
6. Дементьев Д.П. Из прошлого Пыщугской и Заводской волости Ветлужского уезда. Кострома 1917 г.
7. Журнал «Губернский дом». Кострома 1999-2009 г. г.
8. Журнал «Костромская старина». Кострома 2000-2006 г. г.
9. История Ветлужского края. Историко-краеведческое издание. Урень 1999 г.
10. Пыщуганье. Историко-краеведческий сборник. Кострома 1998 г.

«ШОРГУТОВО – ПАВЛИКОВО. КНЯЖАЯ ПУСТЫНЬ - КОЛОГРИВ»

Работу выполнил: Корешков Антон
(13 лет)

Шоргутово – Павликово – Княжая Пустынь – Кологрив.

Пояснения к карте.

Шоргутово – отправной пункт.

Шоргутово – Павликово - Воймас – Княжая Пустынь – прим. 60 км.

Шоргутово – Павликово - Бессоново - прим. 14 км.

Бессоново – пос. Советский – Княжая Пустынь – прим. 18,6 км.

Шоргутово – Кологрив – прим. 8 км.

Кологрив – д. Волегово – Княжая Пустынь – прим. 32,5 км.

Отправной пункт нашего маршрута – деревня Шоргутово. Первое упоминание о деревне относится примерно к 1823 году. Владелец Шоргутово Василий Иванович Ешевский происходил из приказных Московской губернии. Дворянство получил благодаря военной службе, в которой состоял с 1812 по 1826 год. Он женился на дворянке Александре Васильевне Перфильевой, кологривской помещице. От родной тетки Перфильевой А. В. помещицы Молчановой, получил в приданое **сельцо Шоргутово**. В 1823 году у Ешевских родился первый ребенок - дочь Наталья, в 1826 году родился второй ребёнок, опять девочка. 6 февраля 1829 года родился долгожданный сын Степан – будущий историк, крестным отцом которого стал Г. И. Невельской. В семье Ешевских появилось ещё трое детей. Усадьба Шоргутово принадлежала фамилии Ешевских до самой революции.

В Шоргутове сохранился старинный колодец, который и по сей день, в деревне называют «Барский». В глубину этот колодец всего метра полтора – два, но вода в нем никогда

не замерзает и не пересыхает, потому что в колодце бьет родник. Вода в нем самая вкусная в деревне.

Старожилы вспоминали, что в Шоргутово было 75 домов, а соседняя деревня Павликово была еще больше. После войны из Павликова увезли и клуб и магазин. Люди стали разъезжаться. На горе Вятке стояла большая красивая церковь – Богородице Рождественская (стоит и сейчас, только в разрушенном состоянии). Престольные праздники праздновали такие: Крещение, Рождество и Богородицы день. После войны деревня совсем разрушилась. Многие уехали в Шоргутово.

Раньше, еще до колхозов, скотины много держали. У каждого хозяина были лошади. Зимой сами делали телеги, а летом сани да кошовки (красивые выездные саночки), а также и хомуты вязали. Женщины зимой пряли, да скотину «угаивали» (кормили, ухаживали).

Посуду делали из дерева: тарелки, чашки, ложки, корытца. Из глины делали кринки, топилки (горшочек с рыльцем – масло топить), кувшины, тарелки для хлебов. У дороги стояла кузница. В кузне ковали бороны, плуги, цепи, подковы и многое другое. Была в Шоргутове и своя пекарня. Принадлежала Александру Кузьмичу Веселову. Дом Веселовых до сих пор стоит в деревне, он самый старый ему около 120 лет.

Праздники праздновали всей деревней. Играли на гармошках хромках, да на балалайках. И старухи даже пели и плясали. В святки загадывали да ворожили, ряженые ходили и частушки пели. На праздник пять постов готовили: лапша, студень, суп с судаками, кисель черничный, каши разные. Луковник, к примеру, готовили так: лук клали в квас и ставили в печку. Заварухи делали из муки. Ячневая заваруха очень вкусная со шкварками. Делали крупники из овса так: запаривают овес с молоком в печке, потом его сушат. Дальше в жерновах мелют, делают крупу, а из нее пироги пекут. Пиво варили из солода, была и своя водка. Работы было много, но люди отдыхать умели.

Праздники отмечали такие:

Никола весенний 22 мая (3 дня в Шоргутово гуляли);

Богородицы день 2 июля (В Павликово ходили);

Преображенье гуляли в Шоргутово (3 дня гуляли);

Успение 28 августа в Шоргутово; Госпожин день 21 сентября (в Павликово); на Воздвиженье ездили в город на ярмарку; в Покров Святой Богородицы в Княжой гуляли (Ильинское), также была ярмарка.

(фото 2006 г.)

Главной достопримечательностью бывшей деревни Павликово является церковь Рождества Богородицы.

«Вяткина гора».

Уроч Вяткина гора близь д. Павликово Ильинской сел. адм.

Церковь была построена в 1790 г. в селе Вяткина гора. Называлась она Богородице Рождественская, имела три престола и была обнесена каменной, с железными решетками оградой (в народе больше известна как Павликовская). Павликовской её назвали потому, что рядом с церковью, на соседней горке через ручей стояла деревня Павликово. В настоящее время от домов не осталось и следа, но по расположению деревьев, декоративных кустарников и яблонь, можно и сейчас примерно определить, где стояли дома.

Местной святыней почиталась икона Казанской Божьей Матери, которая считалась чудотворной. Сейчас храм в полуразрушенном состоянии.

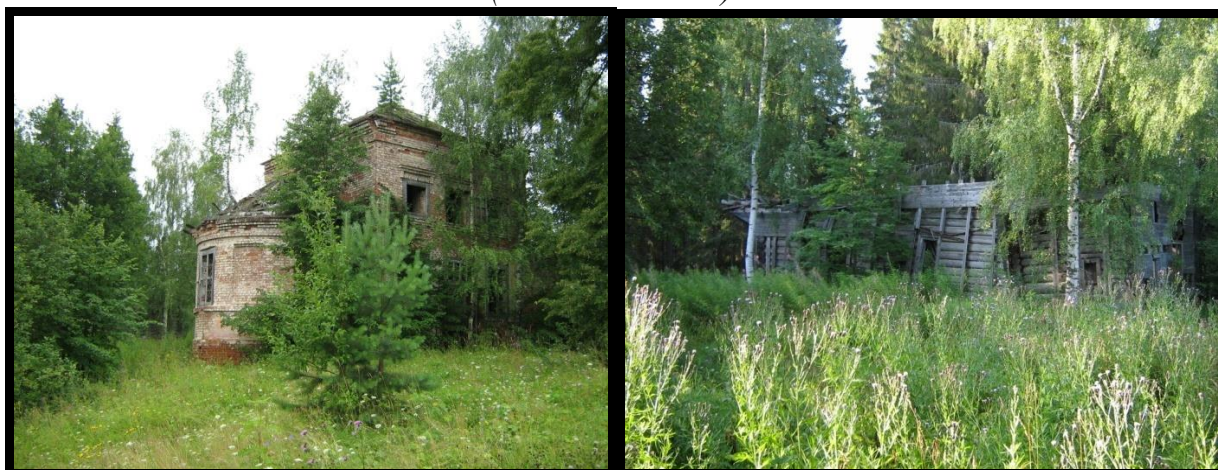
Из воспоминаний жителей выяснилось, что вокруг церкви было кладбище для священнослужителей. Сейчас кладбище не сохранилось, т. к. вокруг церкви заготавливали песок, и вся церковь оказалась обкопанной рвами. Люди до сих пор находят человеческие кости, разбросанные неподалеку. Сама же церковь тоже разрушается очень быстро. Дожди

долго смывали песок незакрепленный дерном, оголился и начал разрушаться фундамент, колокольня наклонилась, постройки между алтарем и колокольней уже нет. Внутри храма местами сохранилась роспись, деревянные детали иконостаса.

(Фото 2007 года).

«Уроч. Пустынь, 27 км от пос. Воймас, Ильинской сел. Адм.

Одной из достопримечательностей Кологрива является Княжая Пустынь. О её возникновении есть немало легенд. Д. Белоруков пишет, что владелец деревни Урма Игнатий Фомич Цизарев во время охоты в здешних лесах нашел икону Успения Пресвятой Богородицы. После этого случая Цизарев постригся в монахи под именем Иезекиля в 1719 году, и основал Пустынь. Место было выбрано чудесное – на большой высоте Святой горы над рекой Княжой. В логах её по склонам горы были вырыты колодцы. Здесь протекали ручьи - святые потоки. В монастыре построили деревянную церковь прямоугольной формы со срезанными углами.

Из памятной книги Костромской губернии (1873г.) известно, что монастырь просуществовал до смерти его основателя (1762 г.). Икону перенесли сначала в старый Кологрив, потом в нынешний. Сейчас её судьба нам неизвестна. В конце 19 века утверждалось, что церковь стоит здесь более 300 лет, значит, это святое место известно с древнейших времен.

Каменная церковь построена на средства Анастасии Степановны Никулиной, потомка Цизаревых, в 1842 году. Она посвящена Божией Матери Честному её Успению. П. С. Беляев, уроженец Ульшмареченского кордона, который находился в семи километрах от Пустыни, говорил, что существовало и такое предание: монастырь, якобы, основала некая княжна из рода Романовых. По её фамилии и гора называлась Романихой, а река – Княжой. Княжна похоронена чуть правой алтаря в деревянной церкви. Все древние могилы накрыты чугунными плитами.

Местный краевед П. А. Камайский говорил, что самые древние поселения в окрестностях нынешнего Кологрива – это деревня Баринцево (в давние времена Боляринцево, Бояринцево),

деревня Волегово (возле лежащая) и Дружинино. Они принадлежали боярину Кучке. По преданию, потомки Кучки при сыне Дмитрия Донского заложили монастырь на реке Княжей, которая стала так называться при Иване Третьем. Он отнял вольности у Великого Новгорода и распустил вече. Новгородцы, не желая подчиняться, ушли на Костромскую землю и основали здесь свои поселения. Река Княжая – граница земель князя Московского, а дальше река Межа – «земля новгородских ушкуйников». А еще он рассказывал, что на Унже проживал один из временщиков Екатерины, вероятно, кто-то из Зубовых. И звали того барина «Чертушко» за крутой нрав и необычное поведение. Он страшно не любил нищих и монахов. Однажды к нему на двор пришла монашка. Последовала команда: «Затравить чучелу!» (собаками). Она попросила передать барину какую-то записку, после чего тот низко ей поклонился, взял за руки и увел в хоромы. Потом приказал запрячь лошадей, и монашку увезли в Пустынь. А барин сразу же приступил к постройке каменного храма в Пустыни, на свои средства. Эта монашка жила там до самой смерти. Жила очень скромно, как простая деревенская женщина, но великолепно говорила на французском языке.

Говорят, что якобы, есть документ-предписание Синода – протоиерею Феокисту Иорданскому выехать в Княжую Пустынь, соборовать монашку, дожидаться кончины, похоронить с почестями, после чего изъять все её документы не читая, опечатать их церковной печатью, и со специальным нарочным передать в Святейший Синод. На пакете надпись рукою Ф. Иорданского: «Сие выполнено беспрекословно». Так как монашка называла себя солдатской вдовой, то на кресте сделали надпись: «Под сим крестом покоится солдатская вдова Екатерина».

Позднее Вячеслав Павлович Чистяков, инициатор создания в Кологриве научного общества, вынужденный отсюда уехать впервые годы Советской власти и в сороковые годы работавший ученым библиотекарем Московского археологического института, рассказал, что добрался до документов Пустынской солдатки. Это княжна Мирра Лохвитская, полячка, жена Константина, старшего брата царя Николая. Петровский указ гласит, что царь не может жениться на своей подданной, ибо от жениной родни, кроме смуты в государстве ничего не бывает, а должен брать в жены дочерей других царей, равную себе.

Таковы легенды и мифы о возникновении города Кологрива и Княжой Пустыни. Религиозный философ Павел Флоренский, говорил: «Легенда не ошибается, как ошибаются историки, ибо легенда это очищенная в горниле времени от всего случайного, просветленная, художественно, до идеи возведенная в тип – сама действительность».

Одна из легенд описана в книге В. А. Шпанченко со слов бывшего лесника А. П. Баданина. *«У нас здесь под горой четыре ключа бьют, - сказал лесник. – И везде лечебная вода. В одном месте водичка благоприятно сказывается на желудочно-кишечном тракте. В другом - на почках. Эта вот, говорят, омолаживает человека. Женщины у нас ходят сюда по грибы и ягоды – обязательно умываются. Это у них заведено, как ритуал. Ну а самый известный - Святой поток.»*

В туристическом буклете о Кологриве сказано, что город Кологрив – является районный центром Кологривского района Костромской области. Расположен на реке Унже в 81 км от железнодорожной станции Мантурово. В районе проживает 3,7 тысячи жителей.

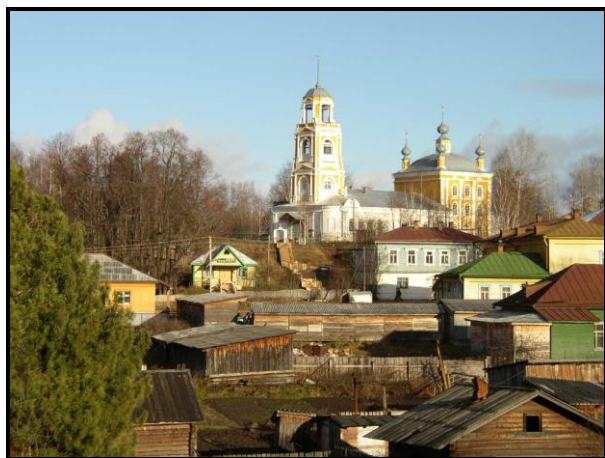
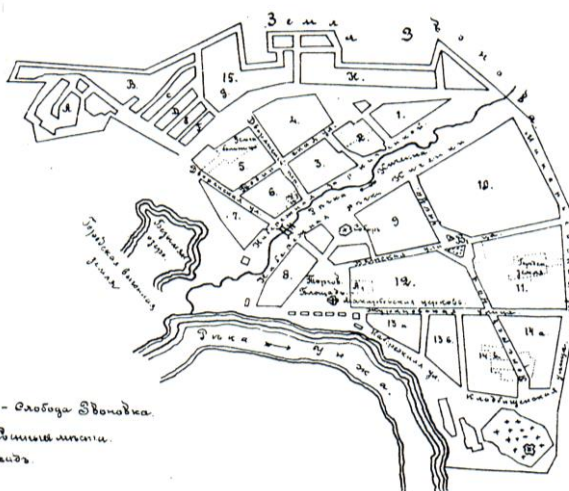

История Кологрива состоит из двух этапов. Первый из них – это история Старого Кологрива, города-крепости, основанного в 1521-1525 гг. Крепость была построена Великим

московским князем Василием III для защиты от опустошительных набегов татар и черемисов. Она находилась около современной деревни Черменино. После 1552 года крепость утратила военное значение, однако город оставался центром Кологривской осады Галичского уезда.

В 1727 году воевода Рагозин самовольно перенес город на новое более удобное место в село Кичино. После длительной переписки город был утвержден на новом месте, а в марте 1779 года пожалован гербом. С 1797 года Кологрив стал одним из 12 уездных городов Костромской губернии. Удаленный от промышленных и культурных центров, Кологрив сохранил многие древние традиции.

Планъ г. Кологрива
Костромской губернии.

Гордостью кологривчан является богатейшее собрание ценных произведений искусства в местном краеведческом музее. На фотографиях Успенский Собор и Кологривский краеведческий музей.

Используемая литература:

1. Туристический буклет о городе Кологриве.
2. «Путешествие в Кологрив» - В. А. Шпанченко
3. «Кустарно-ремесленные промыслы Костромской губернии» Выпуск VIII 1914 г.
4. XVIII. Костромская губерния. Список населенных мест по сведениям 1870-72 годов.
5. Список населенных мест по сведениям 1907 года.
6. «Деревни, села и города Костромского края» - Д. Ф. Белоруков.
7. Журнал «Губернский дом» № 1-2 за 2005 г.

«АНДРЕЕВСКИЙ КЛЮЧИК»

Буйский муниципальный район
МУК «Социально-культурный центр «Созвездие»
Контеевского сельского поселения.
Материал собран Ширяевой Н.В.

2010 год.

У наших земляков-старожилов из деревни Андреевское есть легенда, что вблизи деревни Андреевское была явлена икона Великомученицы Параскевы. На месте её явления была построена деревянная часовня, рядом с родником большой камень.

По преданию, Екатерина II распорядилась поставить на этом месте часовню, когда услышала поверье о Великомученице Параскеве, проезжая наши земли, следуя в Железоборовский монастырь. В записях краеведа Флёрова Вячеслава Николаевича упоминание о часовне датируется началом XVIII века. Описывается часовня, как деревянное небольшое квадратное помещение с деревянным крестом над ней. В часовне жил монах и только он раздавал святую воду из ключика всем желающим. В часовне отпевали нищих и бездомных. Особенно много было таких людей в большие праздники у святого источника с прощением милостыни и исцелением от хвори.

Нина Геннадьевна Соболева (1927 г.р.), уроженка д. Андреевское вспоминает: «Помню хорошо часовенку и камень рядом с ключиком. Часовня квадратная такая, деревянная, рубленая, обшита тёсом. Внутри помещения местечка было мало, на всех стенах были иконы. Нас ребятишек во всей деревне было много. Помню, как нас приводили в часовню мыть пол на все большие праздники, а после половодья, весной часовню затопляло, тоже отмывали полы от песка и ила. В праздник святой Великомученицы Параскевы всей деревней ходили туда молиться. Был водосвятный молебен, после которого ходили по дворам, заходили на каждый двор, молитвы читали, освящали святой водой и скотину и постройки. В тридцатые годы часовню разрушили, иконы растащили по домам. Помню, как крест деревянный валялся прямо у дороги в канаве, кто-то его потом подобрал. Помню, как папа возил с ключика воду в большом чане. А когда мы подросли, стали носить в вёдрах на коромысле, зимой на санках. В военные годы, да и после войны в округе ходила эпидемия дизентерии. Так вот у нас в деревне Андреевское никто не болел этой на то время страшной болезнью, всё благодаря святой воде. Водой лечились сами, носили раненым в госпиталь. Я её всегда зову «живая вода»».

Лаврова Клавдия Васильевна (1932 г.р.) уроженка д. Андреевское рассказывала: «В Девятую пятницу от Пасхи в нашей деревне всегда праздновался этот день - явление святой Великомученицы Параскевы. Наряжались и ходили всей деревней в часовню на моление. Помню, как мой покойный брат Володя принёс тайно деревянный крест на поветь от разрушенной часовни. Притащил, где только сил хватило, а может, кто помогал, ведь ему в ту пору было лет 7-8, а вот потом куда его дели, не помню. В нашей деревне долго жила Стрелкова Прасковья Патрикеевна. Так её все звали Патрикеевна, да Патрикеевна, или бабка Паша. Она лечила людей святой водой с ключика. Скотине помогала, от сглазу ребятишек лечила. Утром на заре читала какие-то молитвы на святую воду, принесённую с ключика. Всем помогала, денег не брала, только в благодарность продукты питания или какие-нибудь сладости ей приносили. Умерла она в начале девяностых годов. Верим в чудесную силу живой родниковой воды из нашего Андреевского ключика».

О деревне Андреевское и её достопримечательности - о святом источнике известный краевед Вячеслав Николаевич Флёров (1940 г.р. с. Контеevo) рассказывает так: «Деревня Андреевское с древних времён входила в состав Контеевской волости. Однако, в отличие от окружающих её населенных пунктов: Контеева, Старостина, Вантина, Княгинина, Яковлевского, Ощепкова, Иванищева, которые по переписным книгам Галичского уезда 1678 года принадлежали Железоборовскому монастырю, Андреевское вплоть до реформы 1861 года было помещицьею вотчиной. Деревня была маленькая и бедная, часто переходила от

одного владельца к другому. Последний помещик деревни был помещик Лермонтов, один из костромской ветви рода поэта Михаила Юрьевича Лермонтова.

Как возникла деревня, сведений не имеется. Но можно предположить, что она возникла не позднее 16 века. В тот момент шло интенсивное заселение наших земель славянами. Славяне продвигались вдоль больших и чаще вдоль маленьких рек, и в понравившихся местах основывали деревни, в которых селились родовыми группами или отдельными семьями. Типичной для того времени была деревня в 1-4 двора, а слово «деревня» означало не само селение, не постройки, а участок пашенной земли. Покосов, леса и т.д., составлявших в целом деревенское хозяйство. В те времена такие деревни чаще всего называли по имени главы семьи или рода, которые основывали такую деревню. Очевидно, Андреевское названо по имени первого поселенца – Андрея. Деревня вплоть до середины 19 века не разрасталась, даже в 1870 году в ней было всего 5 хозяйств, в них числилось 24 человека мужского пола и 28 человек женского пола. Рост деревни, сдерживал, по-видимому, недостаток. С водой в деревне были проблемы. Так как жители не копали колодцы, до воды не дошли.

Жители Андреевского относились к приходу Архангельской церкви с. Контеева. В Архангельской церкви служили три священника. Андреевское обслуживал третий (младший священник), в Андреевском отмечался церковный праздник - Девятая (пятница после Пасхи). В Андреевском, как и в большинстве деревень прихода Архангельской церкви, стояла часовня. Правда, стояла она не в самой деревне, а под горой на берегу реки Сендеги. В самой деревне стоял большой деревянный крест. Внешний вид часовен во всех деревнях прихода мало отличался друг от друга, отличались только величиной.

Приведу описание часовни в Андреевском. Часовня имела четырёхугольную форму. Крыша также имела четыре ската с крестом наверху. С трёх сторон часовня имела окна, с четвёртой стороны находится в неё вход. С трёх сторон на небольшой высоте от земли была сделана терраса, по которой можно было обойти вокруг часовни. Внутри часовни стоял большой деревянный крест. На полках стояли иконы. Внутри неё так же находились хоругви. На расстоянии 20 метров от часовни ключик. Во время разливов ключик заливала паводковая вода, до часовни вода не доходила.

Службу в часовне вел приходской священник с псаломщиком после службы в Архангельской церкви. В день праздника священник с причтом приезжали в деревню, служили в деревенской часовне всенощную службу и молебен, совершали крестный ход вокруг деревни и потом после обеда, в отведённой ему квартире, ходили по домам деревни со святой водой и у желающих служили домовые молебны. В большинстве церковные праздники жители деревни также приглашали церкви для совершения моленных служб в часовне, или исправления частных требований в домах прихожан. Более зажиточные прихожане в Пасху и Рождество приглашали местный причт со святыми иконами, и всех родных и знакомых для совершения общей молитвы. По окончании молитвы предлагался обед всем присутствующим. На берегу Сендеги, недалеко от часовни находился ключик с родниковой водой. За ключиком жители деревни ухаживали и следили, чтобы вода в нём всегда была частой. В ключике был сделан деревянный сруб, а над ключиком был сооружен навёс. Ключик зимой не замерзал, и к нему всю зиму вела расчищенная дорожка. В этом ключике жители деревни брали воду для питья, так как в деревне не было ни одного колодца. После весеннего паводка ключик очищали. Воду в ключике считали святой, помогающей от глазных болезней. В часовне монахи Железоборовского монастыря служили молебны для исцеления от глазных болезней и продавали чистую родниковую воду. Приходской священник Архангельской церкви освящал воду в ключике».

По мнению местных жителей, эта вода излечивала от многих болезней глаз. Жительница д. Андреевское, впоследствии старшая медсестра уездной больницы Е.В.Смирнова, в начале 1900-х годов вспомнила: «Даже моя сестра, страдавшая болезнью глаз, ходила за водой на этот ключик. Старейшая учительница Контеевской школы Бартенева Таисия Васильевна, в роду которой все страдали болезнью глаз, постоянно сама промывала глаза родниковой водой из

Андреевского ключика. Она до глубокой старости сохранила зрение, по её мнению, благодаря родниковой воде».

Ключик существует до сих пор. Однако он запущен, за ним никто не ухаживает, и воду берут мало...

Халабурдовский клуб-библиотека
Тимошинского культурно-досугового центра
Тимошинского сельского поселения
Администрации Макарьевского муниципального района
Костромской области

«ДЕРЕВНЯ ХАЛАБУРДИХА ТИМОШИНСКОГО СЕЛЬСКОГО СОВЕТА МАКАРЬЕВСКОГО РАЙОНА»

*Материал собрала и записала зав. Халабурдовским клубом-библиотекой Тимошинского культурно-досугового центра Тимошинского сельского поселения администрации Макарьевского муниципального района Костромской области
Шарахова Надежда Валентиновна*

2009 г.

Мой реферат основан на воспоминаниях жителей деревни Халабурдиха. Но, прежде – некоторые сведения о здешних местах из книги Д.Ф. Белорукова «Деревни, сёла и города Костромского края» г. Кострома 2000

Село Тимошино впервые упоминается 22 января 1614 г. в грамоте, присланной из Москвы в г. Унжу воеводе Ю.Г. Ловачикову, чтобы он отдал Тимошино на оброк Макарьевскому монастырю. Но монастырь не хотел брать Тимошино, т.к. оброк за него надо было платить в казну, и потому монахи писали в Москву: «А братии в монастыре 20 человек и братья кормить нечем, приходу и вкладчиков нет, а пашни припахать неоткуда».

По просьбе игумена монастыря царь Михаил Федорович в 1616 году Тимошино, Карьково и Акатиху пожаловал монастырю, и у монастыря эта вотчина была до 1764 г, когда указом Екатерины II монастырские вотчины были взяты в удельное ведомство, в переписи 1652 года о Тимошине сказано: «Сельцо Тимошино, а в нем церковь Вознесенья, а при ней поп, да дячок, да 7 крестьянских дворов, да к сельцу же 6 деревень, а в них 27 крестьянских дворов». В числе этих деревень была и деревня Халабурдиха.

*Филатова - Соболева
Валентина Александровна,
1912 г.р. д. Халабурдиха:*

«Откуда появилось такое название деревни, и как она возникла, никто не знает. Но говорят, что в здешних местах давным-давно, много годов назад, проходили татары. Ведь ты чай знаешь, здесь по дороге в Макарьев есть место, называется «татарка». Да вот там, говорят, похоронена была черноватая девка. Татарка. Может командирша этого войска. Тознать? (Кто знает?). И могилка тут была. И люди, когда проходили мимо, клали которя зернышко, а кто хлеба кусочик. А как? Так ведь не пройдешь? Теперь уж то место никто указать не могот (не сможет), но сказывали, что так оно и было. Вот от тех давнишних годов наверно и пошло такое антиресное, нерусское названьё деревни Халабурдиха. Нерусское, знамо нерусское. Да, куды тебе это надэ. Лонись ведь про всё говорила. Хто тебя это всё заставляет, господи.

Ну вот, долгое время жили на хуторах, народ вынуждали селиться там, где сами найдут место. Жили единолично. Имели для себя скотину, держали коров, лошадей, овец, куриц, свиней. Каждое хозяйство имело для себя и полосу земли, где сеяли рожь, овес, ячмень, сеяли лен, сажали картошку, свеклу, дрюкву (брюква), горох».

«Для того чтобы все это обработать и хранить, строили овины, житницы, соломенники. Имели плуги, сохи, бороны. Почти в каждом доме имелись свои кросна (ткацкий стан), чтобы выткать и сшить одежду и для будней, и для праздника, выткать половики, полога.

Селились и в 15 км. от деревни, и в километре, а бывало и близко, метрах в 500-х. Выбирали полянку, выкорчевывали пенё, срубали мелкий кустарник, спиливали лес поперек «сосну» и ставили избу. Избенки небольшие, невысокие, в два окошка, но крыша двускатная, хоть и крыта соломой. Клали застреху и прижимали солому жердями. Соломенная крыша, понятно, была только на год. Потом заменяли на свежую. В окошко вставляли раму, но чаще маленькое стеклышко было только вверху. А весь низ забирался тряпками, куделёй и чтобы все это держалось, к косяку окошка прибивали доску. Стекло стоило шибко дорого, да поблизости ведь и взять-то негде было. Вот так и жили. А если еще и это маленькое стеклышко разобьется - тут совсем беда. Еще летом, в тепло, так куда не шло, можно и без стекла, а вот с вечера, да зимами холодными, было совсем темно, как в голбеце. Приходилось зажигать лучину.

Работали тяжело и много: разделявали и обихаживали землю, собирали урожаи. Были и зажиточные хозяйства. Имели по 3 коровы, 2 лошади, быки, много овец и все это ведь надо было справиться и потому, когда приходило время сенокоса, уборки, приходилось нанимать работников. Такой люд тоже находился. За работу хозяева расплачивались с ним житом, молоком. Ну, это уж как они договорятся».

С тех самых пор, где жили единоличники до сегодняшних дней, так и остались названия полей, сенокосов. Вот, например «Шилова», «Гусева», «Деревянкин Лог», «Степанова» - по фамилии хозяев.

«Ванюхов овин» - название говорит само за себя.

«Сморodelьник» - пашня и сенокос (растет много смородины).

«Долгуши» - длинные ровные полосы за деревней (пашня).

«Красивая» - место для сенокоса. Красивая поляна.

«Кернас» - сенокос по названию небольшой речки.

«Слутка» - сенокос. Тоже по названию речки.

«Везучий» и «Крутой» овраги (крутые, вязкие, грязные овраги, а по берегам выпасы для скотины и сенокосы.

«Бурашная». Место долго разделявали, сплошь бурьян, а позднее, «Бурашная» - лагерь сталинского режима. Таких лагерей в наших местах немало было. Это и 19-ый, 13-ый, 17-ый, 11-ый, третья, 25-ый, «Синица», «Белый Лух». А потом, когда лагерей не стало, там стали заготавливать сено и для колхозного стада и для личных хозяйств.

Есть еще «Першина» - это место в лесу, в 400-х метрах от деревни, где был и есть скотомогильник. Наверно это место было выбрано потому, что там стояли частые, высокие и густые ёлки. Зайдешь в лес, темень несусветная, поднимешь голову и неба не видать.

Новожилов Алексей Яковлевич, 1927 г.р.,

Гришина Мария Николаевна, 1935 г.р.,

д. Халабурдиха:

«Вот так и жили до тех пор, пока не пришел приказ: всем с хуторов переселяться в деревню, будут организовывать колхоз. Многие вступали, бедняки в первую очередь, потому что у них ведь ничего не было, «голь перекатная», а тем, кто жил хорошо, было, что поесть да попить, с неохотой шли. Богатых раскулачивали и выселяли, 4-5 семей раскулачили, и выслали куда-то, а которые и сами, побросав всё нажитое, уходили».

Гришина Анна Васильевна.,

1910 г.р., д. Халабурдиха:

«До 31 года была коммуна, но мало она просуществовала. Это 25-27 годы. В 1932 году образовался колхоз. От добрых людей мы узнали, что семья подлежит раскулачиванию и выселению. В каждой деревне были такие. Нет, чтобы честно трудиться, работать, так занимались доносом, пронюхав, кто, где и чего вырастил. Вот и у нас в деревне была такая. И вот мои родители тайно, ночью, не имея документов, выехали в Макарьев. А в уезд уже доложили, что сбежала семья. На что им ответили: раз не сумели удержать, и мы задерживать не будем. Родители подались в Баикирию. Мир не без добрых людей: обогрели, приютили, появился и кров. А через 5 лет снова вернулись на родину, получили разрешение вернуть все нажитое».

*Корсаков Виктор Иванович, 1930 г.р.,
д. Халабурдиха:*

«Храню и дорожусь членской книжкой колхозника моих родителей. Это память. Здесь написано всё: кто вступил в колхоз, сколько и чего забрали. Написаны трудодни на каждого трудоспособного. В 1932 году образовался первый колхоз с названием «Свет» в д. Халабурдиха. Председателем стал Петр Кузьмич Стрижов. Пахали на конях, сеяли вручную. Разбрасывали зерно по полю руками из «ситева» и доверяли эту работу только добросовестным женщинам-сеяльщикам, зная, что поля они засеют ровно, без «огрех». Их я могу назвать. Паничева Анна Ивановна, Емелина Евдокия Дмитриевна, Кочнева Евдокия Андреевна. Вспоминать прошлое и хорошо и тяжело одновременно. У отца семья большая, шесть ртов, как говорится. Испытали и трудности и лишения, как и весь народ в то время. Сами всю жизнь работали не покладая рук и нашим детям привили любовь и уважение к труду. Хуторские и позже, хоть уже и в колхозе работали, все равно ещё какое-то время жили на кордонах, ждали, когда выделят место под постройку дома, нарежут наделы земли под посев».

*Куропалкина Анна Алексеевна, 1931 г.р.
д. Халабурдиха:*

«Дома строились большие, с перерубом. Была стена капитальная, которая разделяла дом пополам. Получалось две избы. Мост был один, но в каждую избу – свои двери. В каждой сложена большая печь, где варилась еда для семьи и запаривали мякину для скотины. Бывало, что в доме живут по две снохи. Живут до тех пор, пока не отделятся, не уйдут в свой выстроенный дом. Родители, если много скотины держат, дак каждому сыну по корове, по поросенку дадут. Ну, это у кого какой достаток. Хорошо жили те семьи, у кого были сыновья, потому, что сноху в дом приводили, силы большие, да и народ «поаушной», всё хватают и хватают, всё надэ и надэ, а которым ничего не надэ. Да и теперь такие то лодыри есть».

*Смирнова Анна Николаевна, 1934 г.р.,
д. Халабурдиха:*

«Помню, в деревне стоял такой же большой дом, в четыре окошка и был также сделан переруб. Это дом Смирновых Алексея Дементьевича, где жила семья хозяев. Там были три окошка. Переруб разделял дом ещё на одну избу, там было одно окошко и жила там домработница-прислужница. Хозяева уходили на работу, а она управлялась по дому. Скотины было много, всех надо уделать. У них она пожила годов 10, потом куда-то уехала. Но держали они ее хорошо, не обижали, нет. Работали много, каждый делал свое дело. Бабы стирали одежду для семьи, примывались в избе, на мосту, шить, вышивать умели, вязали крючком и на спицах, ткали полотно, пряли».

*Гришина Мария Николаевна,
1935 г.р. д. Халабурдиха:*

«Отвечать за всю семью - это бабье дело. И сохрани Бог, если мужик пойдет по воду - страму не оберешься. «Ну-ко, мужика по воду послала!» -это считалось зазорным. У мужиков работа с топором: выдолбить корыто для скотины, обкатать семью валенками, подшить,

если прохулятся, вбить косу, чтобы «ловкая» была. Забой скотины – это называли «мясничать» и уход за лошадьёю – тоже их дело. Следить за телегой, сохой, сбруей, вывести навоз со двора. Этим только мужики занимались. Зимой сена привезти. Все эти дела касались их. Делов у всех много было, отдохнуть некогда».

Клюкина Лина Спиридоновна, 1924 г.р.,
д. Халабурдиха:

«В деревне очень дорожили родством, всем старались потрафить, а родителей почитали. Всегда. Относились уважительно. Свекра и свекровь сноха называла так: батюшко и матушка. Дедушку называли тятя старой, баушку – папа (имя). Например, папа Анна. Почему папа? Не знаю. Наверное, это ласково очень. А родителей называли так: отца – тятя, мать – мама, маменька. И очень долго, до конца 40-х годов родителей принято было так звать. Это уж потом стали папа, мама, баба, бабушка, дедо, дедушка. И еще, если сын приводит в дом жену, хозяйку, то за них какие-то дела, да мало-ли что приходилось делать в семье – то за них решали родители мужа, Их называли «большаки». Что они скажут, так и будет. Не перечили. Слушались. А так, это было всегда, последнее слово в семье оставалось за батьком. Батько в доме – главной. Как скажет, так и будет. А девчушек, еще маленьких, заставляли прясть, подоить корову, научиться вышивать, вязать, выполоть грядки в садике. Старшие «водились» (нянчились) с младшими. Семьи ведь большие были, по 6, по 7 ребятишек. А уж если годам к 10-11 девчушка не научится прясть, про такую говорили: «Гляди-ко, мала ещё, а уж валявка какая, ни к чему не радиёт». А валяй-ко так ту скажут, дак и матке-то как стыдно, да и ребята к такой не подходят. Ведь когда подходит время, что девку приходят сватать, спрашивают, что она умеет делать, рукодельница какая? Если не научена ничему, дак «промиряют» всю девку, да и матке достанется: не научила. Работать в колхозе начали рано. Ребятишка (мальчики) с 12 годов уже и боронили на конях, и навоз возили на полё, лён теребили и зерно молотили. Всё-всё. Каждое делецко рук требовало. Скажу так: ребятишка старались научиться тому, что умеет батько, а девчушки учились всей бабьей работе. Вместе со взрослыми ходили в лес, ягоды, грибы собирали, помогали на сенокосе. Ко всему труду приучались рано. Умели. И знали, как делать»

Корсаков Виталий Иванович, 1930 г.р.
д. Халабурдиха:

«Внешняя граница деревни определялась так: у каждого дома (в задах) свой участок. Длина была 200 м обязательно, сотки были разные, наделялись по составу семьи. Самое малое было 25 соток, было и 50, если у кого семья большая, человек 8. В начале и в конце деревни стояли ворота. Высота метра 4 и ширина 3. Широкие. Для того, чтобы свободно можно было проехать на лошадах с возом. Ведь весь урожай льна, овса, ячменя с полей вывозился на телегах. Везли на гумно для обмолота. Въезд и выезд в деревне был через ворота. Такой порядок. В середине деревни, на обоих порядках, тоже были ворота. Это для того сделано, чтобы не ехать в конец деревни с возом с ближнего поля, а проехать через этот пригон. Чтобы ворота хорошо открывались, не скрипели, петли смазывали дегтем. Ворота были сделаны из горизонтальных жердей (такая жердевая решетка). Ребятишек в деревне было много и хотелось им покачаться и покататься на воротах. За это их ругали, иногда сильно попадало, ведь они могли сломать жерди. Ворота запирались на большую задвижку. Человека, который бы следил за этим, не было. Каждый, кто проходил, обязательно должен был закрыть. Тут же, в этих воротах, были сделаны маленькие дверечки на петельках, с запишкой для пешего народу».

Гришина Мария Николаевна, 1935 г.р.,
в д. Халабурдиха:

«Испокон веков был тут и пригон, по которому гоняли скотину на пастбище. Как приходит весна, вся деревня собирается на сход, решаются разные вопросы, и в первую

очередь – городить пригон. Сход собирается или прямо на улице в середине деревни, или в доме, который попросторней, чтобы вместились все.

Начинается работа. Мужики рубят жерди, вкапывают столбы, а бабы таскают жерди и талинник (кустарник гибкий). Талинником перевивают жерди, чтобы держались – чай, ведь не гвоздьё было. Городились обе стороны пригона. Ширина метров 25. Длина – 3 км до самого «Ванюхова овина», там лес. Вот по этому лесу и пасли скотину. По обе стороны в начале пригона тоже стояли ворота для проезда в поля. А чтобы свои поля от чужих отделить, ставили «курган» (вкапывали столбики). В самой деревне тоже было всё огорожено. Ведь скотина – овечки, свиньи – гуляли по улице, могли зайти в садики, поэтому каждый хозяин свой дом приводил в порядок: тычьём загораживал садик (садик – это площадь земли около дома, где выращивают овощи для семьи), мётлами выметал мусор из заулка и прибирал улицу против окошек своего дома. Улица всегда была прибрана. А если бывало, что чья-то скотина шлялась без присмотра, да вдруг сломает жерди в прогоне, да на посевы забредет, хозяина строго наказывали: заставляли вновь загородить все проёмы сломанные, да еще и трудодней или заработка лишали, а это было не больно хорошо. Стыдно».

Куропалкина Анна Алексеевна, 1931 г.р.,

д. Халабурдиха:

«Скотину держали для нужд своей семьи. Тут и мясо, а из шерсти и валенки скатать, и носки связать. А коровушка всегда считалась кормилицей (нахлебаешься молока и сытой). Пасту скотину рядили пастуха. Утром его надо было накормить, как следует, собрать с собой обед в сумку, а вечером, когда пригонит стадо, опять накормить, да получше, и так он ходил по порядку в каждый дом, каждый день. А по окончании пастушества хозяева давали по мере (пуд) картошки и по десятку яиц. Для овечек был уже другой пастух».

Гришина Мария Николаевна, 1935 г.р.,

д. Халабурдиха:

«Бывало, что скотинка и захварывала, лечили сами хозяева. Был такой обычай. Двери с улицы на двор крепко-накрепко закрывали и чертили чистым дегтем крест. Это от нечистой силы. Двери накрепко закрывались на засов или на запирку».

Филатова Анна Степановна, 1912 г.р.,

д. Карьково:

«Святой водой кропят стены двора, двери, читают молитвы. И еще: чтобы скотинка была здорова, на дворе просили попа прочитать молитвы. Для того тут всё выметают, чистят, прибираются, а пол земляной выстилают соломкой, ставят стол, стелют вышитую скатерть. Поп ложит на стол свои книги с молитвами и святую воду. Потом веничком маленьким, как пучочек, кропит всё на дворе святой водой».

Смирнова Анна Николаевна, 1934 г.р.,

д. Халабурдиха:

«Умели делать хозяева и такую мазь. В блюдце алюминиевое клали чистый деготь, ставили на огонь, и как начнет кипеть, добавляли белыи сырого яйца, всё размешивают, чтоб опять закипело. Делается такая мазь густая, вот ей и мазали болячки у скотины. Проходило».

Толмакова Галина Фёдоровна, 1923 г.р.,

д. Халабурдиха:

«А в вербное воскресенье ходили в лесик по прутики вербы и подтыкали их на дворе. И в день святого Ягорья (6 мая), если погода была хорошая, а то ведь и снег выпал, было так, этим прутиком выгоняли коров на пастьбу. Прутик не выбрасывали, хранился целый год, потом сжигали в печке».

Новожилов Алексей Яковлевич, 1927 г.р.,

д. Халабурдиха:

«В лесу, в трех километрах от деревни, строили заводы смолокурные. Это небольшие, срубленные из дерева избушки. Внутри сложена печь, позади печи стоял казан (котел) и был соединен трубой с печью. Печь топили сухими дровами, в казан доверху залаживали береста, береста «томилось» и тонкой струйкой по лоточку из казана выбегал чистый деготь в кадушку. Печь топилась сутками, огонь никогда не гасился, деготь шел на смазку конной сбруи, чтобы была мягкой, смазывали колеса телег. Тут же курили смолу из смолевых дров. Закладывали в казан смолевые, метра полтора, плашки и они тоже «томились». Готовая смола вытекала из казана в приготовленную посудину, бочка небольшая. Занимались и углежжением. Находят в лесу место, стаскивают в кучу, плахи дров: елка, сосна, береза; всё идет в ход. Зажигают, заваливают землей, и плахи «томятся». Получается много угля. Заготавливают весной кубометров пять, хватало на целый год. Уголь нужен был для работы кузницы. Все эти работы выполняли мужики. Кузница стояла поодаль от деревни, в 300 метрах. Представляла собой деревянную избушку, срубленную из бревен в угол.

Ковали петли к воротам, лемехи к плугам, делали колеса к телегам, ковали шпигли – это большие гвозди см. 20-30 со шляпками, это шпигольё применялось на постройке дома, приколачивали карнизы.

Филатова Анна Степановна, 1912 г.р.

«Люди в деревнях были набожные. По праздникам со всех деревень съезжались, сходились к церкви, чтобы помолиться. Одевались нарядно, лучшую одежду, лучшие платья берегли к этому дню. Мужики и бабы одевали зимой теплые длинные «саки» с борами. И обязательно у мужиков черные шарфы на шею. Бабы наряжались в красивые платы с кистями. Детки одевали новые «оболочки» с оборками и складочками. Рядом с церковью стояла часовенка белая. Недалеко был колодчик с холодной вкусной водой, и росла тут черемуха, а ягоды были такие сладкие, крупные, как будто и не черемуха это. Неподалеку стояла сторожка, народу помолиться приходило много. Кому-то негде было заночевать. Вот они в этой сторожке и коротали ночь. Божественные праздники соблюдали. Вот, например, пойдут в Макарьев человек восемь пешком по икону преподобного Макария. Попы Макарьевские провожают их до кордона «Сшивка», а здесь их уже встречают наши тимошинские попы. И вот пока они идут с иконой, все это время на церкви звонят колокола. А в Богородицын день вынесут икону Богородицы и весь народ ходит вокруг церкви, жгут «ракеты»; много береста навивают на палку долгую и поджигают, а то дак смолу зажигают и жгут. Это все в Богородицын день 21 сентября. А дома на тягле в переднем углу, называлось это часовней, стояли иконы: Божья Матерь, Спаситель, Николай Угодник и другие тоже были. Лампадка висела на поцепке (цепочка), зажигали свещки по праздникам. На тягло вешали «повязки» вышитые с прошивами. Никогда икона не стояла в кути в углу, только в подокошке, на тягле. В субботу, когда была большая примывка, иконы обязательно надо было вымыть чистой водой из чистого блюда свежей тряпочкой. Скажешь: «Господи, благослови» и начинаешь обтирать. А воду надо было вылить или под передний божий угол, или в садик, под деревцо, но не на дорогу, по которой ходят. Разве можно топтать святую воду. В каком платье ходили в церковь, на беседки такое не надевали. Нельзя. А вот в воскресенье опять наряжались в баские платья и платы, в которых были в церкви и шли на угор (в центре деревни место, где собирались девки и ребята). Это было весной, по теплу. Праздничали восемь воскресений. Старые люди спать лягут, а молодежь вся на угор. Пляска тут, гармони играют, смех, шутки. А девки к этим гуляньям копили яйца неделю, а может и две, как сумеют. Охота поплясать – несли яиц побольше. И проплясывали их – отдавали гармонисту за игру. Было весело, шумно; и частушки и продольные песни пели, далёко слышать. «Разведём лужок», «Научи меня, мать», и в игры играли. Отпиливали маленькую круглую чурочку от плашки, чтобы была такая, как «шарик». Вбивали крепко в землю кол. Ложили «шарик» на кол. Отходили на расстояние метров 20 и кидали палку, чтобы сбить.

А в засуху или в дождь заказывали у попа молебен. Весь народ ходил вокруг поля с молитвами, несли иконы, просили или ведра, или дождя. Помнится, был такой случай: уродился лён, уж больно хороший и долгий, и чистый, но в земле было страсть много червя, черного, большого. Откуда он взялся? Никогда его раньше здесь и не видывали. И он начал подъедать этот лен. И весь народ вместе с попами выходил в поле, ходили с иконами, поп читал молитвы. И помогло, червь пропал. В будни работали, а в праздник и в воскресенье работать было грех. А если кто-то не соблюдал праздники, того наказывали: лишали трудодней, отбирали плуг, соху, снимали колеса с телег, и закрывали в амбар, пока не отойдет срок наказания. Вызывали на «десяток». Устраивали такую «проборцию» - долго помнили. Натерпится стыда, и сроду так больше не сделает».

Толмакова Галина Федоровна, 1923 г.р.,

д. Халабурдиха:

«Давно ведь всё было, стало забываться. Но кое-что сохранилось в памяти. Годков шесть мне, было, возьмет мамонька за ручку, и пойдём в церковь. А народу-ту идет по дороге, и у церкви все народ. Все идут помолиться. Красивая, высокая, белая стояла. Колокольню помню. Церковь издали видать. И была она огорожена оградой, а ограда частая, из железных вострых прутьев, как штыки. И стояла на высоких, белых кирпичках, крашеная зеленой краской. Я любила ходить в церковь. Хорошо там было, а красиво-то как! Иконы кругом, лампадки горят, свечки. Часовенка стояла коло церкви, тоже белая, кирпичная, туда для отпевания заносили. В часовенке тоже иконы были; а как жэ, дитятко, без икон нельзя. А потом церковь разрушили, в 28 или 29 году. Рассказывали, что когда колокола роняли, дак вся земля, дитятко, продрожала. Народ жалел, ревели все, и шибко бранили тех, кто разламывал церкву. А разрушили её четыре человека, про тех забыла имена, а вот про Марка Софонова рассказывали, что уж больно он веселился, радовался, на гармошке все играл, плясал шибко, весело ему видно было. И в недолге у него ноги заболели, а потом и совсем отнялись. Но люди его не жалели, говорили, что так тебе и надо, Бог тебя за все наказал. Уж он потом и сам покаялся, говорил: «Не надо было мне это делать. Не надо. Да уж теперь всё ромно. Господь меня наказал за это». Ой, а жизнь-та, дитятко, какая тяжелая была. Ведь все надо было делать, и все рученьками. А еда-то, какая! Крапива, лебеда, да головки от клевера щипали. Забелим все молочком, да и едим. А мяско-то только в мясоед. Вот, бывало, поставит мамонька блюдо большое на стол с похлебкой али со щтями. А семья - то большая, все усядутся вокруг стола, и едят все из одного блюда. Это ведь не теперь, что у каждого торелочка, а раньше нет. Хлебали похлебку, щти, мяска тут мамонька положит, каждому по кусочку, и до тех пор не возьмем этот кусочек, пока тятенька ложкой по блюду не стукнет. А если потянешься еще за одним кусочком, дак тятенька так ложкой по лбу стукнет, что в голове зашумит, и не вздумай зареветь, еще больше получишь».

Среди глухих лесов, мелких речушек да болот и по сей день стоит уже немногочисленная деревня Халабурдиха, с добротными, рубленными в угол домами-пятистенками. Дворцов здешние мужики не строили, но каждый дом стоит молодцом. Украшают его кружевные наличники, да большая, со множеством стекол, заменившая крыльцо терраса.

Что представляла собой деревенская изба 40-50-г.г. рассказал:

Новожилов Алексей Яковлевич, 1927 г.р.

д. Халабурдиха:

«Для того чтобы поставить избу, рядили подрядчиков рубить струбы. Сходятся человек 5-7, и работают. Ну, конечно, тут ведь не каждого брали, да не каждый и шёл, а только тот, кто умел в руках топор держать. Вот сходились, и плотничали. Выписывали лес - сосну, ну, конечно, лес был хорош. Спелый, строевой лес выписывали в лесничестве. Был такой человек, назывался «объездчик». Наклеймит в лесу в делянке столько, сколько нужно длины кубометров 50 али 60. Какой дом будешь строить, сколько окошек по переду. Спиливали поперешной пилой, потом вытаскивали на лошадях в деревню. Конная сила-главная в деревне,

все работы на ней управляли. Вот, старики еще говорили, что во времена Петра, когда он флот стал строить, дак отсюда вывозили лес, делянка была отведена, и сплавливали по реке. Вот какой тут лес вековой стоял. Такого не было, чтобы бедные и богатые селились врозь. Нет. Все жили в одном месте. Просто богатые уже отличались тем, что и дома были побольше, и скотина имелась. Устанавливали фундамент по размеру избы. Туда шло комельё от дерёв. Их вкапывали в землю стояком, метра на 1,5, оставляли столбики см. 60, это называлось «тупики». Теперь на эти тупики ложили «закладь» (нижние брёвна по размеру дома, самые толстые брали). Под углы подкатывали большие камни-валуны. Кто-то работал в отработку, а кто-то за деньги рядился (ведь народ всяко жил, и побогаче были, и победнее, а то и совсем лодыри никудышные, дома они ставили себе небольшие, а если много окошек по переду, говорили, что тут богатые живут). Бревна гладко строгали, в пазы между бревнами для тепла клали мох. Высота каждого дома тоже была разная, но в голбце делали повыше, чтобы можно было встать в рост. Высота в жиле (дом внутри) от пола до потолка 2,60-2,80 метра. Крыша двускатная, складывали стропила через полтора метра. На стропила врубали попрёк слёги, теперь ставили разносы, которые держат стропила. Потом ложили подскольник, клали плотно бересто. На бересто дорожно-лицевой ряд из теса. Делали по краям доски дорожку, чтобы вода стекала. И последнее: во всю длину крыши ставили обшоломок, приколачивали, чтобы крышу не снесло. Рубились дома-пятистенки, но присинье у которых хозяев не выделялось. Видимо места хватало. Уже только потом или семья когда прибавлялась, или по какой другой необходимости выделявали присинье. Позже, крыши стали крыть шифером да железом. Вот так.

Потом дом начинали выделявать изнутри. Настилали пол, потолок из толстых гладких досок. Ставили переборки, чтобы выделить подокошко и место для спанья. Дом, конечно, каждый бы хотел поставить на солнечной стороне, «на красном ряду», но ведь всем места в один ряд не хватало, да и деревня была бы не деревня, а так, не пойми что. Поэтому во внимание шибко это не брали и ставили дома и «на черном ряду». Так деревня кучнее, аккуратней, что называется «окошки смотрят друг на друга».

А в доме располагалось так: сначала заулок около дома, крыльцо, двери на мост. Здесь же отгорожено и место для чуланов. В чуланах хранилось мясо в кадках, вверху на шестах висела одёжа, в коробьях лежала чистая носильная одёжа для семьи. С мосту, на кованых больших петлях, открывались двери в избу. Сразу - куть. В кути стояли большие лавки, в некоторых избах лавки были врублены прямо в стену, чтобы их не двигать, не переставлять. Над входом в избу - полати, на них спали. На потолке в матицу вколачивалось железное прочное кольцо, в кольцо вдевался «качкий» (гибкий) шест и к нему привешивалась зыбка. Вот матка просунет ногу в лямку, качает ребенка, да при свете фунилки то вяжет, то шьет. От полатей вдоль избы до стены лежал брус – тёсоное дерево, здесь тоже стояли плошки, горшки, вешалась одёжа. На середине стояли кадки на высоких ножках, назывались «лоханки», в них держали поило скотине. На середине у стены целом к окошку сложена большая русская печь, побелёна серой глиной. Здесь же у печи сделана небольшая лежанка из досок. На ней тоже спали. Небольшое расстояние от стены до печи называлось «задорога». Туда ложили ухваты, таяпки, там лежала и лучина для растопки печи. На стене, на середине приколочен «торелошник» и залавок для посуды. Бывало, что рядом стоял и комод, там тоже хранилась вся домашняя утварь: чугушки, плошки, кашники для молока. Своих деревенских печников не было, появлялись «заезжие». На середине, на полу, была пропиленая западня, и стояла лесенка, чтобы лазить в голбец. В голбце хранилась картошка, морковь, брюква, свекла, всё для еды. Тут же к печи были приставлены приступы, чтобы забираться на печь. На печи тоже спали. «Хорошо лежать на печке, ножки в тепленьком местечке», - так приговаривали. На ночь семья располагалась так. Родители в подокошке на самодельной деревянной кровати, на домотканой постеле, набитой соломой. Остальные на полатах, на лежанках, на полу. Изо ржаной соломы плели рогозы, расстилали их на полу и укладывались. Окутка – из тканых половиков, а в постелях солома, она ведь недолго служила, вся в пыль истолкотся, приходилось менять часто и запасаться на весь год».

Гладышева Глафира Александровна, 1931 г.р.,
д. Халабурдиха:

«Под окошко. У стены стояла кровать заправленная. Свешивался до пола свес и закидывалось все связанным из ниток крючком покрывалом. Была тут и горка подушек и обязательно была подушка-думка маленькая. Во всю длину стены стояли скамейки, две, небольшие. Стол, на стене висело небольшое зеркало и часы-ходики с гирями – они считались украшением подокошка. Было тябло в переднем углу, там стояли иконы. Тябло всегда украшалось повязками вышитыми. На окошках у кого занавески из газет выстрижены, у кого из полотна домотканого. Вверху на небольшом расстоянии от потолка во всю длину стены врублен брус (гладкое строганное дерево). «На мосту были двери на двор. Двор к дому был всегда поставлен впритык, там содержалась скотина: корова, лошадь, овечки, свиньи. На сарае слаживалось сено на зиму. Сарай – это на высоте 2,5 метров от пола двора – настланный пол – мостовинник. Пол на дворе был земляной, позже настлали из того же мостовинника. На боковой стене двора были пропилены двери, чтобы выпускать летом скотину на пастбище. На задней стене двора, с улицы были сделаны большие ворота, и из мостовинника был сделан въезд прямо на сарай. Раньше сено возили на конях, лошадь с возом заезжала на сарай. Сено сваливалось в объём, лошадь разворачивалась и выезжала опять на улицу. На дворе были сделаны хлевы для скотины, а у стен стояли корыта для поила, выдолбленные из толстого дерева осины. К стенам приколочены деревянные решётчатые кормушки для сена, насадала для куриц, держали и гусей в хозяйстве. С сараю была сделана лестница, чтобы лазить на верьх (чердак). Наверху зимой сушили выстиранную одежду. Сушилось на шестах. Полоскать ездили в реку Пояж за 4 км. Возили на салазках по 9 «околотков» одёжи (околоток - белье, завернутое в тряпицы). Весной на верьху вывешивали мясо вялить. Вывешивали на лычках - это тоненькие липовые веревочки, продетые в кусочки мяса и подвешанные к шесту.

И еще. У каждого дома, у каждой семьи была срублена и стояла в садике небольшая банька - пятистенок. Рубили из сосны али ёлки, они были смолевые, пахучие. Это дерево в бане быстрее просыхало, не так прело. Полок, где парились веничком, размещался рядом с печью, на высоте каменки 1 м, чуть больше, чуть меньше. На кирпичи печки ложились толстые железные прутья для каменки. Камень брали только конопляное, искали по полям. Леденцы не брали (камешки, похожие на кусочки льда, светлые, от них можно угореть). Конопляные камешки по цвету синие. Бани топились по-черному, без дымохода, дым выходил через приоткрытую дверь. Идешь в баню, благословясь: «Господи, спаси и помилуй!». Есть такая поговорка «Баня от жилья 7 километров» - это как будто баня очень далеко, а стоит ведь она близко к дому (в бане может всякое случиться: угар, поскользнешься, кричи не кричи – никто не услышит, а можешь ведь и напугаться). Так что, не перекрестясь, в баню не ходили. Носили чистую ключевую воду с колодца.

Гришина Мария Николаевна, 1934 г.р, Куропалкина Анна Алексеевна, 1931 г.р.,
д. Халабурдиха.

«Воду грели в печке. Сунешь чугуна в цело, да камней на угольё накидаешь, чтобы докрасна нагрелись, а потом эти камешки горячие опускаешь в кадку с водой. Вода нагревается. Сходишь по соломку по свежую, если лето, разостелешь её в бане на пол, хорошо-то как! Соломки запасали впрок».

Новожилов Алексей Яковлевич 1927 г.р.,
Куропалкина Анна Алексеевна 1931 г.р.:

«Баный день – суббота. Дрова для баньки заготавливали березовые, от них жару больше. «Жар костей не ломит», - говорили, - «В баньке сладко». В маленьких деревянных шаечках-бадеечках распаривали березовые веники, траву настаивали для аромату в бане: крапиву, мяту, вздавали на каменку. Веники заготавливали в июне, июле, искали чистяк.

Заготавливали в пучки и лекарственные травы и развешивали на шестах в прибаннике. После бани пили чай из самовара. Пили с медом. Были в деревне пасеки. У кого не было, мед покупали. Баня использовалась только для мытья, больше не для чего. Баня – это баня. Колодцы для питьевой воды рыли поближе к дому, а для поливки – в садиках. За колодцем следили, чистили, ремонтировали срубы. Были колодцы, где вода была близко, можно ведерком зачерпнуть, а были и очень глубокие, тут уж приходилось ставить оцеп с бадейкой (оцеп – журавль). Вода была чистая, холодная, вкусная. Для питья и в баню носили только ключевую воду – она «мягкая». У колодцев стояли выдолбленные из дерева колоды, наливали воду и поили лошадей. Но были и такие хозяева, которым ничего не надо было, лодыри несусветные. Они лучше в овраг с ведерком сходят, чем колодец для себя выкопать. Было такое выражение в ходу: «изба-непряха», вот про самых, про таких. О, Господи, посеют немного жита да гороха, а лён никогда не сеяли, а значит, и не пряли и на краснах не ткали. Неумехи. Потому в доме полотна у них никогда не было, хоть голышом ходи. Вот так и жили, кто какую одежку даст, жалеючи их, или сами где добудут. «Вот и это было».

Гладышева Глафира Александровна, 1931 г.р,
д. Халабурдиха:

«К Пасхе мыли избу. Обязательно. Собирались табунком – человек 5-8 – и мыли. По одному такое дело не делалось. Потому что стены, потолок, пол, лавки драли дресвой, судомоечкой (мочало из липы). Пойдем искать этот камень. Возьмем пестерье, заступы, а найдешь его только у оврагов, потому что там сырея. Дак вот, как найдешь камень, выкапываем заступом, а если камень большой, разбивали его на мелкие, как такой-то хрушкой донесешь. Дома этот камень бросали в печь топленую, чтобы он там разгорелся, а потом толком его на камне мелко-мелко топором. Вот этой дресвой и мыли избу, примывались тоже с дресвой. Примывали из шаечки деревянной. Ой, да ну, какая жизнь была. Конечно, тяжело было вымыть, ведь всё было некрашено. Это теперь легко избу вымыть, а тогда. А хозяйка наварит к этому дню киселей всяких: и овсяных, и ягодных, и кашу ячменную. Откраивали (провеивали) этот сор через решето. Насыпали в частое решето ячмень и провеивали на ветру. Сор отлетал, а зернышки ячменя оставались на разостланном полотне. Потом зерно мыли, а как не мыть, грязь ведь. Если эту кашу с маслом, а вот овсяный кисель завсегда со сметаной ели. Яичницу жарила хозяйка, сладостей покупали, старалась угостить мытьянок по-хорошему».

Гришина Мария Николаевна, 1934 г.р.
д. Халабурдиха:

«А вот еще забыла тебе сказать, как одежду стирали, ведь машин стиральных не было. Одежду бучили. Искали конопляный синий камень. Нагревали его в печи докрасна, он не разгорится. Одежду ложили в бук, это такая кадка, на дне наверхены дырки, чтобы вода помаленьку сбегала. Ложишь одёжу доверху, застилаешь тряпичей. На эту тряпицу сыплешь просеянную золу с ведра. И льешь кипяток, а на золу еще положишь камень, чтобы вода горячей была. Закрываешь крышкой этот бук и одёжа приёт, оставляли на сутки. А потом когда надо ехать на речку полоскать, достоешь эту одёжу, она почти сухая, чистая-чистая, а запах-от какой свежий».

Алексей Яковлевич Новожилов 1927 г.р.
д.Халабурдиха:

«Но всегда, во всяко время, люди старались улучшить свое жилище, сделать что-то своими руками, смастерить для дома что-то новое, необычное, какого ещё не было. В домах стали появляться табуретки, стулья, диванчики-маленькие (скамеечки со спинкой), «горки» для посуды (высокий, украшенный резьбой шкаф со стеклянными дверцами вверху. Внизу-выдвижные ящички. Все резное, выкрашенное красками). В домах стояли круглые столы на точёных ножках. Был такой мастер из местных Черцов Сергей Алексеевич.

И в это же время стали ходить по деревням заезжие, как их здесь называли «мазила». Они предлагали раскрасить красками потолок, нанести узор. Соглашались немногие, потому что краску надо было обновлять, со временем она тускнела, теряла цвет, да и работа «мазилы» стоила недёшево.

Но были и свои деревенские мастера-умельцы, которые резьбой могли украсить наличники на окнах, вырезать незатейливую резьбу на карнизе. На наличниках красовались звёзды, различные завитушки, пара птичек-голубков. И всё это было покрашено яркими разными красками. А инструмент такой: ножовка, рубанок, да долото».

Открываем еще страницу жизни деревни. Это освещение в избах.

Незаменимой в доме была лучина, потом появились «фунилки», стеклянные, разной формы похожие и на пузырьёк, и на чашку с ручкой. В узкое горлышко вставлялась тесьма, наливался керосин. Лампы со стёклами. И простые, которые стоят на столе и с абажуром, которые подвешиваются на гвоздик к потолку.

Лампы:

2-х лейные – тесьма 1,5 см.

5 ти лейные – тесьма 3 см.

7 ми лейные – тесьма широкая 5 см.

Это была самая хорошая, светлая лампа. После расформирования сталинских лагерей, которых в наших местах было немало, привезли локомобиль, который работал на деревянных чурках и подавал ток. Потом появились дизельные станции, которые работали на солярке. Свет подавался с 6 ч. утра до 8. Вечером с 7ч. до 12 ч.

Платили за каждую лампочку по 1 руб. 50 коп., сколько было в доме, 2 или 3. Столько же платили и за розетку. Летом дизель не работал.

Незаменимым в хозяйстве был фонарь. С ним управляли скотину, а если по каким-то делам надо было идти ночью, то тут уж без него никак не обойтись. И доярки утром рано на ферму с фонарём, и сторожа, и сушильщикам овинов он необходим. Налют керосину, зажгут тесьму, стекло прочищенное, светло с ним, всё не в теми».

Костина Мария Андреевна, 1919 года рождения,

д. Халабурдиха:

«Расскажу я тебе всю свою тяжёлую жизнь. Долгое время работы в колхозе выполнялись вручную. На весенне-полевой сев привлекали тягловую силу, это кони из лагерей Унжлага. Сеяли зерновые, лён, заготавливали сено для общественного животноводства и личных хозяйств. Но сильно давили налоги. Надо было сдать в год:

мяса 40 кг

масла 12 кг

яиц и шерсти

А если это не выполнялось, то в дом приходили агенты, забирали всё: и полотно тканое, и постели, ничем не гнушались. Выгребали из голбецов картошку, скотину со двора уводили, семью оставляли на голод. А если у кого коровушка была удойщица, дак тем немного полегче было, пусть и молоко снятое хлебали весь год, зато масла могли накопить и сдать.

Гришина Мария Николаевна, 1935 г.р.,

д. Халабурдиха:

«Когда началась война, мне было 7 лет, но я хорошо помню, как не велели зажигать лампу, даже маленькую фунилочку нельзя было. А от её какой свет? Одна копоть. И всё равно нельзя. Помню, как начались сборы на войну в деревне, со слезами, с рёвом. С гармошкой провозжали мужиков. Хоть и малы мы ещё были, но понимали, что произошло что-то страшное. Голодовали шибко в войну. Вся еда: лебеда, крапива да гнетуны. Ели гнетуны с молоком. В войну, в каждом доме была корова, никто не нарушал. А чего бы есть-то стали, без молока-то. Собирали песты в поле, головки от клевера. Хорошо ещё, что лагеря в лесах были. Носили туда молоко, табак, яйца. А оттуда – сахар, крупу, сапоги. С лагерей брали и

коней. Приводили в колхоз 7 лошадей, вот бабы брались за плуг, да и пахали, а робятишки потом захаживали боронкой. Весь народ рабочий: бабы да робятишки. И сено возили на зиму для скотины, и навоз на поля, овинники заготовливали, чтобы лён сушить в овинах (1,5 метровые плашки пилили поперешкой). Сама работала на ферме. Поставили. Народу-то не хватало. Потом замуж вышла. Жили со свекровью. Держали хозяйство, корова была. А где косить? Негде. Кругом поля. Где взять? Вот мы с мамой и пошли где-то травы добыть. Да вой из кустов, всё серпом траву-то и выжинали. Разостелем, чтобы сохла. Так натеребили мы с ней на стожок. По ночам весь народ носил сено на сарай в ношах. Не успеешь – отберут. Народ-от какой был? Доносили друг на дружку. Вот и на нас кто-то донёс. И увезли у нас этот стог. Ничего не могли сделать. И просили, что и свёкор на войне погиб, и муж мой в то время в армии был. На 3 года забрали (это был 1955 год). Отобрали и всё. Увезли в колхоз на ферму. Ой, а ещё ведь что было. За горсть зерна, за повеслю льну сажали в колонию. Сколько баб посадили! Вот и в деревне была такая баба, валявка несусветная, неохота было работать-то. Вот весь день и стояла в дверях, следила за бабам-то. А они украдкой положат льну за пазуху, пойдут домой, а она в дверях-то их и обшаривала. Вот ведь! И доносила. И всё. Посадят бабу. По году сидели. А одна попалась также вот. Дак у девки этой родня была: мужик такой, всю жизнь в «запирках» (начальник) был. Вот и отхлопотал её. Да, которые бабы за горсть зерна сидели. Положат в карманы, хоть робятишкам каши сварить, а их и поймают. Да что было! А тут вот на бурашной сеяли рожь. Да такой урожай хороший был, уродилось. А дороги плохие, грязь, да от деревни за 25 км. и никак не смогли вывезти это зерно. Дак председателя на 10 годов посадили. И на лесохиме пришлось поработать. А ведь не то, что иди, не отпускали. Заявления надо написать в колхоз. Дак пока решат. Отпустить али нет. Глядят, какая семья. Если большая, а было, ведь и по 8 родятишек. Ну, видят, что тут копейка нужна - путь идет, поработает. Бывало, и не отпускали.

Черцова Анна Алексеевна, 1924 г.р.

д. Халабурдиха:

«Круглый год народ в работе, только зимой время было свободного побольше, поля убраны, урожай прибран. Вот тогда-то и собирались девки и ребята на беседки. Но для этого надо было откупить избу. Просили у одинокой бабы, чтобы пустила в дом, на беседки. Договаривались и платили «кортому» - меру картошки (пуд), была такая мера, называли «малёнкой». «Малёнка» - это маленькая кадочка. Огород сажали и то меряли малёнками. На беседках сидели с лучиной. Щипали ровное берёзовое полено, сушили на печи, чтобы сухая была, загорала сразу. По очереди свитили. Были такие светильники – это такая дощечка с углублением как теперешиная ванночка, называлась лоханка, в середине которой была воткнута железяшка, похожая на рогатку. В рогатку вставлялась лучина, а в лоханку была налита вода, что если вдруг упадёт уголёк, дак чтоб сразу затух, а то не дай Бог пожару наделаешь. Ребята на гармошках играли, на балалайках. Песни пели, а плясали как, а дробили как! «Елецкого», «русского», «сударушку», песни пели продольные, а робята «сорманского». Ведь у девок свои песни, а у ребят свои. Пели «Уродилася я, как в саду былинка», «Комарики, комарочки мои», «Мы у ветки стояли с тобой». Как-то раз на беседках, одна бойкая девка-певунья спела частушку:

И пшеницу за границу,

И картошку на вино

А голодного крестьянина

Послали на кино

И кто-то на неё донёс. Чем-то не понравилась частушка. Ночью за ней пришли. Увезли. И больше её никогда никто в наших местах не видел. Куда подевалась девка, никто не знал. Стало страшно. Да ещё ко всему стали слышать в лесах какую-то пальбу, и часто. Потом из домов стала пропадать еда, из голбцев картошка. Стали видеть каких-то мужиков, их называли «беглые». Вот от них-то и узнали, что в здешних местах стоят лагеря для заключённых»

Торзатского сельского совета располагался Унжлаг - лагерь, где отбывали свой срок заключённые по разным статьям. Было тут и два женских лагеря, а всего их было 19. Была построена «узкоколейка» - железная дорога, по которой вывозился лес. Много было выпилено в этих местах руками осуждённых, леса. Пилили ручной пилой-поперешкой.

К примеру, лагерь № 11 расположен в 25 км. от Тимошина, представлял собой обыкновенные бараки, сколоченные из досок. На территории каждого лагеря была построена конюшня, ферма, содержались коровы и лошади для нужд лагеря. Помимо работ на заготовке леса, уходом за скотиной, занимались и сенокосом. Имелись и хозяйственные постройки и бытовые: кухня, баня. Был построен клуб, где обязательно отмечались все красные даты календаря: 22 апреля, 7 ноября, 1 мая. Силами заключенных устраивались концерты. Было много талантливых людей. Говорят, что здесь, в этих глухих лесах отбывала свой срок знаменитая артистка Лидия Русланова. До сих пор в этих лесах, ещё можно встретить яркие цветы гвоздики, посаженные женщинами-заключёнными. Много было талантов: играли на гармошке, баяне, звонкие красивые голоса пели песни и весёлые и грустные, стараясь заглушить на время тоску и боль. Пели песни и о любви.

После освобождения из лагерей, многие остались работать в колхозе. Жили в д. Высокая. Обзавелись семьями, но на своей Родине, ни один из них так и не побывал. Видимо боялись расправы. Некоторые свой век доживали здесь, а некоторых забирали к себе дети.

Один день в лагере «Унжлаг»

Рабочий день начинался в 6 утра, а если идти далеко, вставали в 4 утра. Завтрак состоял из баланды и 600 грамм хлеба. Но 600 граммов хлеба, мороженую картошку, крупу давали тем, кто выполнял норму заготовки дров 5-7 кубометров (топором, «поперешкой»). Если не выполняли норму, хлеба давали 400 гр., а если не выполняли норму несколько раз, за это сажали в изолятор, где всю ночь надо стоять на ногах, а утром опять на работу. Ослабевшие от голода и тяжелой работы, люди ели липовые листья. Ходили, взявшись за руки, опираясь друг на друга, так было велено, чтобы не сбежали. Рабочий день заканчивался в 6 вечера. Всех заключенных пересчитывали до и после работы. Лагерь был окружен вышками с часовыми и колючей проволокой. Смертность заключенных была высокая. Ежедневно. Повсюду, где ступала нога подневольного человека, эти места отмечены тысячами безымянных могил, жертв тех лихих времён с момента, когда заключённые Унжлага срубили здесь последнее дерево. Прошло 49 лет. Природа быстро залечивает свои раны. Сейчас тут мало что напоминает о былых временах, лишь местами, среди кустарника можно увидеть сталь рельсов узкоколейки. Память об Унжлаге оказалась размытой и неустойчивой: публикации куда-то исчезли, почти все свидетели: узники и охранники (их называли «стрелки») тихо ушли из этой жизни, оставив поле догадок и мифов, только ученики Тимошинской школы год за годом собирали воспоминания и составляли подробную карту Унжлага. Казалось, что пройдет ещё несколько лет и Унжлаг окончательно растворится в историческом потоке, а постоянно меняющаяся и ускоряющаяся реальность не оставит нам возможности хотя бы на минуту остановиться и вспомнить о том, что всё это не кошмарный сон и не дела давно минувших дней, а жестокая действительность и что тысячи безвестных могил и невинных душ вопиют о покое и поминовении.

30 августа, через 70 лет, с той поры, когда в руках заключенных Унжлага во всю мощь застучали топоры и засвистели пилы, спустя почти полвека с момента закрытия лагеря в Макарьевском районе, за Унжей, на лесной поляне между Комсомолкой и Тимошиным вознесся поклонный крест – первый в наших краях памятник событиям тех лет.

Крест сделан из рельс заброшенной узкоколейки, соединявшей лагеря. Из этих же рельс сделаны ограждения. Крест сработан рабочими Макарьевского деревообрабатывающего завода.

Закончилась война. Многие не вернулись с фронтов. В семье Куропалкиных Лукерья Васильевна и Алексей Иванович с войны не пришли 5 сыновей и зять. В память погибшим воинам в центре с. Тимошино был установлен обелиск, где высечены имена всех погибших. Но жизнь продолжалась.

*Корсаков Виталий Иванович, 1930 года рождения
д. Халабурдиха:*

«В колхозе население было занято круглый год только в животноводстве. В полеводстве люди работали с весны до осени. Вот тогда-то и появились лесные посёлки «Лесохимы». На лесохимах были и кадровые рабочие и сезонные по сбору живицы.

Мужики уходили на жгонку в конце октября. Работали в Башкирии, старались заработать для семьи денег, привозили подарки: жёнам отрезки на платье, красивые платки, ребятишкам тоже какую-то обнову справляли, привозили и сладости. Тяжёлой ношей для народа был государственный заём. Заставляли подписываться на сумму до 1 000 рублей, а потом эти деньги высчитывали из небольшой зарпалаты, говорили на восстановление народного хозяйства».

Люди ходили в лес, собирали грибы, ягоды, и сдавали все это за небольшие деньги. В эти годы, конец 50-х, много народу уехало из деревни в Московскую, Челябинскую, Ростовскую, Курганскую области. Дома опустели, деревня осиротела. С 1965 года жизнь в колхозе стала налаживаться, поступала новая техника, увеличилась заработная плата, у людей появилась надежда и уверенность в завтрашнем дне. После работы можно было отдохнуть, в клубе устраивались концерты, постановки.

*Кочнев Александр Михайлович, 1949 г.р.,
д. Карьково:*

«Кинемехаником начал работать с 1966 года. Народу в деревнях было много, показывали и детские сеансы и взрослые. Показывали кино и в близлежащих деревнях: Кукуй, Раздолье. Экран (белое полотно) развешивали прямо на улице и крутили кино, свету ведь не было, работал от движка. Плата за сеанс была такая: взрослые должны принести 4 яйца, дети одно. У кого были деньги, платили ими. Потом эти яйца сдавал в сельпо. Вот такая была жизнь. Но было интересно, весело, хотелось работать, понимая, что твой труд нужен людям. Позднее стали продавать билеты. Взрослый – 20 коп, детский – 5 коп».

*Корсакова Валентина Михайловна, 1939 г.р.,
д. Халабурдиха:*

«Работали, но и на отдых время находили. До середины 60-х годов широко и весело отмечали престольный деревенский праздник «Вознесенье». Со всех концов, изо всех деревень в каждый дом приезжали гости. Матки целый год «паслись» (готовились) к этому дню. Запасали продукты, варили кисели, пекли пироги, пиво варили, закупали сладости. Шились нарядные крепдешиновые платья, покупали мужские рубашки и ребятишкам шились обновы. Праздник наступал. В каждом доме гармошка играла, окошки настезь, поют песни, частушки, пляшут. Потом выходят на улицу. Вот идут одна партия с одного конца деревни с гармошкой да с песнями, а другая – с другого. Бывало «по 3 вятки» от порядка до порядка во всю ширину улицы идут, взявшись под ручку. В середине деревни сходятся, начинается пляска. А из ближних домов вынесут скамейки, сядут и любуются на народ. Всем было весело, потом начнут хороводы водить, по 3 круга бывало заводя и поют и пляшут. Гуляют по 3 дня. Это правило. Первый день гуляют в одном доме. На второй день идут «по гостям» в другой дом. А на третий день опять гулянье. Потом, когда в других деревнях подходит праздник, идут туда «отгуливать».

*Куропалкина Анна Алексеевна, 1931 г.р.,
д. Халабурдиха:*

«Пива наваривалось много, было оно хмельное. А делали его так. Ставили в печь корчагу с солодом: муку заваривали, клали красной сушеной свеклы, клали «колокольчиков» (головки отолы), чтобы цвет у пива был темно-красный. Корчагу ставили на сутки. Утром корчагу ставили на доску с желобом в наклон, со дна оттыкали пробку. Сначала побежит сусло. Потом наливают кипяченой воды, и пусть бежит до тех пор, пока вся краснота не сбежит. Это пиво. Корчага большая, полтора ведра. Каждые хозяева делали пиво сами. А за продуктами, если был «непрохват», ездила в Горький хозяйка, потому что хозяйка знает всё. Чего брать и сколько, чтобы весь стол был уставлен едой. А к столу относились очень бережно. По столу нельзя было бить кулаком, стучать ложками, вставать на стол. Это все знали с малолетства. Говорили, что «боженька палочкой накажет – стукнет». Нельзя разбивать о стол вареное яйцо – курицы не будут нестись. Стол обязательно для обеда и ужина накрывали скатертью. На голый стол ничего нельзя ложить. Столешница всегда должна быть чистой».

*Галина Фёдоровна Толмакова, 1923 г.р.,
д. Халабурдиха:*

«Стол святой. За стол можно только одним пальчиком держаться, да сохрани Бог локти поставить на стол, обе руки положить. Нельзя. Грех. За стол двумя пальчиками может подержаться только беременная баба. Ей тяжело. Ей можно. Её Бог простит. Скатерть на столе всегда должна быть чистая. Это обязательно. Еще был такой обычай: когда невеста идет к венцу, уходит из родительского дома, она должна потянуть за собой скатерть. Подружки ей наказывают: ты хоть смотри не забудь, попотяни скатерть-ту со стола, чтобы и я за тобой следом пошла, чтобы тоже замуж вышла. И невеста всегда желания подружек исполняла. А если когда ребеночек захворает, из сундука доставали чистую скатерть и завертывали ребеночка в нее, считалось, что выздоровеет, быстрее поправится».

Прошли годы. Многое изменилось. В 1932 – образован первый колхоз «Свет» в д. Халабурдиха, в 1947 – появилось первое радио-тарелка, в 1954 – построен клуб с избой-читальней, в 1956 г. на территории сельского совета образовалось 4 колхоза: «им. Ленина», «Новая жизнь», «им. Калинина», «Красное раздолье», в 1959 произошло слияние всех колхозов в один «им. Ленина», в 1960 открыто воздушное сообщение Тимошино-Макарьев-Кострома, в 1990 г. построен дом культуры, в 1996 г. завершено строительство гравийной дороги Макарьев-Халабурдиха.

На территории Тимошинского сельского поселения было 14 деревень. Сейчас осталось 4: Тимошино, Халабурдиха, Нестерово, Карьково, где проживает около 400 человек. Деревня, родная деревня. На колени поставила тебя война и добила перестройка. За годы реформ

постепенно нарушался быт и уклад деревенской жизни, утрачивалась связь поколений. Бурьян да кустарник, которым зарастают некогда пахотные земли, где колосилась рожь, овес, ячмень, весело улыбались голубые головки льна и теперь они как - бы призывают к нам, к русским людям: не дайте пустовать крестьянским избам, не дайте стереть с лица земли и эти ещё оставшиеся немногочисленные деревни. Или и впредь земле этой быть в запустении?

В деревнях Кукуй 1 и Кукуй 2 не осталось ни одного жителя, а расположены они были в 5 км от Халабурдихи. Стерты с лица земли 2 деревни: Высокая 1 и Высокая 2, и что ждет ещё существующие, но уже малочисленные деревни.

Верится с трудом, что придет время, - и вновь оживет деревня. Очень хотелось бы, чтобы так оно и было.

«ИСТОРИЯ СЕЛА ВАСИЛЁВО КОСТРОМСКОГО РАЙОНА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ»

Костромской муниципальный район

Работу выполнила: директор Василёвского СДК
Н.Г.Мустафаева

2010 г.

Известно, что Василёво и окрестные деревни расположены в бывшем Андобском стане. Тут проходил старинный торговый тракт из Судиславля в Любим. Из материалов книги Д.Ф. Белорукова «Деревни, сёла и города Костромского края (Кострома 2000 г.) известно, что деревня *Абабково* с деревнями *Пестрюнино*, *Бабиково*, *Боярково*, *Степаново*, *Прудници*, *Зайково*, *Рамешки*, *Еремейцево*, *Дымково*, *Феклино* в 1858г. принадлежала А.А.Лопухину. Центр этой вотчины был в сельце *Литвиново*, в котором стояла усадьба Лопухина.

Деревня *Бурнаково* с деревнями *Запрудня*, *Катьково*, *Ульянино* в середине 18 в., принадлежала В.А.Кругликову, служившему управляющим заводами в Сибири. По наследству деревни перешли к майору П.И.Жураковскому, предок которого в 1573 году выехал из Польши на русскую военную службу и получил земли в Галичском уезде.

В 1816 году *Бурнаково* с деревнями *Овечкино*, *Запрудня*, *Катькино*, *Ульянино* и сельцо *Давыдково* (центр вотчины) у вдовы Жураковского купила А.И.Пушкина (уроженка Молчанова), жена Александра Юрьевича Пушкина, служившего судьёй в Костроме и приходившегося дядей великому поэту. После женитьбы на А.И.Молчановой А.Ю.Пушкин переезжает в Кострому, и от него пошёл «костромской род Пушкиных».

Перед 1917 годом сельцом *Давыдково* с деревнями владел внук А.Ю.Пушкина Лев Львович Пушкин.

Деревня *Василёво* с деревнями *Веретенниково*, *Никольское*, *Котово* в начале 19 в. принадлежала князю И.И.Шаховскому, а от него по наследству перешло к С.В.Львовой, урождённой Карцевой.

Деревня *Городищи* в 1622 г. принадлежала боярскому сыну М.Сеченову, предку основоположника русской физиологии академика И.В.Сеченова.

Деревня *Еремейцево* в 1670 г. принадлежала И. Н. Бартеневу, затем его сыну А.И.Бартеневу – участнику войны 1812 года, награждённому за сражение под Пустерлицем за храбрость золотым оружием.

Село *Кишино* было в вотчине Троице-Сергиева монастыря и считалось монастырским сельцом.

Деревня *Столбово* в 1679 г. дана князю Ф.Я.Борятинскому.

В 1718 г. *Столбово* с усадьбой *Озерки* и деревнями *Воротилово* *Константиново*, *Клоково* перешли к Катенину. Катенины – коренные чухломичи, из рода которых был и поэт П.А.Катенин.

Сухоруково, *Кишино*, *Богородское* и другие были пожалованы правительством Троице-Сергиеву монастырю.

Село, *Бураки* было погостом, на котором стояло две церкви. В 1628 г. земля здесь принадлежала костромскому боярскому сыну М.Ф.Шахову. Вблизи стояли усадьбы *Давыдково* и *Чупрятки*, а также деревни *Ульянино* и *Иванищево*, принадлежавшие Пушкиным.

После Октябрьской социалистической революции (1918 – 1922гг.) территория Костромской губернии значительно сократилась: часть её перешла в Иваново-Вознесенскую и Нижегородскую губернии. Существенные изменения в административном делении Костромской губернии внесло постановление Президиума ВЦИК от 24 октября 1923 года «О перегруппировке и сокращении числа волостей Костромской губернии»: в целом число

волостей сократилось со 137 до 62 (Костромская область. Административно-территориальное деление на 1.01. 1981г. /В-ВКИ, Ярославль, 1983г.).

По «Спискам населенных мест по Костромской губернии» вып.1 Костромского Губернского Статистического Бюро за 1925 год в Котовском сельском поселении было 3 сельских совета:

Сухоруковский, Софьинский, Стёпановский.

В Сухоруковском сельском совете числилось 14 населенных пунктов:

Д. Белые, д. Бритоусово, д. Горки, д. Дамшино, д. Завражье, д. Кстово, д. Кулаково, д. Повернихино, д.Родниково, д. Степково, с. Сухоруково, д. Сухоруково, д. Харино, д. Черемуховица.

В Софинском сельском совете-14 населенных пунктов:

Д. Абабково, д.Боришха, д. Веретенниково, д. Городище, ус. Дор, д. Козлово, д. Кошелево, м-ца. Лопатиха, д.Лызлорво, д. Песо, д. Погорелки, д. Починниково, д. Софьино, д. Ульянино.

Самым многочисленным был **Стёпановский** сельский совет, который насчитывал 20 сельских населенных пунктов:

Д.Бурнаково, д. Бутырки, ус. Василёво, ус. Давыдково, д. Зайково, д. Запрудня, м-ца Титиха, д. Катково, д. Котово, сельцо Неверки, ус. Неверки, д. Новосёлки, д. Овечкино, д. Подойново, д. Рамешки, д. Самарганово, с. Спас-Бураки, д. Степаново, д. Столбово, хут. Яшкино.

В 1929 году вместо губернского деления было введено районирование. Костромская губерния вошла в состав Ивановской промышленной области.

В состав Костромского района из Костромского уезда вошли: Шунгенская, Башутинская, Ильинская, Мисковская, Бычихинская волости полностью, из Андреевской волости - Санднгорский и Фоминский с/с, из Шишинской волости – Бедринский сельский совет, из Гридинской волости - Давыдовский, Минский, Мусульманский, Першутинский, Сумароковский и Боровиковский с/с, из Белореченской волости- Ряполовский с/с.

В 1929 году Сухоруковский с/с из Андреевской волости Костромского уезда (ныне Котовский с/с) вошел в состав Молвитинского района.

14 января 1929 года ВЦИК приняли постановление, по которому с 1 октября была образована Иваново-Вознесенская область, в состав которой вошли Иваново-Вознесенская, Ярославская, Костромская губернии.

В 1936 году Ивановская промышленная область разделилась на Ивановскую и Ярославскую области. В число районов Ярославской области вошли среди других Молвитинский и Костромской районы.

В 1944 году была образована Костромская область.

В 50-60 е годы произошли изменения границ районов и сельсоветов внутри области.

В 1954 году были укрупнены сельские советы Сусанинского района (Молвитинского района):

1. Котовский (Степановский, Софьинский, Сухорукровский)
2. Кузнецовский (Кузнецовский, Ряполовский)

С 2 апреля 1959 года населенные пункты были переданы в состав:

Кузнецовского с/с – Иванитево, Константиново, Улькино, Шихарлино, Мотово, Бычиха, Шелково, училище механизации;

Котовского с/с - Веретенниково, Городище, Козлово, Лызлово, Абабково, Борисиха, Починниково, Еремейцево, Ульянено.

В 1964 году в состав сельсоветов Костромского района вошел и Котовский с/с.

Никто не помнит, почему так называются деревни в нашем крае. Можно только предположить, например, что деревня Запрудня расположена за прудом.

Наряду с географическими названиями нашей местности, существует множество названий мест, известных старожилам края. Вот некоторые из них:

«Велья гора» - очень крутая гора за деревней Повернихино, «Голодная шишка» - поле вблизи деревни Бритоусово, «Дор» - лесок за деревней Козлово (до революции, там была помещечья усадьба), «Коги» - болото за рекой Мезой, «Кошачий берег» - нижняя часть деревни Харино,

«Маковица» - лесок, находящийся посреди поля у деревни Козлово, речка «Мышка-маленькая» речушка, протекающая от деревни Сухоруково к деревне Самарганово, «Новинское поле» - поле на месте бывшей деревне Новино, «Осочельный овраг» - находится по дороге из Василево в Спас_Бураки, «Парыга» - овраг недалеко от деревни Харино.

В конце 20-х - начале 30-х годов в нашем крае было организовано 4 колхоза:

«**Новая жизнь**» (д. д.: Сухоруково, Котово, Горки);

«**Восход**» (д. д.: Котово, Столбово, Подольново);

колхоз **имени В.Чкалова** (д.д.:Козлово, Лызлово, Веретенниково, Погорелки);

колхоз **имени Кирова** (д.д.:Степаново, Самарганово, с.Спас-Бураки, Софино, Кошелево, Бурнаково).

В 1954 году эти колхозы объединились в крупный **колхоз имени М. Горького**, председателем которого был Марышев Николай Сергеевич. В 1965 году был образован **колхоз «Горьковский»**, директорами которого были Коченок Владимир Петрович, затем Кутейников Борис Павлович. В это время были построены многоквартирные дома, животноводческий комплекс «СПК Василёво».

В 1954 году был образован Котовский сельский совет, председателем которого стал **Чистяков Алексей Алексеевич**.

На территории нашего края было расположено более 40 деревень, многие из которых сейчас уже «раскатились по бревнышку»: *Новоселки, Кошелево, Кулаково, Бутырки, Новино* и другие.

В населенных пунктах, по сведениям Костромского губернского статистического бюро, на 1 января 1924 года проживало четыре тысячи четыреста пятьдесят девять человек.

Население в деревнях было многочисленным. Работало пять школ (*Городищенская восьмилетняя, Сухоруковская начальная, Никольская начальная, Сухоруковская восьмилетняя, Спас-Буракивская начальная*); 3 библиотеки (*Котовская, Городищенская, Сухоруковская*); 4 клуба (*Котовский, Городищенский, Спас-Бураковский, Сухоруковский*). Семьи были большие по 5-7 детей, а то больше.

Например, старожилками в Василеве является семья **Кузьмы Павловича** (14.11.1916-29.05.1999 года) и **Зинаиды Николаевны** (05.10.1918-18.04.2001 года) **Веселовых**. Здесь жили и работали их родители, они сами, живут их сыновья Александр, Анатолий, Николай, внуки Сергей, Александр, Алексей, Михаил, Дмитрий, Николай, Ольга, Елена.

В наших местах наиболее часто встречаются такие фамилии, как: Александровы, Алексеевы, Ивановы, Ореховы, Радионовы, Румянцевы, Смирновы, Смоляниновы, Чистяковы.

Сегодня поселок Василево Костромского района является центром Котовского сельского поселения. (Первые сведения о селце Василево мы нашли в «Списке населенных пунктов» от 1877 года. «Село Василево расположено на реке Ворше, расстояние от уездного города 34 версты, число дворов - 10 , число мужчин-27 , число женщин-30»).

Посёлок стоит на возвышенном месте, и когда едешь из Костромы, открывается живописный вид с горы. За старинным липовым парком просматривается трехэтажное белое здание дома культуры, Василевской средней школы, а дальше ряды улиц, вдали у самого леса расположен животноводческий комплекс СПК «Василёво».

К Котовскому сельскому поселению относится сегодня 27 населенных пунктов, в которых проживают 695 жителей. Среди них люди, которые своим трудом прославили наш край.

В здешних местах сохранилось несколько памятников архитектуры.

Усадьба Василево, представляющая комплекс с кирпичным главным домом, выстроенным в середине 19 века (1844 году), хозяйственные постройки и парк. **Усадьба Василево** – одна из немногих в Костромском районе пережила разгром имений после революции 1917 года, сохранившаяся до наших дней, она представляет собой комплекс жилых, хозяйственных построек (сер. XIX века), также усадебный парк.

В 18 веке она принадлежала дворянам Жураковским, в начале 19 века ее приобрел Николай Иванович Шаховской, двоюродный брат Александра Александровича Шаховского, известного драматурга и любителя театра, современника А.С.Пушкина. В дальнейшем усадьба по наследству переходила князьям Шаховским. В начале 20 века усадебный комплекс использовался как уездная Земская больница. Подробно об этом написано в книге «Костромской район: вехи истории» (Кострома, 2003 г.).

Позже дом был передан колхозной конторе, которая занимала первый этаж. На 2 и 3 этажах располагались жилые квартиры. В 1979 году после серьезной реконструкции в здании расположился сельский дом культуры с библиотекой и кинозалом. Там, где были конюшни, в настоящее время находятся тракторные мастерские. Во флигеле, где жила прислуга, в наше время была общественная баня (помещение не сохранилось). В настоящее время в здании усадьбы располагается администрация Котовского сельского поселения.

На реке Мезе находилась усадьба **Давыдково**, где жили Костромские родственники великого поэта А.С.Пушкина. Имение включало в себя пять деревень: Бурнаково, Овечкино, Запрудня, Катьково, Ульянино. В имении был большой господский дом и дававший хороший доход винокуренный завод. На реке Мезе была мельница. Усадьбу приобрел А.Ю. Пушкин - двоюродный дядя поэта. Затем она по наследству перешла его сыну Льву Александровичу Пушкину. С 1896 года здесь постоянно жил внук Александра Юрьевича Лев Львович Пушкин, который с 1901 года по 1910 года занимал должность земского начальника в Костромском уезде.

(А.А. Григоров История Костромского дворянства. Кострома 1993 г.).

От прежней усадьбы остался огромный кедр, серебристый тополь, липы, кусты сирени, две лиственницы и заросший пруд. В настоящее время на территории усадьбы находится хозяйство Александра Михайловича Бурлуцкого, который поддерживает и восстанавливает парк и пруд.

Одним из лучших сельских храмов в стиле классицизма на территории Костромской области является **храмовый комплекс: церкви Спаса - Преображения** (конец XVIII – начала XIX веков). Расположен храм на возвышенном месте на краю села. Согласно надписи на внутренней западной стороне храма, церковь «сооружена на средства прихожан под присмотром боярина Жураковского».

Церковь Богородице-Казанская

Церковь Преображенская Фото 1999 г.

С 1628 года упоминается **Храм Преображения господня в селе Буракове**. В 17-18 веках здесь находился традиционный ансамбль из двух деревянных церквей. Одна из них Спасская, поэтому и погост называли Спас-Бураки. В 70-е годы 19 в. взамен деревянной построили

каменную одноглавую церковь в честь Казанской иконы Божией Матери с трехъярусной колокольней. Храмы в Спас-Бураках никогда в советское время не закрывались.

В селе Сухоруково, которое было когда-то центром вотчины Троице-Сергиева монастыря, находится еще один памятник архитектуры - **церковь Николая Чудотворца**. Каменный пятиглавый храм с четырех - ярусной колокольней был построен в 3 четверти 18 века. С тремя престолами в честь Благовещения Пресвятой Богородицы, во имя святого Николая, во имя престола Сергия Радонежского.

В конце 19 века при церкви была открыта небольшая приходская богадельня. Храм был закрыт в 1935 году, часть икон перевезли в Спасскую церковь (Спас-Бураки), а остальные в другие церкви. Некоторое время в церкви находился зерновой склад. В настоящее время храм в Сухорукове стоит заброшенным, возле него погост.

Когда-то в здешних местах добывали железную руду, которая залежала в болотистых местах в поймах речек в бассейне реки Андобы. Её копали, промывали и плавил в горнах, а потом проковывали. Из болотного железа делали оружие и орудия труда.

Местные жители занимались хлебопашеством, в лесу добывали деготь, смолу, выжигали уголь, мастерили посуду.

В д. *Запрудня* делали из дерева лохани, ушаты, бадьи и квасницы, бочки кадки, плели корзины из драни; в д. *Харино* плели кружева; в деревнях *Котово, Самарганово, Софьино* плели изделия из корней сосны (они назывались «кореновками»); в деревнях *Степково, Горки* было развито катально-валяльное ремесло.

Село Сухоруково, находящееся в 4-х км от Василёва располагалось в бывшем Андобском стане, который ещё в 15 в. Славился добычей железной руды. Болотная железная руда залежала в болотистых местах, в поймах речек, бассейне реки Андобы. Её копали, промывали и плавил в примитивных дурых горнах, а потом проковывали. Из железа делали оружие и хозяйственные инструменты.

Изделия, производимые нашими местными мастерами, так же, как и изделия сельхозпродуктов вывозились на базары в Кострому и торговые села Молвитино и Буюково, которые находились в 20-25 верстах от нас.

К сожалению, мастеров осталось очень мало: 2 мастера занимаются плетением корзин - это Кочетов Валентин и Платонов Михаил Иванович, а также мастерицы, которые занимаются традиционным женским рукоделием – вышивают крестом, шьют, вяжут на спицах и крючком.

Раньше в деревнях были престольные праздники.

По воспоминаниям старожил, в деревнях Сухоруково, Харино, Черемовица, Горки, Степково **8 октября праздновали Сергиев день**; в деревнях Козлово, Ульянино, Веретенниково, Лызлово, Степанове, Спас-Бураки - **18 августа отмечали Спасов день**; в деревнях Столбово, Подольново, Котово праздновался **Зимний Никола**. На праздник приглашали всю многочисленную родню, угощали традиционными блюдами: тушеной картошкой с мясом, киселем, студнем, пирогами с различными начинками. После застолья устраивали веселье, ходили с гармошкой вдоль деревни с плясками.

В настоящее время появилась новая традиция – 6 июня отмечать Пушкинский праздник (ежегодно с 1999 г.).

На поляне старинного парка с вековыми липами и елями собираются краеведы, писатели, поэты, артисты, художники, студенты и школьники, жители Василёво и окрестных деревень. Частым гостем Пушкинского праздника является внучатый праправнук Александра Юрьевича Пушкина - двоюродного дядя великого поэта - Петр Сергеевич Пушкин. Звучат стихи и романсы на стихи А.С.Пушкина.

6 октября 2003 года в помещении Василевской сельской библиотеки открылся музей «Костромские Пушкины», в котором представлены фотографии и документы, связанные с родом Пушкиных, а так же книги о жизни и творчестве великого поэта. А еще в музее находится «Уголок народного быта», где представлены предметы старины, собранные у населения деревень.

В годы Великой Отечественной войны земляки встали на защиту нашей Родины. Они защищали Ленинград, участвовали в битве за Москву, дрались под Сталинградом, Харьковом, на Курской дуге.

Мы гордимся их боевыми подвигами. Все мы в неоплатном долгу перед ними, и бережно храним, светлую память о 416-ти наших земляках, не вернувшихся с фронта.

Среди них Герой Советского Союза **Павел Иванович Ершов** - уроженец деревни Повернихино Котовского сельского совета, который отличился в битве за Днепр (главная улица нашего поселения носит его имя). Полным Кавалером «Ордена славы» вернулся домой **Михаил Андреевич Максимов** - уроженец деревни Повернихино Котовского сельского совета. Ветеран войны **Яковлев Николай Иванович** (1920-1994года) - уроженец деревни Котово был участником Сталинградской битвы, был на Калининском фронте, награжден орденом Красной звезды, медалями «За отвагу», «За победу над Германией», «За оборону Сталинграда», «За взятие Кенигсберга». **Калинин Александр Иванович** (1923-2002года), уроженец деревни Манакосово, награжден орденом Отечественной войны, медалью «За победу над Германией». **Ловушкин Иван Васильевич** (1923-2000года), уроженец деревни Подольново награжден орденом Отечественной войны 2 степени, медалью «За отвагу 2 степени». **Кулипанова Мария Семёновна** (1921г.р.) Она была направлена на трудовой фронт, на «Красный Профинтерн» (крахмалопаточный завод). После войны вернулась в родной колхоз. Была награждена медалью «За оборону Ленинграда» (Книга воинской славы Костромского района 75-78 стр. Кострома, 2003 г.). Всю сознательную жизнь проработала дояркой **Камнева Надежда Васильевна**. За свои трудовые заслуги она была награждена орденом «Знак почета». Медалью «За преобразование Нечерноземья» был награжден бригадир полеводческой бригады **Веселов Николай Александрович**(1931год). Братья **Николай Кузьмич** (1951г.р.) и **Анатолий Кузьмич Веселовы** (1956 г.р.) – механизаторы оба они настоящие универсалы в сельском хозяйстве. Весной пашут, летом заготавливают сено, в жатву садятся на комбайн и убирают урожай. Оба за свои заслуги награждены почетными грамотами и званием «Ударник коммунистического труда», являются Ветеранами труда Костромской области. В 1974 году приехала к нам в Василево **Сабурова Александра Павловна**. Сначала она работала бухгалтером, потом главным бухгалтером хозяйства. А в 1996 году её выдвинули на должность директора совхоза «Горьковский». Под её руководством хозяйство достигло больших результатов и в животноводстве и в растениеводстве. Она была награждена почетными грамотами района и области. Александра Павловна была депутатом районного собрания депутатов. За достигнутые успехи она награждена медалью «За вклад в развитие агропромышленного комплекса России».

В Василевской средней школе работают замечательные учителя. Среди них есть ветераны труда: Печурина Галина Николаевна (1957г.р.), Злобина Надежда Ивановна(1954г.р.), Печурин Константин Вячеславович (1961г.р.), Галочкина Людмила Александровна (1950г.р.), Чистякова Любовь Геннадиевна (1947г.р.). В фельдшерском - акушерском пункте работают наши уважаемые медики. Здесь работает ветеран труда - **Неволина Валентина Васильевна** (1946г.р.), которая всегда придёт на помощь. Глава Котовского сельского поселения **Ковырнева Галина Михайловна** работает на этой должности уже не первый год. Это грамотный руководитель, добрый и чуткий человек, замечательная мама и хозяйка. Она также носит почётное звание ветерана труда.

Ветераны войны и труда у памятника воинам - односельчанам, погибшим во время Великой Отечественной войны 1941 -1945гг. Фото 2007 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.

Альбом «Дела и люди нашего хозяйства» из фонда библиотеки
Альбом «Наш край» из фонда библиотеки
Белоруков Д.Ф. Деревни, сёла и города Костромского края. /Кострома, 2000г.
Григорьев А.А. Из истории Костромского дворянства/Кострома, 1993г.
Костромской район вехи истории, Кострома 2003г.
Книга воинской славы Костромского района. Кострома.

Материалы из истории Костромского района. РОМЦ 1995г.
Списки населенных мест по Костромской губернии. /Кострома, 1925г.
Костромская область, административно-территориальное деление на 1.01.1981г./Ярославль,
ВВИ, 1983год.

СПИСОК ИНФОРМАТОРОВ

- 1.Федорова Анна Ивановна (1925 – 2010 г.г. д. Ульянино, запись 1980 г.).
- 2.Кожина Анна Афанасьевна (1925 г.р. д. Подольново, запись 1985 г.).
- 3.Кулипанова Мария Семеновна (1921 г.р. п. Василёво, запись 1990 г.).

Глава II «МОЙ РОД, МОЯ СЕМЬЯ»

Красносельская ЦБС
Сидоровская сельская библиотека

«НАСЛЕДСТВО»

(рассказ о семье Рыбиных – Кордюковых)

Кордюкова Галина Михайловна
с. Сидоровское Красносельского района
Запись Аладьной Надеждой Алфеевной

2009 г.

У моего прадеда Андрея был сын и три дочери. Жили они в д. Веняха, что в километре от Сидоровского. Хозяйство было большое, крепкое. Одна дочь была выдана замуж в Рыбинск за мещанина, другая - за довольно богатого человека в с. Красное. Единственный его сын, мой дед со стороны мамы Рыбин Иван Андреевич 1850 г. рождения, женился на девушке из Плеса – Анне. Вскоре молодая семья приобрела дом в с. Сидоровское на берегу реки Шачи. Прожили вместе они совсем недолго. Анна умерла от простуды, оставив вдовцу троих детей не старше 10 лет: двоих сыновей Павла и Анатолия, и дочь Елизавету.

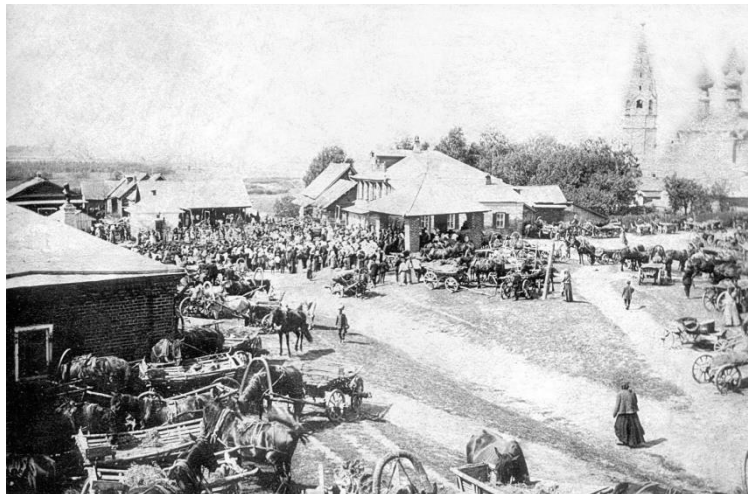

фото 1913 г. ярмарка в центре села

Дед, Иван Андреевич, в это время занимался торговлей, ему помогали в делах мать и сестра. Сам на лошадях ездил за товаром в соседние города. Для работы арендовал помещение – пристройку к чайной, что стояла на площади в центре села. Здесь было всё - от сбруи для лошадей, до ландрина и свечей. Вторую жену, Ольгу, в возрасте 30 лет дед Иван взял из Костромы. Она принадлежала к роду Стригалевых. Когда – то купцы Стригалевы были богаты и знамениты тем, что владели полотняными мануфактурами. Постепенно дела их приходили в упадок, т.к. мужская часть рода в основном проживала за границей, и они окончательно разорились.

Ольга в делах деда была плохой помощницей. Очень робкая, добрая, ласковая. Дети быстро к ней привыкли, очень полюбили и относились как к родной матери. Общих детей у деда Ивана и бабушки Ольги родилось пятеро. Четверо умерло в раннем возрасте. Выжила одна слабенькая болезненная девочка Елена – моя мама 1892 г. рождения.

Ольга Петровна Рыбины (Стригалёва)

Семья деда жила в достатке. Конечно, были и убытки, и неудачи. Бывало товар портился, пока везет: мясо, яблоки и пр. Но играл, чем грешили некоторые купцы. Был очень трудолюбивым, честным. Помогал бабушкиной родне.

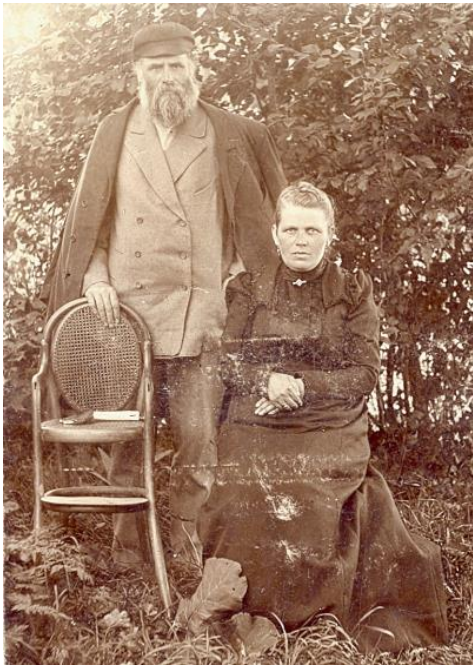

семья Рыбиных:

Иван Андреевич, дети от первого брака – Анатолий, Елизавета, вторая жена Ольга Петровна (Стригалёва) и их дети

Старший сын Павел от первого брака, когда подрос, стал помогать отцу и мог его заменить, когда тот уезжал за товаром. Дочь Лизу выдали замуж за купца Скворцова из Кинешмы.

Сын Анатолий стал горем для семьи. За шкалик спиртного он тащил из лавки деда все, что попадалось под руку. После бесконечных скандалов дед выгнал его из дома. Недолго семья Ивана Андреевича Рыбина жила в покое. Зять его сестры, Огородников из Красного, уговорил Ивана Андреевича объединиться капиталами и купить пароход. Что и было сделано. Рыбин был неопытен в таких делах. Пароход в скором времени сгорел, а Огородников получил страховку и уехал в неизвестном направлении.

*Рыбина Иван Андреевич
и Ольга Петровна*

*Рыбина Ольга Петровна
и её дети: Лена и Петя*

Летом 1914 г. началась 1-ая мировая война. Сына Павла, главного помощника, призвали в армию. Все эти переживания дали о себе знать. Однажды Рыбин Иван Андреевич поехал в Кострому за товаром и там, в гостинице умер. Было ему 65 лет. Это было в 1914 г. К этому времени Рыбины жили в новом доме. Дом этот Иван Андреевич строил как чайную, но она себя не оправдала. В центре села стояла еще одна чайная. И когда в селе проходили базары и приезжали купцы, то пользовались, конечно, центральной чайной.

чайная лавка Рыбина 1913 г.

В доме остались жить вдова Ивана Андреевича Ольга и дочь Елена. Жизнь потихоньку налаживалась. Вернулся со службы Павел. Семья Рыбиных особо не нуждалась, занимались хозяйством, лавка приносила хоть небольшой доход. Павел приглядел ошуструю вдовушку, хозяйку центральной чайной, где он арендовал помещение для торговли, Еригову Александру Иеринарховну и женился.

Надо было разъезжаться, жить своими семьями неожиданно объявился изгнанный дедом Иваном Анатолий, попросил свою долю. Порешили так: денежный капитал достался Лизе Скворцовой (дочери деда от первого брака), дом и все постройки Павлу. Анатолию достался

небольшой домик, который дед сдавал в аренду. (В то время в доме проживал Бардин Николай Иванович, приятель Анатолия. Вот они и договорились. Анатолий отдал дом Бардиным и уехал. Знаю, что он в Гражданскую войну служил в Красной армии, потом жил на Урале и работал на заводе).

Новый дом, построенный под чайную дедом, со скарбом всем достался моей маме Елене и бабушке Ольге. Вот я сейчас в нем доживаю.

Время было беспокойное. По району шли восстания. Начались обыски. В основном искали оружие. И к нам приходили. У нас было много недорогой столовой посуды. Ее забрали вместе с горкой. Правда, потом вернули. А вот у Павла с Шурой отобрали и его магазин, и ее чайную. А делать они больше ничего не умели и на постоянную работу устроиться не могли. У них уже было двое детей Володя и Соня. Володю отправили в с. Яковлевское (ныне Приволжск Ивановской обл.) учеником к ювелиру. Он потом всю жизнь там и работал, был хорошим мастером. Соня немного училась, потом пошла, работать в колхоз. Они и были кормильцами в семье с 10 лет. Наша семья, чем могла, помогала. Дети Володи живут сейчас в Волгореченске, а Соня замуж не вышла. Однажды простудилась и умерла, не дожив до 60 лет.

В селе Красном, недалеко от въезда в гору со стороны Волги, стоял дом деда со стороны отца - Василия Кесаревича Кордюкова, принадлежавший еще его отцу – Кесарю. Внизу, в подвальном помещении была ювелирная мастерская, где работала вся семья, на втором этаже было жилое помещение. По какой-то причине дом сторел. Сильно переволновавшись, жена Василия Кесаревича умерла, будучи беременной. Молодой вдовец, мой дед Василий, женился на смелой и шустрой девице Прасковье Семеновне. Родом она была с Нижней Волги из Мордовии. Прасковья быстро взяла власть в семье в свои руки. Дед оказался, как говорят, “под каблуком”. Дедушка Василий был нравом тихий, богомольный – трапеза и работа с молитвой. Не пил, не курил. Но в праздники в шкафчике стояла рюмочка с водкой, глотнет и занюхает кусочком колбаски.

Елена Ивановна (мама Галины Михайловны) с братом Павлом.

Рядом с бывшим домом выстроили новый дом. Родились детки: первая дочь Анна, сын Александр, дочь Аполлинария, сыновья Иван, Михаил (мой папа), Пимен, дочь Зоя.

Семья занималась ювелирным делом. Работали много от темна до темна, держали хозяйство – корова была всегда. Семья не голодала, но избытка не было. Учиться в одно и то же время больше двоих детей не могли отдать. Все закончили только начальную двухклассную школу, хотя дети все были способные. Дочь Зоя была отличница. Учительница предлагала отдать девочку в гимназию, но денег на учебу в семье не было. Однажды Зоя со своей тетей шли на богомолье. Их застала гроза, ударила молния. Тетя умерла сразу, а Зоя долго болела и рано умерла.

Александр Васильевич был видным, красивым и в жены взял девушку себе под стать - Марию Павловну. В Красном они имели свой дом очень хороший, добротный. Семья у них была большая. Тетя Маша тихая, забитая, натерпелась от характерного муженька. Дядя Саша был неуживчив с соседями, часто менял жилье.

Моя тетя Аполлинария Васильевна вышла замуж без согласия родителей, “самокруткой”. Муж был Тихон Кузнецов – деревенский парень. Вскоре он умер. Тетя Поля осталась с дочерью Анной. Когда Анна подросла, они уехали в Ленинград на заработки. А как началась война, вернулись в Красное. Квартира их была недалеко от рынка. Жили в полуподвальном помещении, а на верхнем этаже до своего отъезда в Плес и жил дядя Саша с семьей. Тетя Поля с Анной работали на ювелирном заводе, имели небольшое хозяйство. Анна была бойкая, трудолюбивая.

Другой мой дядя - Иван Васильевич совсем молодым был призван на службу в 1-ую мировую. Домой не вернулся, видимо, погиб.

Младший из братьев Пимен Васильевич во время 1-ой мировой был совсем юный, потому не служил. В жены взял сироту из зажиточного дома Лидию Сорокину. Пимен привел Лидию в дом родителей, где они и жили всегда. Тетя Лида была маленького роста, кроткая, тихая, богомольная. Ей пришлось ухаживать и за дедушкой, и за бабушкой, и за больной золовкой Зоей, которая пострадала от молнии. Лида рано потеряла здоровье и всю жизнь проработала в “Инвалидке” - цех при ювелирном заводе, где клеили коробки. На дядю Пиму никогда не жаловалась, говорила, что был хорошим честным человеком. Он был призван на фронт в первые месяцы Великой Отечественной Войны и вскоре погиб. С семьей дяди Пимы всегда были близкие родственные связи, очень теплые отношения. Их дети были для меня как родные братья и сестры. Они часто гостили у нас, а я у них.

Старшая дочь Василия Кесаревича, моя тетя Анна Васильевна, была выдана замуж за сидоровского потомственного ювелира Кокуева Дмитрия Павловича еще в царское время. Построили дом недалеко от нашего. Дядя Митя к тому времени уже поучаствовал в войнах царской России. Он был высокий, с гривой темных волос, но говорил невнятно (от ранений ли, от болезни ли), смотрел, как нам казалось, угрюмо из-под нависших бровей, и мы, ребяташки, боялись его.

Красивая, бойкая, ловкая на все дела тетя Аня была полновластной хозяйкой. Мама говори о ней, что “похожа на бабушку Прасковью, любит воду помолотить. Тетя Аня была разговорчивая, общительная, люди тянулись к ней. В войну в зимние вечера в доме собиралось много народу, обсуждали дела на фронте, а летом вечерком бабоньки усаживались на широком крыльчке тети Аниного дома. У тети Ани и дяди Мити было 6 детей: Галина, Виктор, Константин, Михаил, Татьяна, Алевтина. У всех свои судьбы.

Мой папа Миша еще мальчишкой любил бывать в доме своей тети Ани, помогал им, работал за верстаком. Позднее именно тетя Аня сосватала мою маму за своего брата Михаила. До женитьбы мои родители знакомы почти не были. Отец (1896 г/р) на 4 года моложе мамы. Она была уже барышней, когда отец подростком приходил из Красного в Сидоровское навестить сестру Анну.

Отец моей мамы Елены Иван Андреевич Рыбин был строг в вопросах воспитания. К девочке была приставлена няня, которую она очень любила.

Кордюкова Елена Ивановна (Рыбина)

Елена была высокой, худенькой девушкой со светлыми волосами и ресницами с веснушками, очень похожая на своего отца. Отец звал ее «Ленок». Елена часто ездила в Кинешму, где жила ее сестра по отцу Лиза. И та помогала ей со вкусом одеваться. Так что молодость у мамы была обеспеченной и счастливой. Когда умер ее отец (мой дед), мама была уже взрослой.

Папа в минуты откровения, как бы шутя, говорил о маме: «Капризная, изнеженная, избалованная, до 20 лет на руках у няни». Я же помню ее совсем не такой. Характер, видимо, по бабушке Ольге, - податливый, изменился: работоспособная, непритязательная в одежде, еде, условиях быта, не капризная, не нудная, не придирчивая. Мы росли, казалось, будто сами по себе, безо всякого воспитания. Перед глазами всегда был пример – папа и мама. Мама как-то мне сказала: ”Никогда ничего не бери чужого”. А папа наставлял: “Не бойся никакого труда”.

Из троих претендентов – женихов (Бушуев, Ратьков, Кордюков) мама выбрала Мишу Кордюкова, паренька из большой семьи ювелиров – красноселов.

Кордюковы Елена Ивановна и Михаил Васильевич (родители Галины Михайловны)

В это время Михаил поправлялся, приходил в себя после тифа. Он служил в коннице на Нижней Волге. У его родителей в Красном начались трудности: сами старые, дети не все устроены. Вот и пристроили Михаила в зажиточный дом в с. Сидоровское “примаком”. Не красавец, чернявый, бритый, худой, но характером тихий, спокойный, сдержанный. Он понравился Елене. В январе 1921г. состоялось венчание.

Жить стали в дедовом доме, работали, паяли. Гарь, газы, копать. Товар совсем не шел. Жили впроголодь. Работали на красносельского прасола.

Мама сильно заболела. Папа возил ее по больницам в разные города. Врачи запретили им работать на паялке, иначе мама могла умереть.

Начали организовывать колхозы. Так как папа в Гражданскую служил в кавалерии, его определили работать на конный двор ухаживать за быками, а потом за лошадьми. От колхоза послали учиться в Чухлому на ветеринара. Учеба шла успешно.

Мама работала в колхозе, в полеводстве. Освоилась быстро. Она была привычна к труду. Ведь у деда всегда было хозяйство: лошади, коровы. В колхозе ей работать нравилось, она потом с удовольствием вспоминала о тех годах. Материальное положение семьи улучшилось. К этому времени в семье уже было четверо детей. В декабре 1939 года этого же года родилась я, последняя, пятая в семье Кордюковых.

Мой папа был невысокого роста, темноволосый, ширококостный, худой, с синими глазами, с густыми нависшими лохматыми бровями. Ходил всегда с палкой (колени чуть согнуты), кажется не быстро, но очень споро, за ним редко, кто успевал при ходьбе. Говорил глухим низким голосом. Прежде, чем сказать слово, откашливался. В семье с нами, с детьми, отец почти не общался на вопросы отвечал коротко и доброжелательно, ласковым голосом. Не помню, чтобы нас брал на руки или ласкал; мог погладить по голове и все. Хотя мама рассказывала, что когда нес меня на руках, бережно прикрывал полую тужурку.

Удивительно, как не похож он на всех Кордюковых – разговорчивых, громогласных. Может, это следствие трудной жизни отца. Ведь он прошел три войны – 1-ую мировую, Гражданскую, Великую Отечественную. Во время войны он получил бронь, как единственный ветврач во всем Заволжье, но потом все равно взяли (в феврале 1944 г.). Помню, была зима, очень холодно. Мы провожали его всей семьей. Я отморозила колени и мне пришлось вернуться. Он опять попал в кавалерию. Их эшелон, шедший в сторону Волоколамска, разбомбили. Папа получил сильную контузию. Мы не получали от него никаких вестей. Только к лету вернулся домой из Горьковского госпиталя. Не помню, чтобы папа ругался, кого-то обидел, ударил. На стенке всегда висела плеточка, но не помню, чтобы он ее применял. Только однажды похлестал кота – блудню, а мы, дети, сильно плакали. Раз досталось брату Вове, подростку, когда тот закурил, а мальчишки наябедничали. Володя начал курить потом, когда уже работал врачом. Досталось раз и брату Коле. Наговорили на него, что лазал с мальчишками в огород за яблоками. А это оказалось не правда. Папа всю жизнь жалел, что не разобрался. И потом, если рассердится, нахмурит брови, кашляет, и детям этого было достаточно. До еды и одежды был неприхотлив. Отец был авторитетом в семье. Он решал, что сделать, что купить. Мама поддерживала авторитет и уважение к отцу, слово отца было законом и основой семьи.

Папа почти не участвовал в бабьих домашних делах (если только когда болела мама). Я не видела, чтобы папа мыл посуду или взял в руки веник, тем более помыл пол.

Мы всегда держали много скотины: корова, теленок, поросята, овцы с ягнятами, куры, иногда и годовой теленок – шипун. Подоить, накормить всех – это было делом мамы. У папы дел, забот и волнений на работе было полно. Весь клин – от Плеса до Нерехтского района –

занимали колхозы, которые он обслуживал со своей помощницей Марией Александровной Ратьковой (Барабановой). Утром уходил в ветпункт, после обеда – или вызовы к частникам или обход ферм. Если уйдет в дальний колхоз, то приходилось там ночевать, или возвращался в середине ночи. Мы очень волновались, – зимы были суровые и волки баловались. Дома тоже работал. На двух полках стояли толстые книги по ветеринарии. По вечерам сидит, заполняет какие-то журналы, пишет акты, делает выписки из книг.

А мама до самой ночи готовила на завтрашний день еду для семьи и скотины. Сколько надо вытащить из подвала картошки, свеклы и пр., перемыть, уложить в чугуны. Нам надо было начистить на варено картошки, чтобы утром в 6 часов это все уже варилось.

Помню, во время войны, сушили картошку и отправляли на фронт. Сухари и сушеную картошку отправляли и брату Николаю, когда он был на фронте. А после войны такие же гостинцы отправляли брату Володе, когда он учился в мединституте.

Зимой папа с мамой тоже вставали очень рано – в 5 ч. Папа вносил дрова, снаряжал фонарь, и шли кормить скотину. Надо было идти через улицу. Потом мама затопляла печь и готовила нам завтрак перед школой. Учились с 8 ч. Мама пекла колобья, сочни с творогом, ели картошку с огурцами. С собой давала калачей. Все пеклось из ржаной или ячневой муки. Пшеничная появилась после войны, и была темной.

Когда стала жить с нами сестра Нина, стали успевать по утрам варить кисели гороховые или овсяные, повалиху их яичной муки. Это все мазали льняным постным маслом. Иногда по праздникам пекли блины с манной кашей. Мама часто пекла пироги из хлебного теста, кислые со свеклой и брусникой. Хлеб пекли дома. На обед варили щи или домашнюю лапшу. На второе – картошку. Все с мясом. На ужин это же. Варилось все в печи и стояло весь день до вечера. В большие праздники готовили студень, мама запекала в тесте ветчину. Так что разносолами мы не были избалованы, но голодными не бывали.

Сытость наша доставалась нелегко. Особенно родителям. На заготовке кормов доставалось всем, в том числе и детям. Участок картофеля, находящийся в километре от дома – огромное поле. Если сложить весь затраченный труд, выходит месяц работы всей семьи: посадка, прополка, окопка, уборка урожая. Урожай перевозили на огромной тачке. Потом картофель надо было перетаскать и разложить в два подвала. А еще был огород, где росли другие овощи. Одних огурцов засаливали по несколько бочек. Весь урожай убирали в три подвала: бочки с огурцами – в подвал под залом, в среднем и под кухней – картошка и овощи. Из среднего подвала все расходовали еще до зимних морозов.

Во время сенокоса папа выхлопывал ордера на покос. Участки давали далеко: за Св. Горой, за Федорковым, в Жарах за рекой. На сенокосе была задействована вся семья, помогали и родственники. Для нас, детей, сенокос – памятная и веселая пора, особенно если устанавливалась хорошая погода. Рано утром, часа в 3, папа будил косарей: Колю и Володю. Позднее – Володю и Алю (она тоже умела косить). Мама топила печь, всех кормила и тоже шла вдогонку. А меня оставляли хозяйничать. В моем “подчинении” были куры и цыплята, а днем нужно было покормить теленка и поросенка. Я очень боялась подходить к теленку. Он хоть и был привязан, но любил попрыгать и пободаться, иногда вышибал из рук бадейку. А сколько было у меня радости и гордости, если я еще успевала помыть посуду и прибрать в доме, – вечером меня похвалят и угостят горсточкой земляники.

Сенокос продолжался иной год больше 2-х месяцев, если неустойчивая погода. За лето все умучаемся, похудеем, загорим. Часть покоса привозили на лошадях к дому, где досушивали и убирали на сеновал. На сеновал посылали нас с сестрой Алей. Мы принимали сено с вил мамы и папы, укладывали и утапывали, чтобы больше убралось. Конечно, все не убиралось. Папа ставил стожок в огороде и там, где косили. А зимой нанимали лошадей и везли домой, когда установятся дороги. Бывало, что стога пропадали – воровали.

Когда я подросла, то во всех семейных делах участвовала в полную силу. Но все равно нам, детям, хватало времени и погулять, и поиграть. В жару купаться бегали не один раз в день. В лес за ягодами ходили: за черникой, малиной, земляникой. На луг бегали за щавелем. А сколько игр знали! “Лапта”, “12 палочек”, “классы” и др. В свободное время к сестре Нине

приходили подруги, к брату Володе тоже друзья приходили. И все находили интересные занятия. Шумно было, весело! Да и в клуб бегали.

Старшие в страду ходили помогать в колхоз. Все успевали.

Все это было в страшные военные, а потом трудные послевоенные годы. Погибали на фронтах близкие, родные, соседи, товарищи моих братьев.

Похоронку на Колю мы получили весной 44-го года. Он погиб при переправе через Финский залив. Я успела написать ему на фронт несколько писем. В 1943 г. пошла в школу и овладела грамотой. С сестрой Ниной (1921 г/р) они росли вместе. Коля 1923 г/р. Нина была в отца – маленькая, чернявенькая, но характером бойкая. Коля высокий, светленький, худенький с веснушками, добрый, податливый. Росточком были почти одинаковые, они были дружны и неразлучны, очень любили друг друга. Брату нравилось подчиняться бойкой сестричке. Когда были маленькие, оба очень тяжело заболели скарлатиной. Бабушка дни и ночи стояла на коленях – молилась, а мама ходила в церковь по ночам. Видимо, молитвы помогли. Оба выжили. Я помню, как он, уже взрослый, вез меня по лугу на велосипеде, рассказывал, где учатся Володя, Аля, где работает папа. Коля любил мастерить. Делал санки, деревянные ранцы. Когда мастерил, всегда припевал. Он устраивал новогодние елки для малышей, с увлечением рисовал, любил петь новые советские песни. После окончания 7 кл. Коля учился в гидромелиоративном техникуме в Костроме. Имел много всяких значков. Однажды принимал участие в тушении пожара – в Костроме горел кинотеатр, за это получил премию.

старший брат Николай (погиб на войне в 1944 году)

Все ребята 1923 г/р. были взяты на фронт в первые месяцы войны. С войны его ровесников вернулось человек 10. Все остальные погибли. Я берегу Колины письма и горжусь, что у меня был такой брат.

С большой любовью и благодарностью вспоминаю старшую сестру Нину 1923 г/р. Она росла болезненным ребенком, часто болела. Мама рассказывала, что одно время в школу Нину возили на санках – очень болела нога. Трудится она начала очень рано. Совсем небольшими с братом Колей ходили в лес заготавливать дрова. Нина выросла замечательным человеком. Имела сильный характер, была таким командиром и на работе, и в семье. Умело вела хозяйство,

ценилась как работник.

После окончания семилетки Нина с подругами уехала в Данилов и поступила в педагогический техникум (Государство хорошо помогало студентам – обеспечивало бесплатными жилищем и питанием). После окончания техникума Нину направили на работу в самый глухой угол Ярославской обл.

Помню, как она приезжала на летние каникулы – нарядная, веселая. Мы с сестрой ходили встречать ее на Красные Пожни к парому, тащили на палочке ее чемодан. Нина всегда приезжала с гостинцами, игрушками.

Когда началась война, Нина с подругой Дусей Бардиной стали проситься на фронт добровольцами. Обе маленькие, худенькие. Получили отказ. Но Нина все равно отличилась. Когда в ярославских лесах высадился немецкий десант и его искали, Нина была проводником и получила за это награду.

Когда папу взяли на фронт, сестра стала просить, чтобы работать перевели поближе к дому, т.к. мама осталась с тремя несовершеннолетними детьми. В 1943 г. ее перевели в д. Поповка, что за рекой в 3 км. от Сидоровского.

В праздники Нина одевалась нарядно, ярко. Мама не жалела для дочери лучших шелков из сундука. Платья все были оригинальных фасонов. Нина носила броши, клипсы, браслетку. А на работу ходила в гимнастерке, в солдатской юбке, с полевой сумкой. Знала очень много песен о войне, разучивала их с детьми в школе. Дома эти песни пели все вместе под ее

командованием. Нина была шумная, звонкоголосая, щедрая на ласки. Ей были присущи чувство патриотизма, долга, честность, справедливость.

В Поповке Нина проработала 4 года и перешла в школу на Св. Горе. Добивалась открытия там семилетней школы. Но работать ей там не пришлось – перевели в Высоковскую начальную школу, где она стала директором.

Я очень благодарна Нине, ведь она меня вытащила буквально “с того света”. В сентябре 1947 г. я очень сильно заболела, не могла даже говорить. В очередной раз, проявив свой характер, вопреки разрешению врача, Нина увезла меня в больницу, где я пробыла почти 4 месяца. Потом она забрала меня к себе и выхаживала. Несмотря на свой воинственный характер, она была доброй и заботливой. Однажды на день рождения она подарила мне книгу А.С. Пушкина. Я храню ее до сих пор.

Брат Коля и сестра Нина – два удивительных человека, порождение новой жизни страны. Ликбезы, спортклубы, авиаклубы, молодежные театры, организация колхозов, раскулачивание, национализация, обыски, аресты, преследования – все прошло через жизнь моих брата, и сестры и их ровесников.

Каждая революция выплескивает и несет по своим волнам и мерзость и чистоту, мерзость может очиститься, чистота может запачкаться. Души брата и сестры остались чистыми.

Поздней осенью 1949 г. Нина вышла замуж за Асафова Федора Васильевича. Когда-то его отец был председателем колхоза в д. Путятино. Перед войной семья переехала в Красное. Свадьба Нины и Федора была в самое бездорожье, когда Волга “мялась”. Я, как всегда, осталась домовничать, а папа с мамой и родственники со стороны Рыбиных с узлами на лодке отправились на свадьбу по замерзающей реке. Зять родителям очень понравился, Нина тоже “пришлась по душе” родственникам Федора (Федор 1923 г/р.) попал на фронт в 1-ый год войны, успев окончить среднюю школу. Служил в артиллерийских частях, вернулся с орденом и ранением. После войны работал в райвоенкомате. Среднего роста, смуглый, чернокудрый, с бакенбардами, совершенно не славянской внешности. В 1950 г. - у них родился сын Николай, в будущем военный, а в 1952 г. - сын Владимир, в настоящий момент директор лицея в г. Волгореченске. Нина умерла в ноябре 1997 г.

Брат Володя (1927 г/р.) самый любимый для меня человек. Он рос увальнем, часто падал и плакал. Светленький с веснушками - в рыбинский род.

брат Володя

По характеру спокойный. Учился он хорошо, читал много и меня пристрастил к чтению. Умный, молчаливый. Много занимался мною. Я часто болела, а Володя учился на врача в Ярославском медицинском институте. После окончания в 1950 г. стажировался в Москве по специальности невропсихология. Проработал 2 года и был направлен в подмосковный г. Электросталь в госпиталь заведующим неврологическим отделением. В 1954 г. женился на вдове с двумя детьми. Володя детей усыновил. Позднее у них родился общий сын Михаил. В 2002 г. мой любимый брат Владимир скончался.

Его приемный сын Николай стал для меня “родней родного”. Постоянно ездил ко мне, всячески поддерживал, помогал, латал мой разваливающийся дом, поправлял хозяйство.

Моя сестра Алевтина (1931 г/р.) из всех детей была самой крепкой. Светленькая, румяная, с аккуратными чертами лица, выросла статной красивой девушкой. По характеру больше в Стригальных (в бабушку Ольгу) – робкая, застенчивая, тихая, беззащитная, на первый взгляд мягкая, податливая, но теперь можно сказать, что всю жизнь была таким “хомутиком” на чьих – нибудь шеях. Сначала у родителей, потом у мужа со свекровью, у дочери. В отличие от всех нас, в ней меньше всего было родственности, близости к родным.

В детстве Але тоже приходилось немало помогать по дому, но она старалась дома бывать как можно реже. Я не помню, когда она учила уроки, всегда пропадала у подруг. Несмотря на небольшую разницу в возрасте (4 года), отношения у нас с ней не складывались, мы даже дрались. Успокаивала нас мама. Может быть из-за того, что я росла слабой, и меня все опекали, возникла у Али тайная, скрытая ревность, недоброжелательность.

После окончания семилетки сестра поступила в Костромскую ФАШ (фельдшерско-акушерская школа). Видимо, профессию выбрала по душе. Училась хорошо и потом была хорошим специалистом в своем деле. После окончания медучилища Алю направляют на работу в Солигаличский район в интернат для инвалидов Великой Отечественной войны. Такое начало было удачным и в материальном плане и в условиях жизни для молодой девушки. Она не знала недостатка в кавалерах и у нее было много подруг. В 1954 г. осенью вышла замуж за Макаренкина Сергея Михайловича, шофера – фронтовика из Солигалича 1926 г/р. Собою видный, серьезный, основательный, знающий себе цену. Аля не захотела оставаться в Солигаличе и уехала домой в Сидоровское. Сережа не хотел уезжать из Солигалича, не захотел оставлять свою мать и племянников, которых воспитывала бабушка. Вся семья очень переживала. Но в 1956 г. Сергей все-таки увез Алю в Солигалич. Там родились их дочери Таня и Надя.

три сестры Кордюковы: Галина Михайловна (слева),

Нина Михайловна и Алевтина Михайловна

После смерти мамы Сергея семья переехала в Волгореченск. Аля работала в больнице, а Сергей водителем на стройке до самой пенсии.

Я последний ребенок в семье Кордюковых Михаила Васильевича и Елены Ивановны. Родилась я в декабре 1935 г. Родилась слабенькой, долго не ходила, не говорила, голову держать не могла, ручки – ножки с ниточку, волосы – рыжая соломка, одна веснушка на все лицо, большой рот, неровные зубы. Этаким уродец. Бабушка Ольга (в девичестве Стригалёва) умерла в январе 1935 г., а я родилась в декабре этого же года. Няньчтся со мной было некому, а в ясли меня не брали, и маме пришлось уйти с работы. И была я у нее “кенгуренком” до 18 лет. Да еще в детстве падала с высоты: два раза с полатей, раз с печки. И смех, и грех! Может, эти падения и отбили начисто самолюбие, зависть, ненависть,

деспотичность, оставив обостренное чувство сострадания и жалости к беззащитным. Из-за болезни в 6 кл. пропустила в учебе целый год и отстала от своего класса. Благодаря тому, что много читала, училась неплохо. Было много увлечений: рукоделие, рисование, пение, чтение, лыжи, коньки. По характеру я жизнерадостная, подвижная, певунья и плясунья. Это и помогало в жизни.

Любовь к чтению, которую привил мне брат Володя, осталась до сих пор. Чтение заставляет задумываться, размышлять, иной раз философствовать об отношении к Миру, окружающей жизни.

Володя уговаривал меня поступать в медицинский. Я уж вроде и надумала, но потом тихонько, никому не говоря, подала документы в педучилище. И ни разу об этом не пожалела. Работать приходилось в небольших деревнях в малокомплектных школах, которые в последствии шли под сокращение. Мои личные проблемы решались довольно легко. Легко переходила из школы в школу. Работа нравилась, новые места, новые люди. Жизнь была интересной, наполненной разными событиями. Жила и радовалась. И думала, что так будет всегда. Но здоровье родителей стало ухудшаться. Нужно было перебираться поближе к дому. В 1961г. я перешла работать в Густомесовскую восьмилетнюю школу учителем начальных классов. Директором этой школы была моя сестра Нина. В школе большой соединенный класс

в 31 чел. оставался без учителя. Зная конфликтность Нины Михайловны, желающих взять этот класс не находилось. А мне пришлось это сделать по семейным обстоятельствам. В Густомесово я проработала 7 лет. Часто навещала родителей, готовилась к поступлению в пединститут. Но мне в эти годы было слишком хорошо, чтобы менять что-либо в жизни. Я не спешила. В 1969 г. умер папа после тяжелой болезни, мама теряет зрение. Я перешла работать в Сидоровскую школу воспитателем в интернат. Жила с мамой и ухаживаю за ней. Мысль об институте отошла в сторону..., как и о личном счастье. За мамой нужен был постоянный уход. Вдобавок к с лепоте, у нее отказали ноги. Мама умерла в 1980 г. в возрасте 88 лет.

большая семья Рыбиных - Кордюковых

Я прожила интересную жизнь, насыщенную событиями. Была счастлива. Сейчас доживаю в доме деда Ивана – старом и холодном. Охраняю наследство! Занимаюсь огородом, козами. По-прежнему люблю читать, являюсь членом клуба “Беседушка” при Сидоровской библиотеке. Стараюсь не унывать.

Литература:

1. Бочков В.Н. Старая Кострома: рассказы об улицах, домах и людях. – Кострома 1997.
2. Костромские святыни / Сост. иеромонах Харитон (Просторов), А.Новикова; Под общ. ред. архиепископа Костромского и Галичского Александра. – Кострома 2002.
3. Диденко М. Семейные хроники купцов Стригалёвых // Губернский дом. – 1999.
4. Сизинцева Л. “Именитость беспорочно сохранили ...” // Губернский дом. - 1999.
5. Памятники архитектуры: Каталог. Вып.1 г. Кострома / Под общ. ред. В.Б.Корозина.- Кострома 1996.

«НИКОЛО – МАКАРОВО»

Пелёвин Михаил Васильевич, родился 18.11.1950 года в д. Сокольская
Макарьевского района Костромской области.

2009 г

В настоящее время я могу рассказать о своей родословной до седьмого колена по прямой отцовской линии и веду работу по выяснению родословной по материнской линии.

Все мои прародители были крепостными крестьянами на казённой земле и родились в деревнях, принадлежавших приходу Николаевской церкви села Макарово Макарьевского уезда Зарецкой волости.

По ревизской сказке 1816 года в деревне Макарово в семье № 5 (по переписи) проживали два брата: Кирило Прокофьев 1751 года рождения и Иван Прокофьев 1750 года рождения со своими жёнами, детьми и внуками.

У Кирила сыновья Влас 1974 года рождения и Агафон 1794 года рождения – мой предок в 6 – ом колене.

У Агафона и его жены Татьяны в 1814 году родился сын Григорий, мой предок в 5 –ом колене, а в 1816 году двойня, еще два сына – Максим и Ефим.

Видимо, в эти годы в семье происходят какие-то трагические события, потому что в 1819 и 1820 годах в возрасте 3-х и 4-х лет оба младших сына умирают и, наверное, в это же время умирает их мать Татьяна, т.к. в следующих ревизских сказках 1834 года её нет, а Агафон в 1837 году отделился от семейства и ушел жить к Катерине Ефимовой в соседнюю семью (семья № 6 по переписи).

В 1830 году в возрасте 16 лет Григорий Агафонов женится на Степаниде Григорьевой, которая старше его на 5 лет и в 1831 году у них рождается сын Алексей Григорьев – мой предок в 4 колене, а в 1833 году 2-ой сын Павел.

Я пока не могу сказать по какой причине, но в 1834 году Григорий и Степанида были усыновлены (со своими детьми – Алексеем 3-х лет и Павлом 1 года) крестьянином деревни Сокольская Никифором Ларивоновым и его женой Нениной Петровой, своих детей не имевших. Вероятно, между семьями были какие-то родственные связи.

В том же 1834 году в возрасте 52 лет Никифор умирает и главой семьи становится Григорий Агафонов. У них со Степанидой рождаются ещё 4 дочери – Олёна, Ольга, Арина, Александра.

В 1846 году в возрасте 32 лет Григорий умирает и главой семьи в возрасте 15 лет становится Алексей Григорьев.

По ревизским сказкам 1850 года в семье № 9 деревни Сокольская проживают Алексей Григорьев 19 лет, его брат Павел 17 лет, его бабушка Ненина 74-х лет, его мать Степанида 41 года, его 4 сестры. Оба брата ещё не женаты.

По ревизским сказкам 1857 года Алексей Григорьев уже женат на Настасье Николаевой 24-х лет и у него уже есть полугодовалая дочь Марья. Павел Григорьев женат на Ульяне Григорьевой, детей в 1857 году у них нет.

Ревизские сказки 1857 года были последней подушевой переписью крепостных крестьян и при дальнейшем выяснении родословной приходится обращаться к метрическим книгам Николаевской церкви села Макарово, которые имеются только с 1867 по 1874 года, и с 1884 до закрытия церкви, т.е. имеются два перерыва, когда невозможно документально подтвердить рождение человека, если время его рождения приходится на эти периоды, как и получилось в моем конкретном случае. На свой запрос в ГАКО о рождении деда Михаила Алексеевича и прадеда Алексея Алексеевича (Горячего) я получил ответ, что сведения об их рождении отсутствуют

Для того, чтобы связать существующую родословную Пелёвиных с выше указанными поколениями необходимо сделать отступление. Дело в том, что крепостные крестьяне фамилий,

как таковых не имели, и во всех документах фамилия-это современное отчество. На свой запрос в ГАКО я получил ответ, что родовая фамилия Пелёвины впервые указана в документах в 1888 году. Кроме того, рождение моего деда и прадеда видимо приходится на годы, когда метрические книги не велись, или не сохранились, т.е. документального подтверждения моего прямого родства с вышеперечисленными предками у меня нет. Работу по выяснению своей родословной я начал случайно, после того, как назвал своего второго сына в честь отца Алексеем. И зная, что мой дед-Михаил Алексеевич, я спросил своего отца, знает ли он, как долго продолжалась эта традиция – Михаил Алексеевич – Алексей Михайлович.

К моему удивлению, он знал имена и отчества своих предков до 4-го колена. Он назвал мне своего прадеда, жену его Татьяну.

Ещё он говорил, что у Алексея Алексеевича было прозвище «Горячий», а у Алексея Григорьевича прозвище «Тоска», что его бабушка Татьяна прожила почти сто лет, что у Алексея Алексеевича было 5 сыновей. Алексея Алексеевича и Татьяну он хорошо помнил, как и всех их сыновей, кроме своего отца Михаила, который помер в 1920 году, когда моему отцу было 3 года.

Здесь нужно добавить ещё одно обстоятельство. Рядом с домом моего отца, буквально через дорогу, в деревне Сокольская, примерно до 1966 года жила ещё одна семья Пелёвиных – три сестры: Анна, Александра и Лидия. Деревенская фамилия этой семьи Пелёвиных была «Юлины», а наша семья по-деревенски прозывалась «Дядины».

Родственных отношений семьи не поддерживали, были просто хорошими соседями. Из беседы с живущей в настоящее время младшей из сестер Большаковой (в девичестве Пелёвиной) Лидией Михайловной я узнал, что её отец Пелёвин Михаил Иванович, родился в 1885 году и умер в 1944 году. Их деревенская фамилия произошла от её бабушки Юлии Семёновны. Дедушку Ивана она не помнит. На запрос в ГАКО я получил ответ, что отцом Михаила Ивановича был крестьянин Иван Павлов, а законной женой его была Юлия Симонова.

Таким образом, прослеживается связь двух семей Пелёвиных, живущих рядом в деревне Сокольская:

«Юлины» - Михаил Иванович – Иван Павлович – Павел Григорьевич.

«Дядины» - Михаил Алексеевич – (мой дед) – Алексей Алексеевич («Горячий») и Алексей Григорьевич («Тоска»).

Братья Павел Григорьевич 1833 года рождения и Алексей Григорьев 1831 года рождения являются родоначальниками этих двух линий Пелёвиных, потому что других Пелёвиных в деревне Сокольская и в окрестных деревнях не было.

Где-то в период с 1857 по 1860 годы, видимо, у Алексея Григорьева (Алексея Григорьевича по прозвищу «Тоска») рождается сын Алексей Алексеевич (по прозвищу «Горячий»). Его рождение, наверное, приходится на годы 1858-1863, по которым нет метрических книг в архиве ГАКО.

В том, что Алексей Алексеевич и его жена Татьяна Алексеевна существовали, и, следовательно, данные по родословной, полученные мною от отца верны, я убедился, получив ответ на свой запрос в ГАКО о рождении их четвертого сына Павла, в котором говорится, что «Пелёвин Павел Алексеевич родился 29 октября 1898 года и его родителями являются Макарьевского уезда Марковицкой волости, деревни Сокольской крестьянин Алексей Алексеевич и законная жена его Татьяна Алексеевна, оба православного вероисповедания. Восприемник при крещении деревни Сокольской, крестьянский сын Василий Алексеевич» (его десятилетний брат).

Уже упоминалось раньше, у Алексея Алексеевича и его жены Татьяны было пятеро сыновей. Старший сын (мой дед) Михаил Алексеевич, точный год рождения которого мне установить не удалось, (вероятно, где-то 1879-1891г). Второй сын Александр Алексеевич, выехавший в 20-е годы на жительство в город Кстово Горьковской области (1892-1974 г.р.). Остальные сыновья: Василий 1888 г.р., Павел 1898 г.р., Фёдор 1902 г.р., до войны жили в деревне Сокольское. Павел и Фёдор погибли во время Великой отечественной войны.

Мой дед и полный тезка Пелёвин Михаил Алексеевич умер в 1920 году во время отхожих промыслов в Самарской области от тифа. Его жена, а моя бабушка Пелёвина Федосья

Ефимовна, 1883 года рождения (в девичестве Галибина), родилась в деревне Осиновка и была четвертым ребенком в семье, т.е. самой младшей.

У Михаила Алексеевича и Федосьи Ефимовны было четверо детей: Иван 1906 г.р., Лидия 1912 г.р., Анастасия 1914 г.р. и мой отец Пелёвин Алексей Михайлович, 1917 г.р..

29 марта (16 по старому стилю) Федосья Ефимовна умерла в 1956 году в возрасте 72 года и похоронена на кладбище села Николо-Макарово.

Отец был малограмотным, учился всего один год. С 1936 года по 1940 год он служил в армии, а сразу после демобилизации из армии был взят на войну и демобилизован только в 1946 году. За время войны имел три ранения. После войны всю свою жизнь работал в колхозе. Умер в 1999 году 22 октября в возрасте 82 года. Последние 12 лет своей жизни он был парализован, был инвалидом 1-ой группы. Похоронен на кладбище в селе Николо-Макарово рядом со своей матерью, Федосьей Ефимовой.

Моя мать, Мария Федоровна, в девичестве Круглова, родилась в марте 1919 года и была первым ребенком из девяти, воспитанными Федором Васильевичем Кругловым (1896-1955 г.р.) и его женой Прасковьей Федоровной Кругловой, в девичестве Вороновой (1896-1980 г.р.). Второй из детей, брат матери, Василий Федорович, родился в 1920 году. В 1941 году он был взят на Великую Отечественную войну в 1943 году погиб и похоронен в братской могиле железнодорожной станции Волково Витебской области республики Беларусь. Посмертно награжден орденом Красной Звезды за спасение жизни командира. Все остальные дети: Александр, Алексей, Николай, Манефа, Вера, Михаил, Платон имеют свои семьи. Почти все семьи многодетные.

Сын Федор Васильевич Круглов, мой дед по матери, был первым ребенком из четырех в своей семье. Рано остался без матери, мачеха детей ненавидела, и Федор Васильевич с детства работал в батраках у Соколова, богатого жителя деревни Сокольской, который впоследствии был раскулачен и выслан. Точно я не знаю, но, вероятно, дед был участником первой мировой войны. Я сделал такой вывод, потому что слышал от своего отца, Алексея Михайловича, что его тестя, т.е. Федора Васильевича, солдаты выбирали в солдатской комитет. В 1919 году, будучи уже женатым и имея беременную жену, дед снова был на службе в армии. Гарнизон находился в г. Кинешма. Его отец, пользуясь отсутствием старшего сына, хотел продать дом, хозяйство, оставить всех детей и уехать жить куда-то на «низ».

Моя бабушка, Прасковья Федоровна и жена второго сына, брата Федора Васильевича поехали к деду на место службы в Кинешму, и уговорили его дезертировать, как они рассказывали - «украли» его, для того, чтобы препятствовать произволу отца. Отец заявил в военкомат, что в его доме дезертир. Федора Васильевича арестовали, но по ходатайству - коллективному письму деревенских жителей ему дали время уладить семейные дела, а затем вместе с другими дезертирами судили. Суд был в деревне Марковица. Двоих дезертиров тут же расстреляли, а Федора Васильевича отправили дослуживать. В дальнейшем он работал в сплавной конторе. Умер в 1955 году.

Брат Федора Васильевича, Алексей Васильевич, был в 20-е – 30-е годы председателем сельсовета. Тоже имел семью, в которой было 8 человек детей.

Мой отец и моя мать воспитали троих детей: меня и двух сестер – Веру 1947г.р. и Тамару 1954 г.р. Росли мы в деревне, и хотя время было близко к послевоенному, и все жили небогато, никакого голода не было, и лишений мы не испытывали. Практически семья жила своим натуральным хозяйством и заработком на отходных промыслах отца, т.к. в колхозе денег в то время не платили. Родителям мы подчинялись беспрекословно. Помогали во всём, что было посильно в ведении хозяйства, огорода, уходе за скотиной. Сколько я помню свою мать, она вставала ото сна в 4-5 часов утра, чтобы утром нас всех накормить, управить скотину, отправить кого на работу, кого в школу. О газе в то время и не слыхивали, стряпали на всю семью и на весь день в русской печи. Еда была чисто русская: хлеб, картофель, мясо, молоко, капуста, овощи. Всё, что можно было, всё выращивали сами, покупалось только то, что нельзя было произвести самим.

Праздники в деревнях справляли в основном религиозные. На праздники собирались все родственники со всей округи. В деревне Сокольской справляли 7 июля – Иванов день. Советские праздники – 1 мая, 7 ноября. Мы вместе с ними уходили на заречную сторону в поселки Дорогиня, Любимовка, Первомайка, Горчуха. В деревнях было очень много молодежи, телевидение в то время (1960-1970 г.г) только-только появлялось. По вечерам ходили гулять в клуб, в кино, играли в футбол, волейбол, прятки, чуги и много других игр. Жили весело, дружно, много работали, скучать было некогда.

Костромская область, Октябрьский муниципальный район

«МОЙ РОД - МОЯ РОДОСЛОВНАЯ»

Овчинникова Елена Владимировна

Боговарово - 2010

С самого детства меня притягивал, манил, завораживал таинственный мир старины, история жизни моих предков. Я очень любила ходить по домам в заброшенных деревнях, рассматривать старые вещи, изучать, как и из чего, они сделаны. С большим удовольствием жила у бабушки в деревне, знакомилась с деревенским бытом, слушала разные предания и сказки, смотрела фотографии...

Врезалась в память одна фотография, висевшая на стене, на самом видном месте, в деревянной рамке под стеклом. На фотографии мужчина средних лет, грузный, с взглядом, уходящим вдаль, будто озирающим родные просторы... Мне захотелось узнать об этом человеке, о его жизни.

В нашем роду много замечательных людей, которые помнят и чтут память своих отцов и дедов и передают уважение к семейным традициям своим детям и внукам. Так моя бабушка Ивойлова Нина Дмитриевна рассказала мне о своем прадедушке и его потомках...

В первой половине 40-х годов 19 века на р. Луптюг занял место (заимку) некто Кокорин, уроженец Вятской губернии. Построил избушку, стал в ней жить, но по каким – то причинам оставил ее. Так как чаще всего деревни назывались по фамилии первых поселенцев, то и эту деревню назвали по фамилии этого человека – Кокоры. В 1840 году в избушке Кокорина поселился Самойло Пупов.

В 1843 году в здешних местах появились выходцы из под Макарьева, Вятской губернии: Швецов Антон Васильевич и Исупов Иван Тарасович (мой прапрапрадедушка). Они выбрали место и построили избу между двух ложков. Однажды в летний день, Исупов и Швецов пошли осматривать леса, чтобы можно начать вырубку для полей,

спускаясь вниз по реке Белянке, дошли до реки Луптюг. Спускаясь вниз по реке, и через некоторое время вышли к избушке Самойла Пупова. Познакомившись с новыми людьми, Самойло Пупов стал просить их, поселиться здесь. Иван Исупов и Антон Швецов так и сделали. На другой же день, за ключом, недалеко от избушки первожителя они начали рубить подсеку (поляну под пахоту), а потом перевезли избу, поставили ее на левой стороне от Луптюга. В этой избе стал жить Антон Швецов. Против него, на правой стороне, рядом с Пуповым, построился Иван Исупов. В 1846 году они перевезли свои семьи и стали здесь жить.

Деревня росла, крепла, население пополнялось за счет родственников ее жителей. Приезжали братья, и их семьи. Так и к Ивану Тарасовичу приехал брат Евтей Тарасович с племянником Исуповым Петром Васильевичем. К 1854 году в деревне было 8 дворов, а чуть позже к ним приехал их младший брат Исупов Алексей Тарасович. Соседи долго не давали ему усадьбы, но потом все – таки разрешили строиться на самом низком, сыром и плохом месте. Так начал обосновываться в деревне еще один житель. Избу строить помогали ему братья. Первые дома строили по одному типу, большая изба – годовка, напротив – клеть, между избой

и клетью мост – сени. За клетью – проезд во двор, а за двором конюшня для лошадей. Двор строился большой, внутри него еще находился теплый хлев для телят. На двор настилалась поветь из тонких бревен. На повети одна или две клетушки с полом из досок для хранения колосу и мякины – пелевы. Для въезда на поветь с гумна делали взвоз. На другой стороне ставилась житница для хранения зерна и муки, погреб, теплый хлев для овец. Все эти постройки соединялись просторной большой оградой, которая крылась соломой. Крыши над «хоромами» у наших предков были соломенные. Все делали топором.

У Ивана Тарасовича было пятеро детей: 4 сына – Петр, Устин, Андриан, Алексей и одна дочь – Стефанида.

У Петра было два сына: Емельян и Сергей и четыре дочери.

Устин воспитал четырех сыновей: Герасима, Евлампия, Андрея, Василия.

У Андриана детей не было.

Дочь Ивана Тарасовича Стефанида заслужила звание «святой». Она родилась 11 ноября 1860 года. С трех лет потеряла зрение (видела только частично), когда упала с печки в корыто, в котором запаривали коровам корм. До 16 лет Стефанида помогала родителям дома и в поле, ходила в лес за ягодами.

В возрасте 18 лет Стефанида решила уйти в «затвор», то есть начала строить келью своими руками. Мешком носила глину за 500-600 метров для кирпича. Кирпичи делала тоже сама. Стефанида построила келью 2м x 1,5м. В келье была печка, столик и полка для книг. Два окна размером 20 x 20 см. Питалась Стефанида очень скромно – постно, хлеб, вода, квас, капуста иногда творог и кислое молоко.

В затвор она ушла в праздник Введения Пресвятой Богородицы. Никуда она не выходила из своей кельи, только в баню да за водой (и то ночью), воду брала из ключа, который протекал в логу. В Пасху съедала крашенное яичко. В затворе Стефанида была 15 лет. Носила вериги – цепи, которые уже стали вращать в ее тело.

По истечении 15 лет на Рождество Христово явился Стефаниде свет, в келье запели «Слава Всевышнему». Потом свет погас, все потемнело. В Рождество к Стефаниде приезжал священник из Никольска, служил молебен. Когда же она вышла из затвора, то стала жить с племянницей Соломонидой. Им срубили небольшую избушку 3 x 3 метра.

Святая Стефанида исцеляла больных людей. К ней шли люди из далека: Никольска, Вохмы, Котельнича и других поселков и деревень. Она «правила» растяжения, вывихи, переломы, а также предсказывала. Когда началась 1 Мировая война ее племянника Василия (сына Алексея Ивановича Исупова) призвали на фронт, он пришел попрощаться с ней и сказал: «Тетя Стефанида, ты уже старенькая, когда я вернусь, тебя уже, может быть не будет в живых, давай простимся». Ему Стефанида ничего не сказала, а когда пришла сноха, она ей молвила: «Я - то жива, буду, а он, сокол, не вернется». И действительно он не вернулся с той войны.

Святая Стефанида в церкви пела на клиросе, пела очень хорошо. Она умерла 9 декабря 1918 года. Похоронена у церкви в с. Ильинском у самого окна (напротив того, где пела). Очень много народу собралось на ее похороны. И теперь люди приходят на ее могилку и поминают добрым словом.

Алексей Иванович (мой прапрадедушка) имел двух сыновей: Прокопия и Василия, и трех дочерей. Он занимался мелкой торговлей. Торговал чаем, конфетами, пряниками, сушкой. Скупал льняное семя, перерабатывал на масло, с которым ездил торговать в Кологрив. Торговать он ездил, когда все полевые работы заканчивались, а летом в основном работали на земле и заготавливали корма для скота.

У племянников Алексея Ивановича, Емельяна Петровича и Герасима Устиновича были масляные заведения. Кроме масляной у Герасима Устиновича имелся кирпичный завод. Герасим Устинович Исупов, человек с одной здоровой ногой, ходивший на костылях, пользовался большой известностью как мастер «на все руки». Он и плотник, и столяр, и кирпичных дел мастер, и строитель мельниц, и маслобой – не было такого дела, каким бы не овладел этот талантливый самородок. За свою короткую жизнь Герасим Устинович построил и отремонтировал 48 мельниц. У его дедушки Исупова Ивана Тарасовича была своя толчея

(ивовую кору толочь). Толченую ивовую кору возили в Вятку и там продавали: она шла на выделку кожи. Большинство жителей деревни занимались побочными заработками. Семьи были большие, так у Прокопия – сына Алексея Ивановича было двенадцать детей. У него было семь сыновей: Иван, Дмитрий, Леонид, Василий, Александр, Серафим, Григорий и пять дочерей: Александра, Елизавета, Таисия, Валентина, Апполинария.

Иван умер еще в младенческом возрасте. Василий пропал без вести в финскую кампанию 1939- 1940 годов, у него остался сын - Николай и две дочери. Леонид до Великой Отечественной войны жил в Ленинграде, был офицером, в войну защищал свою Родину, а когда она кончилась, уехал снова в Ленинград, продолжая служить Отечеству. Сейчас его уже нет в живых, старые раны сказались на его здоровье. Александр тоже воевал на Великой Отечественной войне, тоже был офицером, но погиб и домой не вернулся. Серафим служил на Балтике в Морфлоте, там его и застала Великая Отечественная война, он прошел всю войну и вернулся домой. Он по сей день живет в Петербурге. Григорий тоже жил в Ленинграде, но сейчас его нет в живых. Дочь Прокопия Ивановича Александра до войны жила в Ленинграде, пережила всю войну, была блокадницей, но в 1947 году скончалась. Из двенадцати братьев и сестер осталось только трое: Серафим, Таисия и Валентина.

Хочу рассказать о Дмитрие Прокопьевиче, - моем прадедушке, хочу отдать дань уважения этому замечательному человеку, которого я помню с детства, и буду помнить всегда. Мой прадедушка был очень добрым и мудрым человеком, с ним всегда было интересно поговорить, послушать его рассказы о жизни.

Его родители были простыми тружениками. Отец работал, а вся тяжесть воспитания детей (а их было двенадцать) лежала на материнских плечах. Мать прадедушки Мити Исупова Матрена Григорьевна была, пожалуй, самой неутомимой труженицей деревни Кокоры. Кроме большой семьи было большое хозяйство: пара лошадей, семь коров, девять овец, жеребенок, две телки. Эта женщина, кажется, не снимала со своих натруженных ног лаптей никогда. Устанет, присядет на лесенке (у печи), немного отдохнет и снова бежит работать. Матрена Григорьевна отличалась, добрым нравом, хорошим отношением ко всем окружающим, особенно к детям. Ласковая и добрая по характеру, она была очень заботливой. Наверное, по этой причине все ребятишки с нижнего конца деревни постоянно играли летом у дома Прокопия Алексеевича, а зимой – в их большой пятистенной избе. Неудивительно, что у таких замечательных родителей были замечательные дети, которые заняли достойное место в истории своей семьи, своей деревни, своего края, своей Родины. Таким человеком был и мой прадедушка.

Мой прадедушка Исупов Дмитрий Прокопьевич родился 24 февраля 1910 года в деревне Кокоры. Их дом стоял на берегу реки Луптюг. В родной семье жил не долго, с трех лет от роду его на воспитание взял родной брат матери Тарасов Яков Григорьевич.

Он дал ему свою фамилию и отчество, а потом усыновил, так Дмитрий Прокопьевич Исупов стал Дмитрием Яковлевичем Тарасовым. Приемный отец прадедушки приехал в деревню Носковы вместе со своей матерью Афанасьей Макаровной Тарасовой из Кировской области Котельничского уезда.

Яков Григорьевич родился в 1878 году, женился на Анисии Дмитриевне, у них не было детей. Прадедушка Дмитрий был им как родной. Интересно отметить, что Яков Григорьевич был «богатырем», он весил 7 пудов 10 фунтов (116 килограммов) и именно он изображен на той фотографии, с которой начался мой рассказ. Так и стало у Дмитрия Яковлевича два отца.

У них имелась своя полоса земли, три коровы, лошадь, держали работника, которого считали членом семьи. Не голодали, но и работали от восхода до заката. Отец приучал к труду с малых лет. В школе учился всего четыре зимы, а в 18 лет его уже женили. Тогда согласия сыновей не спрашивали, судьбу детей решали родители. Его желания не спрашивали и женили на красавице Швецовой Анне Прокопьевне. Она была с 1907 года из соседней деревни Мальцевы. Это была замечательный, душевный человек. С Анной Прокопьевной они прожили долгую и счастливую жизнь. Было у них семеро детей, из которых выжило пятеро.

В тридцатые годы началась коллективизация. Зажиточных крестьян, которые работали не покладая рук, отнесли к сословию кулаков. В небольшой деревне раскулачили 6 хозяйств, в число которых попала и их семья. Яков Григорьевич, приемный отец моего прадедушки, не выдержал и вскоре скончался от сердечного приступа. После смерти отца прадедушки их семью не раскулачили. Из-за страха лишиться собственности, прятали что могли, закапывали в землю. Так сейчас сохранились часы и шкатулка, которым уже около ста лет, они являются семейными реликвиями.

В 1931 году организовали колхоз, назвали «15-я годовщина Октября». В него вошли 4 деревни. Земли здесь были хорошие, давали неплохой урожай. Прадедушку назначили счетоводом.

В 1939 году началась Финская война, и прадедушку забрали на фронт. Ему пришлось много пережить и испытать. Он был тяжело ранен в голову и плечо, лишился одного глаза. Долго лежал в ленинградском госпитале.

Когда началась война, прадедушку призвали в трудовую армию. Полтора года он был в отдельном рабочем батальоне в Вологде, а затем в его составе направили в Румынию на восстановление разрушенного войной. Когда прадедушка ушел на фронт, Анна Прокопьевна осталась с детьми одна.

Много горя и страданий принесла людям война. В деревнях остались женщины, подростки, да старики. В войну поле пахали на коровах, быках, на плохоньких лошаденках. В усадьбах боронили и пахали люди на себе. Впрягались женщины и подростки в оглобли, тащили борону или плуг. «Все для фронта, все для победы!» Люди понимали это и почти весь хлеб, полученный из урожая с полей и усадеб, сдавали государству. Большинство колхозников ели семена щавеля – кислицы, полевой хвощ – пестики и клеверные головки. Из дерева липы, размолотое на мельнице, делали муку. В пищу также употребляли траву и белый мох – ягель. Понятно, что при таком питании взрослые и дети страдали от истощения. Одежды и обуви тоже не было, многие ходили в рубищах.

Дмитрий Прокопьевич вернулся домой он в 1946 году. После войны тоже жилось трудно. Работал в животноводстве и полеводстве. Трудно ему было, но на жизнь он никогда не обижался. Больших правительственных наград не заслужил, но есть медаль за Финскую войну, за победу над Германией, медаль Георгия Константиновича Жукова. Когда прадедушке Мите было 80 лет, он еще с удовольствием помогал детям на сенокосе, держал пчел, до конца жизни был окружен заботой и вниманием родных и близких людей: детей, внуков, правнуков. У Дмитрия Прокопьевича пятеро детей, тринадцать внуков, семнадцать правнуков и один праправнук. Все пятеро детей (Мария, Иван, Лидия, Нина, Галина) живут дружно, имеют свои семьи, постоянно поддерживают связь друг с другом.

В 1938 году у Дмитрия Прокопьевича родилась дочь Нина (моя бабушка). Бабушка училась в Береснятской семилетней школе. Вспоминает, что класс у них был большой и дружный (около 30 человек). Окончив 7 классов, бабушка пошла, работать в колхоз. Трудовую деятельность начала в 1958 году. Работала в полеводстве и животноводстве. Работали много, но и на развлечения времени хватало. Окончив трудовой день, вечером молодежь шла на пляску. На плясках присматривали женихов и невест. У моей бабушки было много ухажеров, неоднократно сватались, но она всем отказывала. А со своим мужем Ивойловым Николаем Ивановичем познакомилась на вечерке и сразу полюбили друг друга. Роман длился около года, а в 1962 году они поженились. В 1963 году у бабушки и дедушки родился сын Александр.

В 1965 году у них родился еще один сын Григорий.

В 1968 году родилась дочь Екатерина. Окончила Стариковскую восьмилетнюю школу, затем училась в Боговаровской средней школе. После школы год работала библиотекарем в деревне Стариковы. В 1986 году вышла замуж за учителя из Соловецкой школы Овчинникова Владимира Александровича. Окончила заочно Костромское училище культуры. В настоящее время работает в Соловецкой школе библиотекарем. В 1987 году родилась я. Годом позже, родилась моя младшая сестра Марина. Сейчас я заканчиваю Соловецкую среднюю школу и хочу поступить в КГУ. Моя сестра учится в 9 классе.

В 1970 году родился мамин брат – Алексей.

Последний сын бабушки и дедушки Иван родился в 1976 году.

Мои бабушка и дедушка в настоящее время находятся на заслуженном отдыхе. Дедушка занимается пчеловодством, ему в этом помогают сыновья. Сейчас они проживают в селе Ильинском. За воспитание пятерых детей бабушка награждена медалью Материнства. А дедушка, сорок шесть лет проработав на тракторе и комбайне, имеет награды: «За трудовое отличие», знак «Победы».

Я отложила в сторону последнюю фотографию из семейного альбома. Как в калейдоскопе, промелькнула передо мной жизнь родственников не одного поколения, яркие судьбы моих предков и современников...

Моя родословная – это история нашего родного края, ведь история страны складывается из судеб отдельных людей, в них же и отражается.

«РОДОСЛОВНАЯ БАБАЛИНЫХ»

Перевалкина Ирина Николаевна

*Романцевский клуб-библиотека
Филиал МУК ЦКД «Камертон»
Центрального СП с. Романцево*

2009 год

Иногда мы задаём себе вопрос, кто наши предки, как и откуда они появились на романцевской земле. Может, столетия жили здесь, рождались, росли, обрабатывали землю, растили хлеб. А может быть, судьба занесла их из далёких земель? Умирают бабушки, дедушки, да и родителям уже за 70, а вот записать их рассказы о своих корнях, родственниках, всё не хватает времени. Как бы не было поздно...

Я, Перевалкина Ирина Николаевна решила начать изучение своей родословной – рода Бабалиных. Информацию о них я получила от Перевалкина Константина Пантелеймоновича, 1932 года рождения, и от Перевалкина Владимира Пантелеймоновича 1936 года рождения, которые явились продолжателями рода Бабалиных по женской линии.

«У папы, Пантелеймона Дмитриевича, родители были очень бедные. Звали-то их Арина и Дмитрий, а вот отчества – то я не помню уж. Деток у них было шестеро: Настя, Маня, Петя, Пантелеймон, Катя и нянька Варя. Петя на войне погиб, а папа вернулся живым, невредимым. Всю жизнь прожили тут, тут все и померли, одна Настасья в Буге. Бабка Арина с дедушкой были хворые, да и было отчего. Они ведь носили соль из Солигалича. Ходили пешком или возили в бочках воду соленую. Дед Дмитрий по дороге пил воду из луж, пришел домой да и заболел тифом. Тогда, говорят, полдеревни умерло от тифа. А бабка Арина умерла уж после войны году в сорок восьмом».

Перевалкин Константин Пантелеймонович
1932 года рождения, уроженец деревни Аргунка
Буйского района Костромской области,
бывшего механика колхоза имени Кирова.
Запись сделана Мошковой Т.В. (06.08.2009 год)

«Мама, Лидия Всеволодовна из рода Бабалиных. Зажиточная была семья, вот и попали под «молотилку». Отец её, Всеволод Родионович Бабалин, был богатым по тем меркам. Да и по нынешним по деревенским. Рано он, в 14 лет остался без отца и матери. Умерли родители, а он был самый старший, еще 2 сестры младших. В 16 лет женился, а жену – то взял старше себя, чтоб поопытней была, да помогала в хозяйстве. Таисией звали её. Отчества вот не помню. Народилось у них семеро детей. Работали день и ночь. Построили дом, завели хозяйство. Работал сам как проклятый и родных всех заставлял. Построек было много, весь колхоз «Марат» до 1956 года помещался в его постройки. Кормокухня была, конюшня, три сарая, кладовая, два овина с ладонью, баня, колодец, пасека. А дом весь ошекотурен, а на потолке круги из лепнины. Мама часто рассказывала, какой у них дом хороший в Аргунке. Ширина дома была 18 метров. Я сейчас помню место, где он стоял. Зимняя, летняя избы, а посередине горница. Крыша - то была тесовая, редкая по тем временам. Раньше ведь крыли соломой или дранкой. Лавка у них была прямо в доме, сам торговал, да и домочадцы помогали, товар привозили. А то и приносили из Костромы, Галича. Солигалича и других мест. Возили муку, рыбу, семечки, баранки, сахар головками и другие товары. Когда было посвободнее, работали в лесу, нанимались. Отец рубил один, а сын отвозил. Работали у других, потому что деньгами не платили. А на сезонные работы брали сами работников. Всеволод Родионович следил, чтобы тех кормили хорошо. Самолично проверял. Когда прослышал, что их будут раскулачивать, он убежал, уехал в Ленинград.

Там женился снова. Взял в жены хохлушку. Мама с Костей ездили в Ленинград, так он приезжал повидаться. Жену, баушку Таисию не взял, она уже сильно больная, надорванная, в общем. Детей думал, не тронут. Мама рассказывала, что видела, как отец собирался. Как он положил в горшок золотые монеты, завернул пистолет в тряпочку, спустился в погреб и закопал там. Думал, может, вернется. Бабку Таисию с маленькой дочкой Нюрой не тронули, не сослали и маму, она была уже замужем за отцом-бедняком. Дочь Надя с мужем на хуторе Якунино жили. Это за деревней Плоское. Их тоже выгнали, но не сослали. Они и уехали скорей, подались тоже в Ленинград.

А остальных выслали в Магнитогорск. По дороге умерла сестра Поля. Лавер убежал из Магнитогорска, сменил фамилию на Смирнов и вернулся опять сюда.

Его арестовали, посадили в тюрьму, которую зовут «кресты». Там он лиха хватил. Потом его опять сослали в Магнитогорск. А жена Агрофена не смогла без него оставаться, любили они друг друга шибко, поехала за ним. Да и притом она была на сносях. В Магнитогорске жили в чистом поле. Там и родила она ребеночка, а завернуть не во что. Не дали одежды, в деревне – то как в чем была, в том и поехала. Вот он и задрог, сразу помер. Там и похоронили. Через несколько лет Лавер с Грушей переехали в Челябинск. Поселили их в бараки. Были оба работающие. Жизнь

потихоньку и наладилась. Родилось у них четверо детей: Вова, Костя, Люда, Лиза. Трое закончили школу с золотой медалью, все поступили в институты. Вова живет в Ленинградской области. Закончил два института, преподавал в институте усовершенствования учителей в Ленинграде, читал лекции в Новгородском, Ленинградском и Вильнюсском университетах. Люда на Урале жила. Умерла уже. Лиза живет в Петербурге, работала экскурсоводом, а Костя - в Челябинске, работал испытателем двигателей в НАТИ.

Миша – сын Всеволода Родионовича убит во время войны. Жена умерла в блокаду, а сына Валентина, 1937 года рождения, эвакуировали с детским садом. Знаю, что усыновил его военный какой-то. Вера – дочка Всеволода Родионовича тоже жила в Ленинграде и тоже умерла в блокаду. У нее был сын Саша, 1937 года рождения.

Анна, тоже дочка Всеволода Родионовича, жила в Ленинграде, но та успела выехать сюда, к нам с дочкой Ларой, но Лара от истощения умерла через две недели. Похоронили ее здесь на кладбище. Анна работала в Буе на железной дороге. Так войну и пережила. Потом опять уехала в Ленинград. Мужа у нее убили на войне, вышла второй раз замуж, родился сын Борис, а умерла в 1983 году. Надя умерла в блокаду. Муж у нее был Кутузов Александр, сын Коля.

Мама, Лидия Всеволодовна с папой Пантелеймоном Дмитриевичем поженились примерно в 1926 году. В 1930 году родился Саша - первый сын. Потом Вера - дочка, которая пожила несколько месяцев, а потом умерла от «тишенки». Наверное, паралич, раньше все говорили «тишенка, да тишенка».

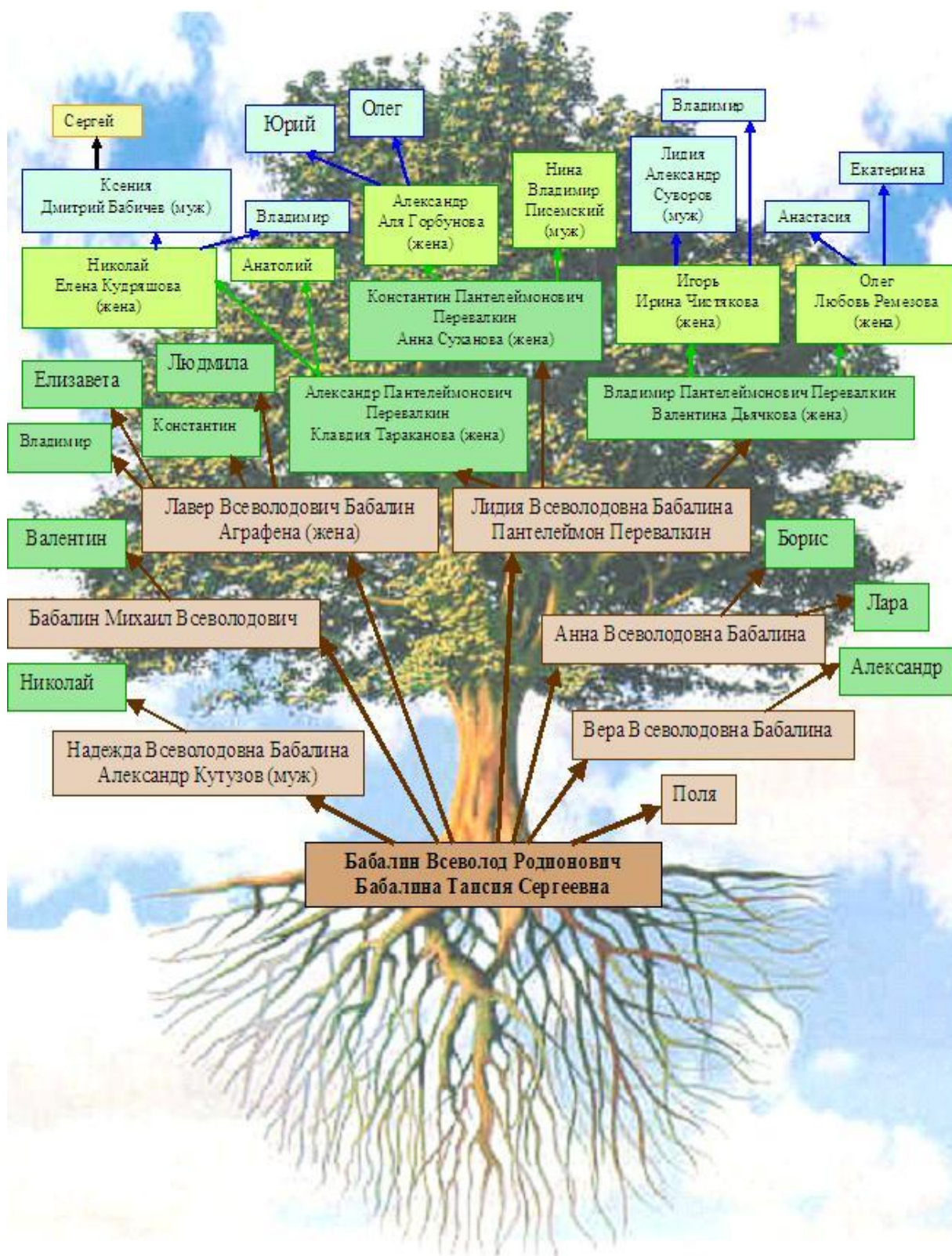
Потом Костя родился в 1932 году, потом опять девочка Нина. Но бог и ей не дал пожить. В три года умерла. Мама ее рожала, когда метали стог. Сметала, слезла со стога и родила. Может, чего и не так было. А потом в 1936 году уже я родился. Ребята - то видать крепче были, все выжили. Папа на войну ушел, стрелять - то не стрелял, но строил переправы. Мы остались с мамой. Жили дружно. Каждый знал свое дело. Мое дело - картошку тереть на колобушки, дрова носить и воду из колодца таскать. Костя по дому работал, в колхозе начал работать с 11 лет, Саша работал в сапожной мастерской, сначала в селе, а потом в Аргунке. Мать в колхозе и дома работала. Папа после войны на жнейке работал. Зимой – в лесу. Да и дома работы хватало. Ни разу не слышал, чтоб мать хоть обчертыхалась, не то, чтобы матом ругалась. Мы жили меж собой дружно, помогали друг другу и выручали, ежели чего надо.

Перевалкин Владимир Пантелеймонович
1936 года рождения, уроженец деревни Аргунка
Буйского района Костромской области,
бывший шофер в колхозе имени Кирова,
Запись сделана Перевалкиной И.Н.
(08.08.2009 года)

В старые времена существовала прекрасная традиция – в деревенских домах на стенах вывешивались фотографии членов семьи, родственников. По этим фотографиям можно было узнать историю этой семьи. Обычно вверху на стене висели большие фотографии бабушки и дедушки, пониже их детей, а затем внуков и родственников. В детстве каждому ребенку обязательно показывали эту галерею портретов и о каждом рассказывали: кто это, каким он был. Так дети и узнавали о своих корнях, о своих предках.

Жизнь современного села строится по подобию городской и постепенно пропадает эта традиция, когда жители деревни были связаны друг с другом прочными связями. В наших селах люди часто совсем не знают истории своего родного края, рода и может быть, поэтому чувство родины, неведомое, неоткрытое ими в себе, еще спит...

РОДОВОЕ ДРЕВО

МУ «Центр культуры и досуга»
Парфеньевского муниципального района
Костромской области.

«МОИ КОРНИ»

Составитель: Скороспелова Е.И. (методист ЦКД)

с. Парфеньево, 2010 год.

Каждый человек должен, просто обязан, знать историю своего рода, своей семьи. Для чего это необходимо? Во-первых, чтобы ответить на все вопросы себе: кто мои предки, чем они занимались, какой образ жизни вели, какой отпечаток на их судьбы наложили исторические годы нашей страны? Во-вторых, несомненно, для того, чтобы последующие поколения этот материал могли использовать, сравнивать, приумножать. Так мы сохраним традиции, которые складывались годами, выявим особенности семейных обычаев, сохраним то звено в огромной цепи семейных отношений, которое как раз и отвечает за преемственность поколений.

У нас дома всегда была фотография деда – Анисимова Ивана Егоровича. Я хорошо помню, что он был снят в зимнем пальто и каракулевой шапке. Мой дед, со слов бабушки и моего отца, был очень образованным, по тем временам, человеком, был умным, справедливым, очень любил семью. Работал председателем сельского совета. Богатства, кроме детей, не было. В 1937 году по навету (так говорила бабушка) был репрессирован. Больше его не видели ни жена, ни дети. Папа рассказывал, как возил в Чухлому для него валенки, но передачу не взяли. Тот военный, с которым отец общался, сказал, что ничего не положено принимать. Папа с горечью вспоминал, что уже тогда понял, что отца больше не увидит.

После войны сестра папы – Анна Ивановна Рагозина, жившая в Москве, много делала запросов, чтобы узнать о судьбе отца, моего деда, ей прислали документ о том, что он реабилитирован. Получается так, что колесо истории, под которым погибли тысячи ни в чем невинных людей, не прошло и мимо нашего рода.

Моя бабушка (папина мать) – Анисимова Анна Дмитриевна, родилась в 1898 году. Образование – 2 класса церковно – приходской школы. Бабушка была верующим человеком, читала Библию на старо – славянском языке. Когда я была маленькая, удивлялась какие необычные слова она произносит. Позже, когда стала изучать в институте старо - славянский язык, удивлялась уже другому, как и где моя бабушка могла научиться этому языку? Она была очень немногословна, трудолюбива, любила всех – детей и внуков и правнуков. До пенсии бабушка работала в колхозе, в годы войны пришлось многое пережить, ведь два сына (мой отец и его брат Василий) воевали. Папа позже, когда рассказывал нам о войне, всегда говорил, что его спасла от гибели молитва матери. Работали в колхозе за трудодни, поэтому пенсия у неё была очень маленькая – 8 рублей 12 копеек, кажется, а потом она стала получать 12 рублей. Долгое время бабушка жила с нами, то есть с семьёй своего сына Ивана, присматривала за своими внуками, так как детского сада в нашей деревне не было. Помогала по хозяйству, когда мама была занята, бабушка доила корову, выгоняла её в поле, кормила кур, телят, поросят. Мне казалось, что бабушка не стареет, она очень редко на что-то жаловалась, но я помню, что у неё часто болели колени. Она говорила, что застудила в войну. За всю свою долгую жизнь она ни разу не пила чай с заваркой, только кипятком. Бабушка соблюдала строго все посты. Очень любила парить голанку (так она называла брюкву). Начистит, зальёт водой, посластит немного и поставит в печь. Мне нравилось это блюдо в холодном виде. Бывало так, что мы, её внуки, (а нас было четверо), могли в один присест съесть всё её варево. Бабушка не огорчалась, наверное, ей доставляло радость, что мы хорошо поели. Ещё я помню, что каждый вечер бабушка ходила на беседки. Жили в нашей деревне в основном одни женщины. Бабушка была очень

терпеливой, заботливой, внимательной, бескорыстной. Эти черты её характера передались и моему отцу. Последнее время бабушка жила в с. Шартанове Чухломского района, переехала к старшему сыну Василию. Недалеко от Шартанова в д. Старово жила её дочь – моя тётя Валентина Ивановна Баранова. Я бережно храню письмо, написанное моей бабушкой в 1979 году. В нем бабушка делится информацией о родных и знакомых. Умерла бабушка в 1984 году, похоронена на кладбище в с. Шартаново Чухломского района, ей было 86 лет. Вот это письмо без исправлений и редактирования:

Мой отец – Анисимов Иван Иванович родился 23 декабря 1925 года в д. Макарово Чухломского, бывшего Судайского района в обычной крестьянской семье, был четвёртым ребёнком в семье, (старше его был брат и две сестры), когда подрос, помогал по хозяйству, рано повзрослел, очень тяжело было, когда в 1937 году репрессировали отца – моего деда. Проблем стало ещё больше, но отец ходил в школу, у него была тяга к знаниям, успевал и матери помогать, и учиться. Жили бедно, но одежда была, её берегли. С детских лет отец познал нелёгкий крестьянский труд – косил траву, сушил сено, возил сдавать молоко, мог самостоятельно запрячь и распрячь лошадь. Да мало ли других дел было на селе. Любовь к крестьянскому труду отец сохранил до самых последних дней – ему не было равных по косьбе трав (когда уже был на заслуженном отдыхе, всегда помогал косить всем, кто попросит). Замечательно клепал косы, делал топорища, насаживал косы и грабли, колол дрова, подшивал валенки, ремонтировал кожаную обувь, колол скот и всё это чаще всего делал за «спасибо». Тяжело было, когда началась война. Ушёл на фронт старший брат Василий, отец тоже рвался на фронт, но его не брали – слишком мало лет, но на фронт отец всё-таки попал. Было это в январе 1943 года, в феврале принял присягу и был направлен в снайперскую школу. Целый год его учили стрелять точно в заданную цель без промаха, но снайпером на фронте ему быть не довелось. В 1944 году он был переведён на Ленинградский фронт командиром отделения. В июне 1944 года под Выборгом его ранило в ногу, провалялся на поле боя почти трое суток, – чистая случайность спасла: какой-то начальник на него наткнулся и вызвал санитаров. Так оказался в госпитале в Ленинграде, в Невской Лавре. Целый месяц там лечился, но рана заживала плохо, так он попал в эвакуацию, в глубокий тыл, в Шую. Пока там долечивался, начальник госпиталя предложила учиться на санинструктора. Так оказался в Иванове, окончил курсы санинструкторов, присвоили звание старшего сержанта, было это в конце 1944 года. В марте 1945 года папу опять ранило. В этом бою отец вытащил с поля боя 18 раненых бойцов, сам был ранен. Шрапнель разорвалась прямо в воздухе, 2 осколка попали в него. Один осколок он так и унёс с собой, всю мирную жизнь осколок этот напоминал ему о тех жестоких и суровых боях. За тот бой его наградили орденом Славы. В апреле 1945 года находились в Латвии, в обороне. Там и узнал отец, что окончилась война. Стояли они в лесу, увидели, что самолёты летают, а стрельбы нет. Затем увидели со стороны фронта посыльного на белом коне, он-то и сообщил, что война закончилась. «Что тут началось,- вспоминал отец, - все обнимались, кто в воздух стрелял, радости не было предела». Какое-то время ещё жили в г. Олнтус, прочёсывали населённые пункты, города, проверяли документы у населения.

Отец не любил воспоминания о войне, видимо кровь и горе нельзя залечить даже временем. Я помню, сколько усилий требовалось маме, чтобы упротить его рассказать нам, что-то о себе из военного лихолетья. Наверное, я училась классе в восьмом, Раиса Николаевна Демидова (учитель истории Судайской средней школы) дала задание – написать сочинение об одном военном дне. Сколько я слёз пролила, пока папа мне согласился рассказать хоть что-то. После войны отец вернулся только в 1948 году, так как сразу после её окончания, он попал в народную дивизию имени М.И. Калинина. В родную деревню Макарово он вернулся, когда мирная жизнь уже налаживалась. Пошёл работать в колхоз, пахал землю, возил молоко, хлеб. Познакомился с симпатичной учительницей, звали её Елизаветой. В 1949 году поженились, на Октябрьскую сыграли скромную свадьбу. Затем Елизавету перевели директором Больше-Вохтомской школы. Так они переехали в д. Яковлево бывшего Судайского района. Начали обустраиваться, своего жилья не было, жили на квартире. Мама работала директором школы, а папа – физруком. В 1950 году родился мой брат. Его называли в честь маминого отца Львом. Но

он очень рано умер. Затем в 1952 году появилась на свет я. Как вспоминала мама, папа был очень рад моему рождению, много времени проводил со мной. Когда я чуть подросла, папа приучал меня к деревенской жизни. Отец был заядлым охотником и грибником и я рано стала ходить с ним в лес за грибами и ягодами, собирала все ягоды, которые росли в наших лесах: чернику, клюкву, бруснику, землянику, малину. Поскольку я была старшей в семье, папа всегда брал меня на сенокос, учил косить, но силёнок не хватало, чаще всего я сшибала верхушки, как говорил папа. Но он не ругал, терпеливо объяснял, как надо держать косье, чтобы не набить мозолей, учил правильно точить косу. Заготовка корма для коров в то время было делом нелёгким: всё делали вручную – косили, сушили, сгребали, метали в стога. Сенокосы были далеко и чаще всего в неудобьях, чтобы вывезти сено, его надо было вынести на носилках на открытое место, а потом уже грузить. Вывозили сухую траву на лошадях. Укладывали сено на ондрец, там тоже требовались умение и сноровка – неправильно уложишь, весь воз мог перевернуться. Чаще всего потом сено приходилось досушивать, сгружали его в гумне, а потом уже переносили на носилках, чтобы сметать в зарод. Все эти навыки мне потом пригодились.

В 1953 году родился мой брат Михаил, в 1958 году – сестра Татьяна, в 1960 году – сестра Нина. Когда мы с братом подросли, школа уже стала начальной. Сначала работало в ней два учителя, но потом количество учащихся ежегодно уменьшалось и с 1960 года в школе остался один учитель. Мама стала заведующей и учителем начальных классов Больше-Вохтомской начальной школы в одном лице. Папа в 1955 году был назначен заведующим Яковлевским отделением связи, в этой должности он проработал до самого его закрытия в 1980 году, когда начали нарушаться неперспективные деревни. Отток жителей из деревни, конечно, начался раньше – уезжала в город молодёжь, в связи с тем, что в деревне не было работы, уезжали родители с детьми, так как закрылась школа. Моё родное Яковлево стало пустеть. Стариков забирали дети, молодёжь не возвращалась. Родители переехали в с. Судай, где маме дали квартиру в восьми квартирном доме. Папа стал работать в Судайском отделении связи оператором. Работал до 1990 года.

В нашей семье чёткого разграничения обязанностей я не помню. Хорошо запомнила, что родители вставали всегда очень рано – часа в 3-4 утра, мама доила корову, а папа в это время затоплял русскую печку, что-то по хозяйству помогала бабушка (чистила картошку, процеживала молоко). Мы – дети, помогали убираться в доме, ходили в лес за ягодами и грибами, пасли коров, встречали скотину с поля, пололи в огороде. Солили все вместе капусту, грибы, огурцы я, как старшая, мыла пол, натирая его песком, так как пол в доме был некрашенный. Отношения в семье были доброжелательные, хотя родители были строгие (особенно мама, она любила во всём дисциплину и порядок). Семья была очень гостеприимной, постоянно приезжали в гости папины сёстры, которые жили далеко. Сестра Анна Ивановна жила в Москве, Татьяна Ивановна – в Солигаличе, приезжали с семьями. Судьбы родственников сложились по-разному.

Мой дядя Анисимов Василий Иванович – участник Великой Отечественной Войны, был ранен, жил вместе с женой Екатериной Ивановной в девичестве Ершовой в с. Шартаново, работали в школе – интернате. Затем дядя работал плотником в совхозе «Шартановский», в 90-х годах прошлого века уехали в Выборг (там оба и похоронены). У них двое детей (т.е. мои двоюродные брат и сестра – Леонтий Васильевич и Людмила Васильевна).

Моя тётя Валентина Ивановна (по мужу Баранова) жила и работала в д. Старово, Шартановского с/совета, работала в животноводстве свиноводкой, была награждена за работу Орденом Трудового Красного Знамени. У неё четверо детей – три сына и дочь (т.е. мои двоюродные братья и сестра, трое из них живы – двое живут в Чухломском районе, сестра в г. Солигаличе).

У моей тети Татьяны Ивановны (по мужу Кудрявцевой) – моей тётки было четверо детей – все мальчики – Коля, Боря, двойняшки – Сергей и Андрей. Она работала главным агрономом в колхозе им. Мичурина Солигаличского района и жила в г. Солигаличе. Таким образом, у моего отца был брат и три сестры, пять детей, двенадцать внуков, три правнука, двенадцать племянников, семнадцать внучатых племянников.

В семье была традиция по субботам после бани собираться за столом у кипящего самовара (бабка Анна любила кипятком заваривать клюквенный кисель, варили в самоваре яйца).

Мы жили в д. Яковлево Чухломского района Костромской области, в которой отмечался престольный праздник – Ильин день – 2 августа. В обычные дни ели супы, каравайчики, залитухи. На Ильин день варили студень (мясо хранили в леднике), всевозможные кисели (черничный, малиновый, манный с разными подливками), тушили в печке картошку с мясом, делали залитухи (заливали мясо, картофель молоком с яйцами), пекли пироги с разными начинками – открытые и закрытые; сладкие, с творогом, с яйцами и луком. Обязательно мама пекла «шишельницу». Это такой пирог из маленьких шариков теста. С утра в доме пахло необычно вкусно пирогами и разными деревенскими угощениями. Позже, когда я училась в старших классах Судайской средней школы, уже специально на Ильин день покупали свежую рыбу, чаще всего это был окунь. Мама готовила его в молоке необычайно вкусно. Накануне праздника всегда ходили в лес за черникой, так как традиционно пекли пироги с черникой и варили черничный кисель. Часов в шесть, когда уже основные дела по хозяйству были сделаны, садились за стол. Приходили гости. Вечером взрослые ходили «в круг». Из клуба и домов выносили скамейки, ставили их кругом, и долго-долго звучала гармонь, разносились по деревне песни, частушки, в кругу менялись плясуны. На гармошке хорошо играли дядя Костя Дмитриев, дядя Миша Поломин. Папа тоже любил играть на гармошке. Играл «Краковяк», «Русского», «Цыганочку». Мама всегда была заводилой всех плясок, знала очень много частушек, папа тоже мог прервать игру и запеть частушки. С тех пор я помню несколько частушек, которые пели мои родители:

Ах ты, милая моя,
Ходи поаккуратнее.
Повыше юбочку носи –
Сердечку поприятнее.

Все крутые косогоры
Трость моя измерила –
Всей душой любил девчонку –
Она не верила.

Меня мамка прижимала
Сковородником в углу:
Признавайся – девок любишь?
О, ей богу, не люблю.

Задушевный мой товарищ,
Дураково полюшко.
Богачихи нас не любят –
Это нам не горюшко.

На суку сидит ворона,
Кормит воронёночка,
У какой-нибудь разини
Отобью милёночка.

Задушевный мой товарищ,
Ты пляши, не дуйся,
Если жалко сапогов,
То возьми разуйся.

Нас и хают, и ругают
Мы и хаяны живём,
Мы и хаяны – отчаянны –
Нигде не пропадём.

У родителей свободного времени, не было. Рано вставали, так как была корова, телёнок, куры, поросёнок, уходили на работу, а вечером – опять работа по хозяйству. Мама каждый вечер проверяла тетради, писала планы, папа тоже часто делал отчёты. Мы катались зимой на лыжах и санках, читали книги, летом играли в разные игры: «12 палочек», «Пан-черепан», «Штандор» - стали старше – играли в «Картошку», «волейбол». Вместе с родителями ходили в клуб на концерты, в кино. Поскольку родители были сельские интеллигенты – они по очереди на праздники готовили доклады, а мы – дети, принимали участие в концертах.

Я – Анисимова Елена Ивановна (по мужу Скороспелова) в 1969 году окончила Судайскую среднюю школу и сразу же поступила в Костромской государственной педагогической институт им. Н.А.Некрасова, который окончила в 1973 году по специальности «учитель русского языка и литературы». С 1973 года живу и работаю в с. Парфеньево. Начинала работать в Парфеньевской средней школе учителем русского языка и литературы, была организатором внеклассной и внешкольной работы, 7 лет работала заведующей Парфеньевским отделом народного образования, была инструктором РККПСС по школам, заместителем редактора районной газеты, заведующей общественно-политическим центром РККПСС, режиссёром народного театра, почти 13 лет возглавляла детский сад «Теремок», с 2007 года – на заслуженном отдыхе, но работаю.

Воспитали с мужем двоих детей, сейчас помогаем воспитывать внуков, их у нас трое (два внука и одна внучка). Я люблю стихи, пишу о природе, любви, для друзей, близких и знакомых, являюсь членом районного литобъединения «Надежда», печатаюсь в коллективных сборниках.

Моя сестра Татьяна Ивановна живёт и работает в г. Санкт-Петербурге, у неё пять детей, четверо внучат.

Сестра Нина Ивановна тоже живёт и работает в Санкт-Петербурге.

Хранителями фамилии моего отца являются дети моего брата Михаила, который рано ушёл из жизни (ему было всего 32 года). Со своей женой он встретился в Ленинграде, а родилась она, как оказалось, тоже в д. Яковлево. (Колодкина Людмила Николаевна в девичестве). У них четверо детей, старший Анисимов Иван Михайлович, назван был в честь деда, окончил в 2009 году университет, получил специальность инженера. А потом у них родилась тройня: два мальчика и девочка: Николай, Александр и Мария. Брат умер, когда тройняшкам только-только исполнилось по году. Сейчас они уже выросли, получили специальность, работают. Мы все благодарны родителям за то, что они дали нам образование, научили не пасовать перед трудностями, быть честными, принципиальными, активными, не прятаться за чужие спины.

По линии мамы родственников тоже немало. Мамин отец, мой дед – Антонов Лев Антипанович родился и вырос в г. Ленинграде, после революции вместе со своим братом Петром приехали в деревню Якшино Солигаличского района Костромской области. Его первая жена, мамина мама, умерла, когда маме было всего шесть лет. Семья была большая – пять детей, четыре дочки и сын. Дед женился второй раз. Бабка Нюня, так почему-то её все звали, не побоялась выйти замуж на пять детей, так она их всех и подняла. Дед был печником, говорили, что у него «золотые руки». Позже они переехали в д. Новосёлово.

Александра Львовна работала в колхозе.

Павел Львович Антонов тоже жил в Ленинграде, был женат, у него было двое сыновей – Саша и Валера.

Самая младшая сестра мамы – Антонина Львовна, жила сначала в д.Новосёлово, потом с семьёй переехала в д. Куземино Солигаличского района. У неё четверо детей – два сына и две дочери. Тётя работала в колхозе дояркой, потом работала продавцом в магазине.

По материнской линии у меня было три тётки и один дядя, семь двоюродных братьев и сестёр.

Мне хочется верить, что память о тех, кто дал нам жизнь, кто вывел на большую дорогу Жизни, будет тем живительным родником, который помогает двигаться вперёд. Пусть мои племянники, их дети, мои внуки знают и помнят о своих корнях.

Приложение № 1

Фотографии родственников по линии отца.

Анисимова Анна Дмитриевна – мать моего отца, моя бабушка.

**Бабушка Анисимова Анна Дмитриевна с внуками (слева направо):
Анисимов Леонтий Васильевич, Анисимов Александр Николаевич,
Рагозина Нина Николаевна и Анисимова Людмила Васильевна.**

2 июня 1946 года

1963 год

**Мой отец
Анисимов Иван Иванович.**

**Март 1980 года
с. Судай**

12 декабря 1984 года

Моя мама – Антонова Елизавета Львовна.

Моя мама – Анисимова Елизавета Львовна (в центре).

**Яковлевская начальная школа. 1962 год.
В 1-ом ряду моя мама Анисимова Елизавета Львовна,
я (справа от мамы), брат Михаил (слева от мамы).**

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I. «ИСТОРИЯ И ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ РОДНОГО КРАЯ»	2
ПРЕДИСЛОВИЕ	2
«НА КРУТОМ КОСОГОРЕ, НА ВОЛГЕ РЕКЕ...»	14
«ПОСЕЛОК АЛЕКСАНДРОВСКОЕ ОСТРОВСКОГО РАЙОНА»	19
«ИСТОРИЯ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ БУМАЖНОЙ ФАБРИКИ»	31
«ДЕРЕВНЯ ПОЦЕПКИНО МАНТУРОВСКОГО РАЙОНА»	31
«НИКОЛА-ГРАФ-СТАРИННОЕ РУССКОЕ СЕЛО»	43
«ИСТОРИЯ ИСЧЕЗАЮЩЕГО СЕЛА»	55
«ШОРГУТОВО – ПАВЛИКОВО. КНЯЖАЯ ПУСТЫНЬ - КОЛОГРИВ»	62
«АНДРЕЕВСКИЙ КЛЮЧИК»	70
«ДЕРЕВНЯ ХАЛАБУРДИХА ТИМОШИНСКОГО СЕЛЬСКОГО СОВЕТА МАКАРЬЕВСКОГО РАЙОНА»	72
«ИСТОРИЯ СЕЛА ВАСИЛЁВО КОСТРОМСКОГО РАЙОНА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ»	88
Глава II «МОЙ РОД, МОЯ СЕМЬЯ»	96
«НАСЛЕДСТВО»	96
«НИКОЛО – МАКАРОВО»	107
«МОЙ РОД - МОЯ РОДОСЛОВНАЯ»	111
«РОДОСЛОВНАЯ БАБАЛИНЫХ»	115
«МОИ КОРНИ»	119

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
научно-практической конференции
в рамках фестиваля
исследования традиционной народной культуры
«Дорогами народных традиций»
2009-2010 гг.

Рецензирование: Светлана Михайловна Гусева, заведующая отделом
по научно – исследовательской работе Костромского архитектурно – этнографического
и ландшафтного музея – заповедника «Костромская слобода».

Сборник подготовлен к выпуску
- отделом традиционной народной культуры **ОГБУК ОДНТ:**
Л.Н. Гузева, А.А. Сафронова, Л.С. Муратова

- отделом методической и информационно - аналитической деятельности
ОГБУК ОДНТ:
М.А. Назина, Е.Ю. Никифорова, Е.Л. Меньшикова, С.А. Жубаниязова

Ответственный за выпуск: директор ОГБУК ОДНТ Л.А. Тарабрина

© Областное государственное бюджетное учреждение культуры
«Областной Дом народного творчества», 2013 г.